И 71/538

И 71/538

У 71/538

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I-ГО.

Н. АРИСТОВА.

КІЕВЪ.
Типографія М. П. Фрица, на большой Владимір. у., возлѣ пам. св. Ирины с. д.
1878.

У 71/538

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I-ГО.

Н. АРИСТОВА.

КІЕВЪ.
Типографія М. П. Фрица, на большой Владимір. у., возлѣ пам. св. Ирины с. д.
1878.

71
538

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I-го.

Н. АРИСТОВА.

КІЕВЪ.
Типографія М. П. Фрица, на большой Владимір. у., возлѣ пам. св. Ирины с. д.
1879.

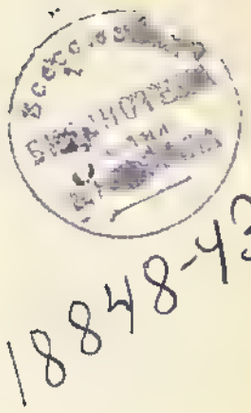
71
538

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I-го.

Н. АРИСТОВА.

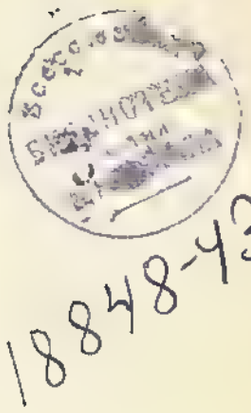
КІЕВЪ.
Типографія М. П. Фрица, на большой Владимір. у., возлѣ пам. св. Ирины с. д.
1879.



18848-43.

Печатано по опредѣленію Конференціи Истор.-филологич. института князя Безбородко

(Извлеч. изъ «Изв. Ист.-филологич. инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» за 1878 г.).



18848-43.

Печатано по опредѣленію Конференціи Истор.-филологич. института князя Безбородко

(Извлеч. изъ «Изв. Ист.-филологич. инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» за 1878 г.).

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I-го.

Петръ Великій имѣлъ своеобразный взглядъ на воспитаніе и образованіе: какъ человѣкъ дѣла и пользы, онъ видѣлъ въ наукѣ средство къ передѣлкѣ русскихъ порядковъ на иностранный ладъ, къ перенесенію иноземныхъ техническихъ свѣдѣній, хлопоталъ добыть дѣльныхъ практиковъ по всѣмъ отраслямъ сочиняемаго имъ государства, старался обучить русскихъ людей «навигацкой наукѣ и солдатскому артикулу, инженерству, артиллеріи, рисовать мачтабы, какъ корабли строются, боцманству, т. е. осматривать корабли, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить, экипажеству и механикѣ, ремеслу мѣдному, столярному и судовымъ строеніямъ, докторскому и врачебному искусству». Очевидно, государю нужно было обученіе механическое и онъ не заботился о развитіи убѣжденій, сознанія честности и благородства въ своихъ питомцахъ; поэтому онъ заводилъ спеціальныя школы для мореходства, хирургіи, цифири и т. под. Ему надо было образовать работниковъ и исполнителей его плановъ для преобразованія государства; онъ не задавался мыслью о значеніи науки, какъ нравственно—воспитательнаго начала, какъ средства для развитія человѣка.

Такой односторонній взглядъ на образованіе долго держался у правительственныхъ лицъ Россіи, несмотря на блестящую всестороннюю дѣятельность Ломоносова, колосальный образъ котораго стоитъ одиноко среди современныхъ ему недоучекъ. Ломоносовъ въ проэктѣ открытія московскаго университета ратовалъ за свободу преподаванія, вооружался противъ полицейскихъ тягостей, мѣшавшихъ распространенію [illegible]ій, противъ духовенства, которое не допускало разумнаго преподаванія и образованія научнаго во имя религіи, и даже ругало науку въ проповѣдяхъ (1). Не смотря на учрежденіе московскаго университета, въ царствованіе Елизаветы Петровны не существовало ни настоящей науки, ни гуманнаго образованія, хотя замѣтно нѣкоторое движеніе

СОСТОЯНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I-го.

Петръ Великій имѣлъ своеобразный взглядъ на воспитаніе и образованіе: какъ человѣкъ дѣла и пользы, онъ видѣлъ въ наукѣ средство къ передѣлкѣ русскихъ порядковъ на иностранный ладъ, къ перенесенію иноземныхъ техническихъ свѣдѣній, хлопоталъ добыть дѣльныхъ практиковъ по всѣмъ отраслямъ сочиняемаго имъ государства, старался обучить русскихъ людей «навигацкой наукѣ и солдатскому артикулу, инженерству, артиллеріи, рисовать мачтабы, какъ корабли строются, боцманству, т. е. осматривать корабли, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить, экипажеству и механикѣ, ремеслу мѣдному, столярному и судовымъ строеніямъ, докторскому и врачебному искусству». Очевидно, государю нужно было обученіе механическое и онъ не заботился о развитіи убѣжденій, сознанія честности и благородства въ своихъ питомцахъ; поэтому онъ заводилъ спеціальныя школы для мореходства, хирургіи, цифири и т. под. Ему надо было образовать работниковъ и исполнителей его плановъ для преобразованія государства; онъ не задавался мыслью о значеніи науки, какъ нравственно—воспитательнаго начала, какъ средства для развитія человѣка.

Такой односторонній взглядъ на образованіе долго держался у правительственныхъ лицъ Россіи, несмотря на блестящую всестороннюю дѣятельность Ломоносова, колосальный образъ котораго стоитъ одиноко среди современныхъ ему недоучекъ. Ломоносовъ въ проэктѣ открытія московскаго университета ратовалъ за свободу преподаванія, вооружался противъ полицейскихъ тягостей, мѣшавшихъ распространенію [illegible]ій, противъ духовенства, которое не допускало разумнаго преподаванія и образованія научнаго во имя религіи, и даже ругало науку въ проповѣдяхъ (1). Не смотря на учрежденіе московскаго университета, въ царствованіе Елизаветы Петровны не существовало ни настоящей науки, ни гуманнаго образованія, хотя замѣтно нѣкоторое движеніе

литературной работы и накопленіе подготовительныхъ трудовъ для будущей отечественной научной дѣятельности.

Екатерина II-я усвоила философскія идеи XVIII-го стол. и смотрѣла съ точки зрѣнія гуманизма на образованіе, какъ на способъ проложить путь къ общественному благоденствію, и вести народъ къ развитію въ добрѣ и нравственности. Лучшіе люди того времени сознавали необходимость, кромѣ просвѣщенія ума, особенно заботиться объ образованіи сердца, стремились выучить питомцевъ быть добродѣтельными, честными и благовоспитанными гражданами. «Самое надежное средство, говоритъ императрица, сдѣлать людей лучшими и спасать отъ преступленій», это—усовершенствованіе воспитанія; поэтому она желала, «чтобы съ изящнымъ разумомъ соединялось изящное сердце» и умножалось въ народѣ добронравіе. Тогда механическія занятія, знаніе и наука отодвигались на второй планъ, а благородство чувства считалось верхомъ совершенства въ воспитаніи; въ школахъ заботились «утверждать юныя сердца въ похвальныхъ склонностяхъ», мало обращая вниманія на ученіе и на запасъ знаній; воображали, что чувствомъ можно перещеголять самыхъ умныхъ и образованныхъ людей.

Александръ I-й, любимецъ Екатерины II-й, воспитанъ былъ именно въ этомъ духѣ чувствительности швейцарцемъ Лагарпомъ и М. Н. Муравьевымъ, которые развивали въ царственномъ отрокѣ гуманныя философскія воззрѣнія, прекрасныя чувства и честныя стремленія, на общихъ теоретическихъ началахъ. Къ сожалѣнію, французское вліяніе преобладало, и воспитатели не поселили въ немъ особой любви къ родинѣ и не могли сообщить ему достаточный запасъ свѣдѣній о своемъ отечествѣ. Ближайшее руководство воспитаніемъ и непосредственное вліяніе Екатерины II-й отразилось на наслѣдникѣ престола очень замѣтно и во всю жизнь его выражалось въ женственности характера, идеальномъ меланхолическомъ раздумьѣ и мистицизмѣ, которые развились въ немъ при удобныхъ обстоятельствахъ. Современники и особенно женщины рисуютъ намъ портретъ благовоспитаннаго Александра слѣдующими нѣжными чертами: Выраженіе лица его служило отблескомъ безконечной ангельской доброты, изящество манеръ и любезность привлекали къ нему сердца всѣхъ окружающихъ, сразу внушали полное къ нему довѣріе; въ голубыхъ глазахъ его просвѣчивало неподражаемое выраженіе кротости и мягкости. Онъ любилъ заниматься науками, будучи одаренъ изумительною памятью, умомъ тонкимъ и проницательнымъ, легко и поверхностно все схватывавшимъ. Онъ хорошо владѣлъ нѣсколькими языками и въ особенности краснорѣчиво говорилъ пофранцузски. Самъ воспитатель Лагарпъ сознается, что онъ не на-

литературной работы и накопленіе подготовительныхъ трудовъ для будущей отечественной научной дѣятельности.

Екатерина II-я усвоила философскія идеи XVIII-го стол. и смотрѣла съ точки зрѣнія гуманизма на образованіе, какъ на способъ проложить путь къ общественному благоденствію, и вести народъ къ развитію въ добрѣ и нравственности. Лучшіе люди того времени сознавали необходимость, кромѣ просвѣщенія ума, особенно заботиться объ образованіи сердца, стремились выучить питомцевъ быть добродѣтельными, честными и благовоспитанными гражданами. «Самое надежное средство, говоритъ императрица, сдѣлать людей лучшими и спасать отъ преступленій», это—усовершенствованіе воспитанія; поэтому она желала, «чтобы съ изящнымъ разумомъ соединялось изящное сердце» и умножалось въ народѣ добронравіе. Тогда механическія занятія, знаніе и наука отодвигались на второй планъ, а благородство чувства считалось верхомъ совершенства въ воспитаніи; въ школахъ заботились «утверждать юныя сердца въ похвальныхъ склонностяхъ», мало обращая вниманія на ученіе и на запасъ знаній; воображали, что чувствомъ можно перещеголять самыхъ умныхъ и образованныхъ людей.

Александръ I-й, любимецъ Екатерины II-й, воспитанъ былъ именно въ этомъ духѣ чувствительности швейцарцемъ Лагарпомъ и М. Н. Муравьевымъ, которые развивали въ царственномъ отрокѣ гуманныя философскія воззрѣнія, прекрасныя чувства и честныя стремленія, на общихъ теоретическихъ началахъ. Къ сожалѣнію, французское вліяніе преобладало, и воспитатели не поселили въ немъ особой любви къ родинѣ и не могли сообщить ему достаточный запасъ свѣдѣній о своемъ отечествѣ. Ближайшее руководство воспитаніемъ и непосредственное вліяніе Екатерины II-й отразилось на наслѣдникѣ престола очень замѣтно и во всю жизнь его выражалось въ женственности характера, идеальномъ меланхолическомъ раздумьѣ и мистицизмѣ, которые развились въ немъ при удобныхъ обстоятельствахъ. Современники и особенно женщины рисуютъ намъ портретъ благовоспитаннаго Александра слѣдующими нѣжными чертами: Выраженіе лица его служило отблескомъ безконечной ангельской доброты, изящество манеръ и любезность привлекали къ нему сердца всѣхъ окружающихъ, сразу внушали полное къ нему довѣріе; въ голубыхъ глазахъ его просвѣчивало неподражаемое выраженіе кротости и мягкости. Онъ любилъ заниматься науками, будучи одаренъ изумительною памятью, умомъ тонкимъ и проницательнымъ, легко и поверхностно все схватывавшимъ. Онъ хорошо владѣлъ нѣсколькими языками и въ особенности краснорѣчиво говорилъ пофранцузски. Самъ воспитатель Лагарпъ сознается, что онъ не на-

мѣренъ былъ преподавать науки наслѣднику престола, а ограничивался развитіемъ въ немъ гражданскаго чувства на основаніи историческихъ примѣровъ. По его словамъ, «правитель не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ; но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ». Во всѣхъ изображеніяхъ Александра I-го и во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы замѣчаемъ отсутствіе научнаго развитія и недостатокъ твердости воли, или лучше сказать: колебаніе его подъ вліяніями того или другаго направленія. Нельзя, конечно, винить воспитателей императора, что они не дали ему научныхъ знаній, серьезнаго образованія ума; они все сдѣлали добросовѣстно по тогдашнему времени, когда русской науки собственно и не существовало. Екатерина Великая достигла своей цѣли и дала блестящее гуманное образованіе наслѣднику престола, какъ понимали его тогда самые высокіе умы. Въ то время, когда представитель изнѣженной франціи Наполеонъ Бонапарте отличался грубымъ обращеніемъ, Александръ I-й затмѣвалъ любезностью самыхъ французовъ и превосходилъ во вниманіи и уваженіи къ женщинамъ даже дворъ Людовика XIV-го. Черезчуръ реальный Наполеонъ подшучивалъ надъ польками, что Александръ I-й очаровалъ ихъ всѣхъ своей любезностью; а о политическихъ воззрѣніяхъ его отзывался такъ: «Александру дали въ юности плохое направленіе; у него развились неправильныя понятія о филантропіи, вслѣдствіе наставленій его наставника Лагарпа. Повѣрите ли, что мнѣ пришлось въ Эрфуртѣ оспаривать его мнѣніе, что избирательное правительство гораздо лучше пресмственнаго» (2).

Одаренный прекрасными качествами ума и сердца, мягкосердечный человѣкъ по натурѣ и воспитываемый въ правилахъ широкаго гуманизма, онъ поставленъ былъ въ ложное положеніе къ родителямъ Екатериной II-й, которая хотѣла его возвести на русскій престолъ, помимо сына своего Павла Петровича. Находясь между различными лицами враждебныхъ лагарей бабки и отца, поставленный между двухъ огней, онъ съ дѣтства привыкъ углубляться въ себя, скрывать свои чувства, отличать людей съ достоинствами и презирать пустыхъ баловней счастья. Приготовляемый на тронъ, онъ вдругъ очутился въ тяжеломъ состояніи, когда небольшой кружокъ образованныхъ придворныхъ, по смерти Екатерины II-й, смѣнился грубыми солдатами, любимцами новаго императора, которые часто безъ церемоніи обращались съ наслѣдникомъ престола, зная о непріязни къ нему родителя. Богу одному извѣстно, что передумалъ и перечувствовалъ онъ, когда, при кроткомъ настроѣ всего своего существа, обязанъ былъ принимать участіе въ занятіяхъ суровыхъ и смотрѣть на строгія и мелочныя распоряженія

мѣренъ былъ преподавать науки наслѣднику престола, а ограничивался развитіемъ въ немъ гражданскаго чувства на основаніи историческихъ примѣровъ. По его словамъ, «правитель не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ; но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ». Во всѣхъ изображеніяхъ Александра I-го и во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы замѣчаемъ отсутствіе научнаго развитія и недостатокъ твердости воли, или лучше сказать: колебаніе его подъ вліяніями того или другаго направленія. Нельзя, конечно, винить воспитателей императора, что они не дали ему научныхъ знаній, серьезнаго образованія ума; они все сдѣлали добросовѣстно по тогдашнему времени, когда русской науки собственно и не существовало. Екатерина Великая достигла своей цѣли и дала блестящее гуманное образованіе наслѣднику престола, какъ понимали его тогда самые высокіе умы. Въ то время, когда представитель изнѣженной франціи Наполеонъ Бонапарте отличался грубымъ обращеніемъ, Александръ I-й затмѣвалъ любезностью самыхъ французовъ и превосходилъ во вниманіи и уваженіи къ женщинамъ даже дворъ Людовика XIV-го. Черезчуръ реальный Наполеонъ подшучивалъ надъ польками, что Александръ I-й очаровалъ ихъ всѣхъ своей любезностью; а о политическихъ воззрѣніяхъ его отзывался такъ: «Александру дали въ юности плохое направленіе; у него развились неправильныя понятія о филантропіи, вслѣдствіе наставленій его наставника Лагарпа. Повѣрите ли, что мнѣ пришлось въ Эрфуртѣ оспаривать его мнѣніе, что избирательное правительство гораздо лучше пресмственнаго» (2).

Одаренный прекрасными качествами ума и сердца, мягкосердечный человѣкъ по натурѣ и воспитываемый въ правилахъ широкаго гуманизма, онъ поставленъ былъ въ ложное положеніе къ родителямъ Екатериной II-й, которая хотѣла его возвести на русскій престолъ, помимо сына своего Павла Петровича. Находясь между различными лицами враждебныхъ лагарей бабки и отца, поставленный между двухъ огней, онъ съ дѣтства привыкъ углубляться въ себя, скрывать свои чувства, отличать людей съ достоинствами и презирать пустыхъ баловней счастья. Приготовляемый на тронъ, онъ вдругъ очутился въ тяжеломъ состояніи, когда небольшой кружокъ образованныхъ придворныхъ, по смерти Екатерины II-й, смѣнился грубыми солдатами, любимцами новаго императора, которые часто безъ церемоніи обращались съ наслѣдникомъ престола, зная о непріязни къ нему родителя. Богу одному извѣстно, что передумалъ и перечувствовалъ онъ, когда, при кроткомъ настроѣ всего своего существа, обязанъ былъ принимать участіе въ занятіяхъ суровыхъ и смотрѣть на строгія и мелочныя распоряженія

своего отца, вспыльчиваго государя. Тяжело было задушегному юношѣ, вмѣсто мысли и знанія, заниматься шагистикой на вѣчныхъ парадахъ; грустно было наблюдать, когда необразованная ватага солдатъ грязными руками стала грубо уничтожать гуманное направленіе, навѣянное философіей XVIII-го стол. Испугавшись распространенія революціонныхъ идей, Павелъ I-й послалъ Суворова за Альпы для ихъ уничтоженія; а дома принялъ строгія мѣры къ спасенію своихъ подданныхъ отъ этой заразы. Онъ запретилъ путешествовать за границу, вывозить въ Россію иностранныя сочиненія, на какомъ бы ни было языкѣ, и музыкальныя ноты. Профессоръ московскаго университета Геймъ такимъ образомъ восхвалялъ учрежденія Павла I-го въ торжественной рѣчи: «Мудрую прозорливость свою онъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣянію наукъ чрезъ учрежденіе строгой бдящей цензуры... Познанія и просвѣщеніе часто употребляются во зло чрезъ обольстительные напѣвы вольности сиренъ... Сколь счастливою почитать себя должна Россія, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія». Похвала черезчуръ прозрачна и сквозь нее сильно просвѣчиваетъ темная подкладка. До какой степени сразу замѣтнымъ сдѣлался упадокъ образованія при восхваляемыхъ прозорливыхъ распоряженіяхъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Екатерина II-я, въ видахъ заведенія училищъ по всѣмъ городамъ, приказала учредить учительскую гимназію; по сознанію министерства, въ царствованіе Павла I-го, «по малому вниманію на учебную часть, это заведеніе до того оскудѣло, что въ немъ не находилось ни единаго воспитанника, приготовленнаго наукою къ занятію учительскаго мѣста» (3).

Эти крайнія мѣры слишкомъ тяжелы были для зарождавшагося образованія и заставили Александра I-го, тотчасъ по вступленіи на престолъ, принять подъ свой покровъ незаслуженно гонимый умъ своихъ подданныхъ. Не напрасно внушалъ Лагарпъ своему питомцу, что заблужденія и предразсудки народа нельзя истребить насильственными мѣрами; просвѣщенный правитель долженъ дать свободу слова писателямъ, разоблачающимъ ложныя мнѣнія логическими доводами и неотразимою силою насмѣшки, а любовь къ просвѣщенію составляетъ драгоцѣнную черту сильныхъ міра. Императрица Екатерина II-я служила для него идеаломъ правительницы—и внукъ ея обѣщалъ Россіи царствовать «по законамъ и по сердцу бабки своей». Образованные люди съ восторгомъ привѣтствовали, молодаго монарха, надѣясь на поднятіе уровня отечественнаго просвѣщенія. И не напрасны были ихъ ожиданія: руководствуясь во взглядѣ на просвѣщеніе идеями императрицы Екатерины II-й, Александръ I-й одушевленъ былъ мыслью распростра-

своего отца, вспыльчиваго государя. Тяжело было задушегному юношѣ, вмѣсто мысли и знанія, заниматься шагистикой на вѣчныхъ парадахъ; грустно было наблюдать, когда необразованная ватага солдатъ грязными руками стала грубо уничтожать гуманное направленіе, навѣянное философіей XVIII-го стол. Испугавшись распространенія революціонныхъ идей, Павелъ I-й послалъ Суворова за Альпы для ихъ уничтоженія; а дома принялъ строгія мѣры къ спасенію своихъ подданныхъ отъ этой заразы. Онъ запретилъ путешествовать за границу, вывозить въ Россію иностранныя сочиненія, на какомъ бы ни было языкѣ, и музыкальныя ноты. Профессоръ московскаго университета Геймъ такимъ образомъ восхвалялъ учрежденія Павла I-го въ торжественной рѣчи: «Мудрую прозорливость свою онъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣянію наукъ чрезъ учрежденіе строгой бдящей цензуры... Познанія и просвѣщеніе часто употребляются во зло чрезъ обольстительные напѣвы вольности сиренъ... Сколь счастливою почитать себя должна Россія, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія». Похвала черезчуръ прозрачна и сквозь нее сильно просвѣчиваетъ темная подкладка. До какой степени сразу замѣтнымъ сдѣлался упадокъ образованія при восхваляемыхъ прозорливыхъ распоряженіяхъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Екатерина II-я, въ видахъ заведенія училищъ по всѣмъ городамъ, приказала учредить учительскую гимназію; по сознанію министерства, въ царствованіе Павла I-го, «по малому вниманію на учебную часть, это заведеніе до того оскудѣло, что въ немъ не находилось ни единаго воспитанника, приготовленнаго наукою къ занятію учительскаго мѣста» (3).

Эти крайнія мѣры слишкомъ тяжелы были для зарождавшагося образованія и заставили Александра I-го, тотчасъ по вступленіи на престолъ, принять подъ свой покровъ незаслуженно гонимый умъ своихъ подданныхъ. Не напрасно внушалъ Лагарпъ своему питомцу, что заблужденія и предразсудки народа нельзя истребить насильственными мѣрами; просвѣщенный правитель долженъ дать свободу слова писателямъ, разоблачающимъ ложныя мнѣнія логическими доводами и неотразимою силою насмѣшки, а любовь къ просвѣщенію составляетъ драгоцѣнную черту сильныхъ міра. Императрица Екатерина II-я служила для него идеаломъ правительницы—и внукъ ея обѣщалъ Россіи царствовать «по законамъ и по сердцу бабки своей». Образованные люди съ восторгомъ привѣтствовали, молодаго монарха, надѣясь на поднятіе уровня отечественнаго просвѣщенія. И не напрасны были ихъ ожиданія: руководствуясь во взглядѣ на просвѣщеніе идеями императрицы Екатерины II-й, Александръ I-й одушевленъ былъ мыслью распростра-

нить просвѣщеніе во всей Россіи, считая его главнымъ и естественнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія.—Чрезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, новый государь отмѣнилъ всѣ стѣснительные указы Павла I-го насчетъ образованія, велѣлъ распечатать частныя типографіи, вывозить и издавать иностранныя сочиненія и ноты; а вскорѣ потомъ издалъ повелѣніе о пропускѣ безъ досмотра цензуры иностранныхъ книгъ для университетовъ. Быстро возстановлены запустѣвшія учебныя заведенія; всѣмъ дозволено свободно ѣздить за границу; «перестали бояться шпіонства и доносовъ; искусства и литература, нестѣсняемыя болѣе, привѣтствовали своего августѣйшаго покровителя» (4). Дитя гуманнаго воззрѣнія конца XVIII-го стол., императоръ, неимѣя научнаго образованія и серьезныхъ познаній, однако вынесъ изъ уроковъ своихъ воспитателей сильную любовь къ наукѣ и уваженіе къ образованнымъ людямъ, которыхъ умѣлъ отличать, иногда, нестѣсняясь ихъ происхожденіемъ, не въ угоду боярства, избалованнаго Екатериной II-й. Крупнымъ образцомъ на этотъ разъ можетъ служить М. М. Сперанскій, къ которому обращался Воейковъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Ты славно побѣдилъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и кичливость...
Монарху славному со славою служи,
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ,
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ».

Настроеніе душевное императора относиться къ образованнымъ людямъ съ уваженіемъ сохранилось у него до конца дней (5).

Время Александра I-го особенно важно въ томъ отношеніи, что составляетъ эпоху въ умственномъ развитіи Россіи, когда началась дѣйствительно закладка научнаго и серьезнаго образованія, когда скрѣплялась связь между одностороннимъ обученіемъ Петра Великаго и сердечнымъ воспитаніемъ временъ Екатерины II-й, когда Россія покрылась какъ сѣтью учебными заведеніями и на высшее образованіе обращено сильное вниманіе. Окруженный образованными друзьями—идеалистами, молодой государь, наряду съ внутренними преобразованіями, сталъ заботиться особенно о просвѣщеніи Россіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. «Къ распространенію наукъ и художествъ, столь необходимыхъ для благоденствія народовъ», въ 1802 г. открыто Министерство Народнаго Просвѣщенія; первымъ министромъ назначенъ весьма удачно П. В. Завадовскій и это новое учрежденіе явилось могущественнымъ средствомъ для распространенія знаній въ Россіи. «Министръ народ-

нить просвѣщеніе во всей Россіи, считая его главнымъ и естественнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія.—Чрезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, новый государь отмѣнилъ всѣ стѣснительные указы Павла I-го насчетъ образованія, велѣлъ распечатать частныя типографіи, вывозить и издавать иностранныя сочиненія и ноты; а вскорѣ потомъ издалъ повелѣніе о пропускѣ безъ досмотра цензуры иностранныхъ книгъ для университетовъ. Быстро возстановлены запустѣвшія учебныя заведенія; всѣмъ дозволено свободно ѣздить за границу; «перестали бояться шпіонства и доносовъ; искусства и литература, нестѣсняемыя болѣе, привѣтствовали своего августѣйшаго покровителя» (4). Дитя гуманнаго воззрѣнія конца XVIII-го стол., императоръ, неимѣя научнаго образованія и серьезныхъ познаній, однако вынесъ изъ уроковъ своихъ воспитателей сильную любовь къ наукѣ и уваженіе къ образованнымъ людямъ, которыхъ умѣлъ отличать, иногда, нестѣсняясь ихъ происхожденіемъ, не въ угоду боярства, избалованнаго Екатериной II-й. Крупнымъ образцомъ на этотъ разъ можетъ служить М. М. Сперанскій, къ которому обращался Воейковъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Ты славно побѣдилъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и кичливость...
Монарху славному со славою служи,
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ,
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ».

Настроеніе душевное императора относиться къ образованнымъ людямъ съ уваженіемъ сохранилось у него до конца дней (5).

Время Александра I-го особенно важно въ томъ отношеніи, что составляетъ эпоху въ умственномъ развитіи Россіи, когда началась дѣйствительно закладка научнаго и серьезнаго образованія, когда скрѣплялась связь между одностороннимъ обученіемъ Петра Великаго и сердечнымъ воспитаніемъ временъ Екатерины II-й, когда Россія покрылась какъ сѣтью учебными заведеніями и на высшее образованіе обращено сильное вниманіе. Окруженный образованными друзьями—идеалистами, молодой государь, наряду съ внутренними преобразованіями, сталъ заботиться особенно о просвѣщеніи Россіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. «Къ распространенію наукъ и художествъ, столь необходимыхъ для благоденствія народовъ», въ 1802 г. открыто Министерство Народнаго Просвѣщенія; первымъ министромъ назначенъ весьма удачно П. В. Завадовскій и это новое учрежденіе явилось могущественнымъ средствомъ для распространенія знаній въ Россіи. «Министръ народ-

наго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ» управлялъ всѣми учебными заведеніями, исключая училищъ императрицы Маріи, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи типографіи, цензуру, журналистику, библіотеки, музеи и проч. Учрежденое тогда *Главное Правленіе училищъ* «обязано было особенно пещись о успѣхахъ всѣхъ заведеній, для распространенія просвѣщенія учрежденныхъ, образуя повсемѣстно просвѣщенныхъ и благонравныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ» (6). Екатерина II-я желала ототкрыть еще одинъ университетъ кромѣ московскаго въ Псковѣ, Черниговѣ или Пензѣ, какъ значится въ указѣ 29 янв. 1726 г., но этому предположенію не суждено было осуществиться на практикѣ; предписала она также завести училища по всѣмъ городамъ, но не имѣла успѣха, потому что не нашлось учителей. Александръ привелъ въ исполненіе ея предположеніе, открылъ много высшихъ учебныхъ заведеній, а для гимназій и школъ приказалъ набрать учителей изъ семинаристовъ (7). Скоро составленъ былъ систематическій планъ учрежденія учебныхъ заведеній общеобразовательныхъ, водворена стройная система и полная организація образованія и воспитанія. Въ 1803 г. «для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія», опредѣлялись четыре рода училищъ: 1, *приходскія*, которыя должны быть открыты въ каждомъ приходѣ или въ двухъ, судя по числу жителей, 2, *уѣздныя*—по всѣмъ уѣзднымъ городамъ, 3, *гимназіи*—въ каждомъ губернскомъ городѣ, 4, *университеты*—по учебнымъ округамъ. Кромѣ существующихъ въ Вильнѣ, Дерптѣ и Москвѣ, велѣно учредить университеты въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. Затѣмъ предназначались для университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе, «по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Тогда же предписаны правила о заведеніи всѣхъ училищъ (8). Съ особенной любовью государь относился къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ тотчасъ по вступленіи на престолъ; такъ въ актѣ дерптскому университету *(1802 г. дек., 12-го)* выражено: «Пріятно нашему сердцу привести сіе святилище наукъ въ цвѣтущее состояніе, посему пріемлемъ оный университетъ въ особенное наше покровительство и защиту»; еще полнѣе высказанъ взглядъ правительства на образованіе въ актѣ, данномъ виленскому университету (4-го апр. 1803 г.): «Желая утвердить благоденствіе всѣхъ областей имперіи нашей на просвѣщеніи народномъ, какъ единственномъ основаніи онаго, мы признали за истинное, что первый и самый благонадежный шагъ въ семъ пространномъ поприщѣ есть попеченіе объ устроеніи новыхъ и исправленіи существующихъ уже заведеній для воспитанія юношества, коихъ

наго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ» управлялъ всѣми учебными заведеніями, исключая училищъ императрицы Маріи, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи типографіи, цензуру, журналистику, библіотеки, музеи и проч. Учрежденое тогда *Главное Правленіе училищъ* «обязано было особенно пещись о успѣхахъ всѣхъ заведеній, для распространенія просвѣщенія учрежденныхъ, образуя повсемѣстно просвѣщенныхъ и благонравныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ» (6). Екатерина II-я желала ототкрыть еще одинъ университетъ кромѣ московскаго въ Псковѣ, Черниговѣ или Пензѣ, какъ значится въ указѣ 29 янв. 1726 г., но этому предположенію не суждено было осуществиться на практикѣ; предписала она также завести училища по всѣмъ городамъ, но не имѣла успѣха, потому что не нашлось учителей. Александръ привелъ въ исполненіе ея предположеніе, открылъ много высшихъ учебныхъ заведеній, а для гимназій и школъ приказалъ набрать учителей изъ семинаристовъ (7). Скоро составленъ былъ систематическій планъ учрежденія учебныхъ заведеній общеобразовательныхъ, водворена стройная система и полная организація образованія и воспитанія. Въ 1803 г. «для нравственнаго образованія гражданъ, соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія», опредѣлялись четыре рода училищъ: 1, *приходскія*, которыя должны быть открыты въ каждомъ приходѣ или въ двухъ, судя по числу жителей, 2, *уѣздныя*—по всѣмъ уѣзднымъ городамъ, 3, *гимназіи*—въ каждомъ губернскомъ городѣ, 4, *университеты*—по учебнымъ округамъ. Кромѣ существующихъ въ Вильнѣ, Дерптѣ и Москвѣ, велѣно учредить университеты въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. Затѣмъ предназначались для университетовъ города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе, «по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными». Тогда же предписаны правила о заведеніи всѣхъ училищъ (8). Съ особенной любовью государь относился къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ тотчасъ по вступленіи на престолъ; такъ въ актѣ дерптскому университету *(1802 г. дек., 12-го)* выражено: «Пріятно нашему сердцу привести сіе святилище наукъ въ цвѣтущее состояніе, посему пріемлемъ оный университетъ въ особенное наше покровительство и защиту»; еще полнѣе высказанъ взглядъ правительства на образованіе въ актѣ, данномъ виленскому университету (4-го апр. 1803 г.): «Желая утвердить благоденствіе всѣхъ областей имперіи нашей на просвѣщеніи народномъ, какъ единственномъ основаніи онаго, мы признали за истинное, что первый и самый благонадежный шагъ въ семъ пространномъ поприщѣ есть попеченіе объ устроеніи новыхъ и исправленіи существующихъ уже заведеній для воспитанія юношества, коихъ

польза доказана многолѣтнимъ опытомъ» (9). При учрежденіи университетовъ желали въ то время избѣжать приказнаго характера, присвоили имъ особыя права: допустили выборное начало и свой судъ, организовали ихъ самоуправленіе, даровали собственную цензуру, обогатили научными средствами, подчинили имъ всѣ училища округа и т. под. Уставъ университетскій представляетъ одно изъ замѣчательныхъ явленій того времени (10).

Какъ правительство, такъ различные классы общества и частныя лица, не жалѣли денегъ на развитіе народнаго просвѣщенія.

Въ 1803 г. министерство исчислило

на 4 университета	520,000	р.
на 42 гимназіи	236,000	»
на 405 уѣздныхъ училищъ	563,450	»
Итого . .	1,319,450	р.

При энергическихъ мѣрахъ министерства, въ царствованіе Александра устроено 4 университета, 4 лицея, 58 гимназій, 100 уѣздныхъ училищъ, множество народныхъ школъ: очевидно государь желалъ на дѣлѣ доказать свое стремленіе: «и въ хижинахъ да будетъ свѣтъ». Самымъ крупнымъ событіемъ тогдашняго времени было открытіе уѣздныхъ и приходскихъ училищъ; въ казанскомъ округѣ профес. Кондыревъ ѣздилъ 3 года съ этой цѣлью, приглашалъ къ пожертвованіямъ населеніе и всюду встрѣчалъ живое сочувствіе къ дѣлу просвѣщенія и собиралъ средства; открытія училищъ сопровождались крестнымъ ходомъ, колокольнымъ звономъ и пушечною пальбой. Пожертвованія ежегодно доходили до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ (въ 1818 г.—59,958 р.). При училищахъ старались заводить огороды и сады, библіотеки, запасъ книгъ для продажи по дешевой цѣнѣ, математическія и физическія пособія и проч. «Всѣ состоянія приняли дѣятельное участіе... Многія высшаго класса особы, и малыхъ и бѣдныхъ городовъ мѣщане явили похвальное свое усердіе» (11). Необходимость заведенія училищъ сильно чувствовалась всюду, напримѣръ, въ г. Уфѣ, правительственномъ центрѣ обширнаго края, было только одно народное училище и съ однимъ учителемъ. Открытіе повсемѣстно училищъ, рвеніе правительства къ дѣлу просвѣщенія и особенно поддержка высшихъ учебныхъ заведеній приводили въ восторгъ молодое поколѣніе. То была пора благородныхъ стремленій, теплой любви къ образованію, юношескаго пыла ко всему живому и дѣльному: открытіе университета въ Казани произвело истинный восторгъ между учениками гимназіи; всѣ обнимались, поздравили другъ друга и давали обѣщанія ревностно трудиться, чтобы попасть въ студенты (С. Т. Аксаковъ). Не одно количество учебныхъ заведеній обращаетъ на

польза доказана многолѣтнимъ опытомъ» (9). При учрежденіи университетовъ желали въ то время избѣжать приказнаго характера, присвоили имъ особыя права: допустили выборное начало и свой судъ, организовали ихъ самоуправленіе, даровали собственную цензуру, обогатили научными средствами, подчинили имъ всѣ училища округа и т. под. Уставъ университетскій представляетъ одно изъ замѣчательныхъ явленій того времени (10).

Какъ правительство, такъ различные классы общества и частныя лица, не жалѣли денегъ на развитіе народнаго просвѣщенія.

Въ 1803 г. министерство исчислило

на 4 университета	520,000	р.
на 42 гимназіи	236,000	»
на 405 уѣздныхъ училищъ	563,450	»
Итого . .	1,319,450	р.

При энергическихъ мѣрахъ министерства, въ царствованіе Александра устроено 4 университета, 4 лицея, 58 гимназій, 100 уѣздныхъ училищъ, множество народныхъ школъ: очевидно государь желалъ на дѣлѣ доказать свое стремленіе: «и въ хижинахъ да будетъ свѣтъ». Самымъ крупнымъ событіемъ тогдашняго времени было открытіе уѣздныхъ и приходскихъ училищъ; въ казанскомъ округѣ профес. Кондыревъ ѣздилъ 3 года съ этой цѣлью, приглашалъ къ пожертвованіямъ населеніе и всюду встрѣчалъ живое сочувствіе къ дѣлу просвѣщенія и собиралъ средства; открытія училищъ сопровождались крестнымъ ходомъ, колокольнымъ звономъ и пушечною пальбой. Пожертвованія ежегодно доходили до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ (въ 1818 г.—59,958 р.). При училищахъ старались заводить огороды и сады, библіотеки, запасъ книгъ для продажи по дешевой цѣнѣ, математическія и физическія пособія и проч. «Всѣ состоянія приняли дѣятельное участіе... Многія высшаго класса особы, и малыхъ и бѣдныхъ городовъ мѣщане явили похвальное свое усердіе» (11). Необходимость заведенія училищъ сильно чувствовалась всюду, напримѣръ, въ г. Уфѣ, правительственномъ центрѣ обширнаго края, было только одно народное училище и съ однимъ учителемъ. Открытіе повсемѣстно училищъ, рвеніе правительства къ дѣлу просвѣщенія и особенно поддержка высшихъ учебныхъ заведеній приводили въ восторгъ молодое поколѣніе. То была пора благородныхъ стремленій, теплой любви къ образованію, юношескаго пыла ко всему живому и дѣльному: открытіе университета въ Казани произвело истинный восторгъ между учениками гимназіи; всѣ обнимались, поздравили другъ друга и давали обѣщанія ревностно трудиться, чтобы попасть въ студенты (С. Т. Аксаковъ). Не одно количество учебныхъ заведеній обращаетъ на

себя вниманіе въ царствованіе Александра, но и улучшеніе преподаванія, усиленіе средствъ и строгая система дальнѣйшаго усовершенствованія ихъ. Державинъ писалъ въ 1811 г. о недостаткахъ своего образованія и воспитанія въ 1-й казанской гимназіи и завидовалъ современникамъ, которые были счастливѣе его: «Насъ научали тогда вѣрѣ безъ катихизиса, языкамъ—безъ грамматики, числамъ и измѣренію—безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ и т. под. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда бы можно было почерпать глубокія и обширныя свѣдѣнія». Чрезъ полстолѣтія въ той же гимназіи, когда тамъ учился С. Т. Аксаковъ, преподаваніе было совсѣмъ другое и учители, выходившіе изъ московскаго университета, казались ученикамъ настоящими учеными (12). Въ царствованіе Александра учреждено и приведено въ лучшій порядокъ множество женскихъ учебныхъ заведеній; на этомъ пути отличалась особенно вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна и создала особое вѣдомство (13).

Кромѣ общихъ учебныхъ заведеній, возникъ цѣлый рядъ спеціальныхъ и техническихъ, какъ на средства правительства, такъ и на частныя пожертвованія. Въ 1803 г. окт. 9 предположено завести военныя училища и кадетскіе корпуса для содержанія 3,000 благородныхъ питомцевъ; число это могло быть увеличено, чтобы благородные юноши пріобрѣтали познанія, *приличныя ихъ состоянію*, чтобы просвѣщеніе ума и образованіе сердца сдѣлало ихъ способными начинать служеніе отечеству (14). Въ 1804 г. въ Москвѣ учреждено училище торговыхъ наукъ по желанію купечества, а въ Одессѣ и Таганрогѣ открыты коммерческія гимназіи. Отличныхъ воспитанниковъ велѣно отправлять за границу для практическаго изученія коммерціи. Но такъ какъ купеческія дѣти стремились занять мѣста въ государственной службѣ по окончаніи курса, то правительство постановило допускать ихъ къ этой службѣ только черезъ 10 лѣтъ (15). Велѣно образовать горныя училища при заводахъ для обученія мастерствамъ, а потомъ развивать знанія и открыть школу при горномъ кадетскомъ корпусѣ. Далѣе основаны школы ветеринарная и аптекарская при медицинской академіи, училища для приготовленія строителей и мореплавателей, учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ, лѣсныя училища въ Царскомъ Селѣ и въ г. Козельскѣ (16). Въ 1807 г. учрежденъ былъ «Комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ»; въ числѣ шести членовъ его находился М. М. Сперанскій, который былъ главнымъ дѣятелемъ улучшенія духовнаго образованія, и указалъ источникъ средствъ для содержанія училищъ и семинарій въ продажѣ восковыхъ свѣчей при церквахъ; онъ же трудился надъ составленіемъ устава духовныхъ

себя вниманіе въ царствованіе Александра, но и улучшеніе преподаванія, усиленіе средствъ и строгая система дальнѣйшаго усовершенствованія ихъ. Державинъ писалъ въ 1811 г. о недостаткахъ своего образованія и воспитанія въ 1-й казанской гимназіи и завидовалъ современникамъ, которые были счастливѣе его: «Насъ научали тогда вѣрѣ безъ катихизиса, языкамъ—безъ грамматики, числамъ и измѣренію—безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ и т. под. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда бы можно было почерпать глубокія и обширныя свѣдѣнія». Чрезъ полстолѣтія въ той же гимназіи, когда тамъ учился С. Т. Аксаковъ, преподаваніе было совсѣмъ другое и учители, выходившіе изъ московскаго университета, казались ученикамъ настоящими учеными (12). Въ царствованіе Александра учреждено и приведено въ лучшій порядокъ множество женскихъ учебныхъ заведеній; на этомъ пути отличалась особенно вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна и создала особое вѣдомство (13).

Кромѣ общихъ учебныхъ заведеній, возникъ цѣлый рядъ спеціальныхъ и техническихъ, какъ на средства правительства, такъ и на частныя пожертвованія. Въ 1803 г. окт. 9 предположено завести военныя училища и кадетскіе корпуса для содержанія 3,000 благородныхъ питомцевъ; число это могло быть увеличено, чтобы благородные юноши пріобрѣтали познанія, *приличныя ихъ состоянію*, чтобы просвѣщеніе ума и образованіе сердца сдѣлало ихъ способными начинать служеніе отечеству (14). Въ 1804 г. въ Москвѣ учреждено училище торговыхъ наукъ по желанію купечества, а въ Одессѣ и Таганрогѣ открыты коммерческія гимназіи. Отличныхъ воспитанниковъ велѣно отправлять за границу для практическаго изученія коммерціи. Но такъ какъ купеческія дѣти стремились занять мѣста въ государственной службѣ по окончаніи курса, то правительство постановило допускать ихъ къ этой службѣ только черезъ 10 лѣтъ (15). Велѣно образовать горныя училища при заводахъ для обученія мастерствамъ, а потомъ развивать знанія и открыть школу при горномъ кадетскомъ корпусѣ. Далѣе основаны школы ветеринарная и аптекарская при медицинской академіи, училища для приготовленія строителей и мореплавателей, учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ, лѣсныя училища въ Царскомъ Селѣ и въ г. Козельскѣ (16). Въ 1807 г. учрежденъ былъ «Комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ»; въ числѣ шести членовъ его находился М. М. Сперанскій, который былъ главнымъ дѣятелемъ улучшенія духовнаго образованія, и указалъ источникъ средствъ для содержанія училищъ и семинарій въ продажѣ восковыхъ свѣчей при церквахъ; онъ же трудился надъ составленіемъ устава духовныхъ

академій. Уставы академій, семинарій и духовныхъ училищъ обнародованы въ 1814 г. (17). Въ тоже время учреждены: институтъ для приготовленія способныхъ инженеровъ, преобразованный въ 1823 г., главный педагогическій институтъ и высшее училище правовѣдѣнія (18).

Не смотря на разстроенные финансы, государь не щадилъ расходовъ на пріобрѣтеніе учебныхъ средствъ; Карамзинъ говорилъ, будто милліоны тратятся *даромъ* на университеты; но государь имѣлъ другіе взгляды и потому не жалѣлъ денегъ, если онѣ требовались для учебныхъ учрежденій. Не разъ давалъ онъ изъ своихъ кабинетныхъ средствъ на изданіе или распространеніе полезныхъ сочиненій (19). Заведеніе кабинетовъ, музеевъ и библіотекъ находило всегда радушную поддержку правительства (20).

Издавая правила объ—устройствѣ училищъ и о распространеніи наукъ въ имперіи, государь обращался къ народу съ слѣдующими знаменательными словами: «Мы увѣрены, что всѣ наши вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ содѣйствовать нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу нашему любезномъ»... «Всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ, вспомоществуя правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее и утвердить на предыдущее время, благосостояніе и славу ихъ отечества». Это заявленіе имѣло необычайный успѣхъ: сотни тысячъ рублей, обреченные на внѣшнія дѣла благотворительности, пожертвованы на учебныя заведенія. Особенно интересно прошеніе П. Г. Демидова на имя государя; изъ него видно, какое громадное вліяніе произвело его намѣреніе возвысить просвѣщеніе Россіи. «Съ давнихъ лѣтъ помышлялъ я, говоритъ Демидовъ, удѣлить отъ избытковъ имущества своего на какое—нибудь человѣколюбивое заведеніе; а любя науки, и почитая просвѣщеніе первымъ основаніемъ благосостоянія государства, сильнѣйшее мое желаніе всегда было споспѣшествовать распространенію оныхъ. Величайшій и несравненный примѣръ В. И. Величества, открывающій путь ко всеобщему просвѣщенію въ Россіи, возбудилъ во мнѣ непреоборимое желаніе произвести въ самое дѣйствіе то, о чемъ помышлялъ я нѣсколько лѣтъ». И онъ пожертвовалъ 300,000 руб. и 3,578 душъ крестьянъ въ пользу высшихъ учебныхъ заведеній (21). Желая содѣйствовать благодѣтельнымъ намѣреніямъ правительства къ просвѣщенію народа, цѣлыя общества и частныя лица собирали и

академій. Уставы академій, семинарій и духовныхъ училищъ обнародованы въ 1814 г. (17). Въ тоже время учреждены: институтъ для приготовленія способныхъ инженеровъ, преобразованный въ 1823 г., главный педагогическій институтъ и высшее училище правовѣдѣнія (18).

Не смотря на разстроенные финансы, государь не щадилъ расходовъ на пріобрѣтеніе учебныхъ средствъ; Карамзинъ говорилъ, будто милліоны тратятся *даромъ* на университеты; но государь имѣлъ другіе взгляды и потому не жалѣлъ денегъ, если онѣ требовались для учебныхъ учрежденій. Не разъ давалъ онъ изъ своихъ кабинетныхъ средствъ на изданіе или распространеніе полезныхъ сочиненій (19). Заведеніе кабинетовъ, музеевъ и библіотекъ находило всегда радушную поддержку правительства (20).

Издавая правила объ—устройствѣ училищъ и о распространеніи наукъ въ имперіи, государь обращался къ народу съ слѣдующими знаменательными словами: «Мы увѣрены, что всѣ наши вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ содѣйствовать нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу нашему любезномъ»... «Всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ, вспомоществуя правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее и утвердить на предыдущее время, благосостояніе и славу ихъ отечества». Это заявленіе имѣло необычайный успѣхъ: сотни тысячъ рублей, обреченные на внѣшнія дѣла благотворительности, пожертвованы на учебныя заведенія. Особенно интересно прошеніе П. Г. Демидова на имя государя; изъ него видно, какое громадное вліяніе произвело его намѣреніе возвысить просвѣщеніе Россіи. «Съ давнихъ лѣтъ помышлялъ я, говоритъ Демидовъ, удѣлить отъ избытковъ имущества своего на какое—нибудь человѣколюбивое заведеніе; а любя науки, и почитая просвѣщеніе первымъ основаніемъ благосостоянія государства, сильнѣйшее мое желаніе всегда было споспѣшествовать распространенію оныхъ. Величайшій и несравненный примѣръ В. И. Величества, открывающій путь ко всеобщему просвѣщенію въ Россіи, возбудилъ во мнѣ непреоборимое желаніе произвести въ самое дѣйствіе то, о чемъ помышлялъ я нѣсколько лѣтъ». И онъ пожертвовалъ 300,000 руб. и 3,578 душъ крестьянъ въ пользу высшихъ учебныхъ заведеній (21). Желая содѣйствовать благодѣтельнымъ намѣреніямъ правительства къ просвѣщенію народа, цѣлыя общества и частныя лица собирали и

дарили громадныя суммы. Въ 1803 г. мая 25 слободско-украинское дворянство пожертвовало для учрежденія харьковскаго университета 400,000 рублей. Въ 1805 г. іюля 29 канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко завѣщалъ 210,000 руб. въ пользу богоугодныхъ заведеній, а его братъ Илья счелъ удобнѣе и сообразнѣе *съ видами государя* открыть училище высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, пожертвовавъ отъ себя мѣсто съ садомъ и обезпечивъ платежъ денегъ тремя тысячами душъ крестьянъ въ Малороссіи (22). За пожертвованія правительство разсылало рескрипты, награждало чинами и орденами благотворителей, приказывало ставить ихъ бюсты въ торжественной залѣ, утверждало почетными членами или попечителями заведеній и т. под. (23). Въ 1816 г. янв. 15 вышло распоряженіе объ—опредѣленіи наградъ лицамъ, поддерживавшимъ учебныя заведенія. Дабы жертвователей въ пользу училищъ больше поощрить и возбудить въ другихъ соревнованіе къ благотвореніямъ, назначались министерствомъ награды и почести, сообразно приношеніямъ каждаго. Эта такса наградъ за приношенія, какъ и слѣдовало ожидать, привела скоро къ пожертвованіямъ съ разсчетомъ—получить высокія права. Штиглицъ, напримѣръ, пожертвовалъ 100 тыс. р., чтобы братьямъ его или одному изъ нихъ даровано было дворянское достоинство. Но когда ему отвѣчали, что россійское дворянство не можетъ быть куплено никакимъ пожертвованіемъ и жалуется самодержавной властью за заслуги, то онъ просилъ не дѣлать его прошенія гласнымъ и не награждать ничѣмъ, а деньги предоставилъ на общеполезное заведеніе (24). Они пошли на учрежденіе Ришельевскаго лицея.

Забота объ улучшеніи положенія учащаго сословія проявлялась постоянно въ правительственныхъ лицахъ, которыя старались о поднятіи правъ и привилегій преподавателей; въ 1803 г. вышли постановленія: не взыскивать квартирныхъ денегъ съ домовъ, занимаемыхъ профессорами,—провозить безпошлинно изъ-за границы профессорамъ пожитковъ на 3000 руб. Обращено было вниманіе на матеріальное обезпеченіе учителей, которые «лишены средствъ къ приличному содержанію» и отъ выхода которыхъ въ другія должности затворялись училища. Иногда выдавали денежныя награды усердным педагогамъ. Вопросы о пенсіяхъ, о чинахъ и мундирахъ для служащихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія возбуждались и рѣшались въ теченіе всего царствованія Александра I-го. Но при всѣхъ стараніяхъ правительства, при всѣхъ издержкахъ, при всѣхъ частныхъ и общихъ усиліяхъ, число людей, могущихъ съ честью и съ пользою заниматься преподаваніемъ, весьма было ограничено, со включеніемъ даже иноземцевъ, вызванныхъ изъ-за границы. Въ самомъ Петербургѣ должности преподавателей за-

дарили громадныя суммы. Въ 1803 г. мая 25 слободско-украинское дворянство пожертвовало для учрежденія харьковскаго университета 400,000 рублей. Въ 1805 г. іюля 29 канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко завѣщалъ 210,000 руб. въ пользу богоугодныхъ заведеній, а его братъ Илья счелъ удобнѣе и сообразнѣе *съ видами государя* открыть училище высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, пожертвовавъ отъ себя мѣсто съ садомъ и обезпечивъ платежъ денегъ тремя тысячами душъ крестьянъ въ Малороссіи (22). За пожертвованія правительство разсылало рескрипты, награждало чинами и орденами благотворителей, приказывало ставить ихъ бюсты въ торжественной залѣ, утверждало почетными членами или попечителями заведеній и т. под. (23). Въ 1816 г. янв. 15 вышло распоряженіе объ—опредѣленіи наградъ лицамъ, поддерживавшимъ учебныя заведенія. Дабы жертвователей въ пользу училищъ больше поощрить и возбудить въ другихъ соревнованіе къ благотвореніямъ, назначались министерствомъ награды и почести, сообразно приношеніямъ каждаго. Эта такса наградъ за приношенія, какъ и слѣдовало ожидать, привела скоро къ пожертвованіямъ съ разсчетомъ—получить высокія права. Штиглицъ, напримѣръ, пожертвовалъ 100 тыс. р., чтобы братьямъ его или одному изъ нихъ даровано было дворянское достоинство. Но когда ему отвѣчали, что россійское дворянство не можетъ быть куплено никакимъ пожертвованіемъ и жалуется самодержавной властью за заслуги, то онъ просилъ не дѣлать его прошенія гласнымъ и не награждать ничѣмъ, а деньги предоставилъ на общеполезное заведеніе (24). Они пошли на учрежденіе Ришельевскаго лицея.

Забота объ улучшеніи положенія учащаго сословія проявлялась постоянно въ правительственныхъ лицахъ, которыя старались о поднятіи правъ и привилегій преподавателей; въ 1803 г. вышли постановленія: не взыскивать квартирныхъ денегъ съ домовъ, занимаемыхъ профессорами,—провозить безпошлинно изъ-за границы профессорамъ пожитковъ на 3000 руб. Обращено было вниманіе на матеріальное обезпеченіе учителей, которые «лишены средствъ къ приличному содержанію» и отъ выхода которыхъ въ другія должности затворялись училища. Иногда выдавали денежныя награды усердным педагогамъ. Вопросы о пенсіяхъ, о чинахъ и мундирахъ для служащихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія возбуждались и рѣшались въ теченіе всего царствованія Александра I-го. Но при всѣхъ стараніяхъ правительства, при всѣхъ издержкахъ, при всѣхъ частныхъ и общихъ усиліяхъ, число людей, могущихъ съ честью и съ пользою заниматься преподаваніемъ, весьма было ограничено, со включеніемъ даже иноземцевъ, вызванныхъ изъ-за границы. Въ самомъ Петербургѣ должности преподавателей за-

мѣщались съ величайшимъ трудомъ. «Никто не изберетъ добровольно сего рода службы, по недостатку жалованья, всѣ стремятся къ другимъ выгоднѣйшимъ и болѣе уважаемымъ», заявляетъ министерство. Хотя нѣкоторые въ маломъ числѣ поступаютъ учителями въ разныя учебныя заведенія, «но вскорѣ, прельщаясь личными выгодами другаго рода службы и званій, теряютъ они ревность къ многотрудному и маловидному учительскому занятію, и оставляютъ сіе званіе, когда чрезъ пріобрѣтенный въ ономъ навыкъ могли бы наиболѣе быть полезными». Поэтому всюду большая нужда въ способныхъ учителяхъ, а иногда въ училищахъ, за выбытіемъ учителя, прерывается ученіе (25).

Права и преимущества учащихся въ царствованіе Александра также расширены сравнительно съ прежнимъ временемъ и получили стройную систему. Въ проэктѣ XVIII в. объ-основаніи московскаго университета прямо запрещается принимать крѣпостныхъ людей въ университетъ и въ гимназіи, «потому что науки почитаются благородными занятіями». Но Ломоносовъ возсталъ противъ этого заявленія и доказывалъ, что посадскіе крестьяне и несвободные люди должны учиться въ университетѣ и этимъ науки и ученые люди не унизятся: бываютъ же цари и князья съ несвободными въ церкви и вмѣстѣ слушаютъ слово божіе. «Науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ». Несмотря на такія убѣжденія Ломоносова, бояре отстаивали свои исключительныя права на поступленіе въ университетъ и протестовали даже въ царствованіе Александра I-го противъ образованія крѣпостныхъ людей; но Правленіе училищъ рѣшило допустить въ университеты всѣхъ любознательныхъ людей безъ различія лѣтъ и сословій, хотя бы они были не студенты, а посторонніе слушатели (26). Входъ во святилище наукъ стали разрѣшать лицамъ низшихъ классовъ общества, податнымъ и даже крѣпостнымъ людямъ. Такъ вышло распоряженіе, чтобы изъ солдатскихъ дѣтей способнѣйшіе и оказавшіе отличные успѣхи при лучшемъ поведеніи, воспитываемые въ с.п.-бургской гимназіи, поступали въ корпусъ учительскими помощниками. Въ горнозаводскую школу графини Строгановой велѣно принимать 300 дѣтей крѣпостнаго и свободнаго званія для занятія мѣстъ прикащиковъ при заводахъ, въ качествѣ ремесленниковъ. Подъ вліяніемъ гуманнаго образованія, правительство считало необходимымъ предоставить свободу воспитанія лицамъ, которыя казались недостойными такого благодѣянія. Евреямъ, сибирскимъ инородцамъ, грекамъ, почтовымъ служителямъ сибирскихъ губерній предоставлены права поступленія въ русскія училища и разрѣшено самимъ заводить собственныя

мѣщались съ величайшимъ трудомъ. «Никто не изберетъ добровольно сего рода службы, по недостатку жалованья, всѣ стремятся къ другимъ выгоднѣйшимъ и болѣе уважаемымъ», заявляетъ министерство. Хотя нѣкоторые въ маломъ числѣ поступаютъ учителями въ разныя учебныя заведенія, «но вскорѣ, прельщаясь личными выгодами другаго рода службы и званій, теряютъ они ревность къ многотрудному и маловидному учительскому занятію, и оставляютъ сіе званіе, когда чрезъ пріобрѣтенный въ ономъ навыкъ могли бы наиболѣе быть полезными». Поэтому всюду большая нужда въ способныхъ учителяхъ, а иногда въ училищахъ, за выбытіемъ учителя, прерывается ученіе (25).

Права и преимущества учащихся въ царствованіе Александра также расширены сравнительно съ прежнимъ временемъ и получили стройную систему. Въ проэктѣ XVIII в. объ-основаніи московскаго университета прямо запрещается принимать крѣпостныхъ людей въ университетъ и въ гимназіи, «потому что науки почитаются благородными занятіями». Но Ломоносовъ возсталъ противъ этого заявленія и доказывалъ, что посадскіе крестьяне и несвободные люди должны учиться въ университетѣ и этимъ науки и ученые люди не унизятся: бываютъ же цари и князья съ несвободными въ церкви и вмѣстѣ слушаютъ слово божіе. «Науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ». Несмотря на такія убѣжденія Ломоносова, бояре отстаивали свои исключительныя права на поступленіе въ университетъ и протестовали даже въ царствованіе Александра I-го противъ образованія крѣпостныхъ людей; но Правленіе училищъ рѣшило допустить въ университеты всѣхъ любознательныхъ людей безъ различія лѣтъ и сословій, хотя бы они были не студенты, а посторонніе слушатели (26). Входъ во святилище наукъ стали разрѣшать лицамъ низшихъ классовъ общества, податнымъ и даже крѣпостнымъ людямъ. Такъ вышло распоряженіе, чтобы изъ солдатскихъ дѣтей способнѣйшіе и оказавшіе отличные успѣхи при лучшемъ поведеніи, воспитываемые въ с.п.-бургской гимназіи, поступали въ корпусъ учительскими помощниками. Въ горнозаводскую школу графини Строгановой велѣно принимать 300 дѣтей крѣпостнаго и свободнаго званія для занятія мѣстъ прикащиковъ при заводахъ, въ качествѣ ремесленниковъ. Подъ вліяніемъ гуманнаго образованія, правительство считало необходимымъ предоставить свободу воспитанія лицамъ, которыя казались недостойными такого благодѣянія. Евреямъ, сибирскимъ инородцамъ, грекамъ, почтовымъ служителямъ сибирскихъ губерній предоставлены права поступленія въ русскія училища и разрѣшено самимъ заводить собственныя

школы (27). Министерство постоянно жаловалось на недостатокъ учителей и потому старалось размножать обязанныхъ службой стипендіатовъ, давая средство бѣднякамъ получить образованіе, посылало ихъ на казенный счетъ за границу и увеличивало средства содержанія студентовъ въ университетахъ, учредило чины, мундиры и медали въ видѣ награды (28).

Въ царствованіе Александра I-го академія наукъ, поддержанная правительствомъ, стала приносить болѣе пользы, чѣмъ въ предыдущіе годы. *Въ 1803 г. іюля 25* правительство опредѣлило слѣдующія обязанности академіи наукъ: «Расширить предѣлы знаній, усовершенствовать науки, обогащать ихъ новыми открытіями, распространять просвѣщеніе, направлять познанія ко благу общему, приспособляя къ практическому употребленію теоріи и полезныя свѣдѣнія опытовъ и наблюденій». Кромѣ того, поставлено задачей «непосредственно обращать труды свои въ пользу Россіи, распространяя познанія естественныхъ произведеній имперіи, изыскивая средства къ умноженію источниковъ богатства и силы государствъ» (29). Академія рос., получавшая ничтожное содержаніе, не приносила почти никакой пользы. А. С. Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ ея въ 1813 г., желалъ возвысить это учрежденіе и увеличить ея окладъ, чтобы дѣйствовать плодотворно на поощреніе талантовъ и движеніе русской науки; онъ хотѣлъ подчинить ей всю литературу, типографіи и даже цензуру. Несмотря на равнодушіе мистическаго министерства къ планамъ его преобразованія академіи, настойчивый президентъ добился своего чрезъ могущественнаго Аракчеева,—и составилъ новый уставъ и штаты, утвержденные 29 мая 1818 года. На содержаніе академіи назначено вмѣсто 9 тыс.—60 тыс., на заведеніе типографіи—30 тыс., на устройство залы для публичныхъ собраній Русской бесѣды 90 тыс. Но случилось то, чего не ожидалъ Шишковъ: новые таланты развились, но поощрять ему ихъ нельзя было: они не признавали авторитета старика и пошли далѣе его узкихъ взглядовъ; безъ примѣси фантазіи они стали разработывать русскую науку, какъ Востоковъ и Карамзинъ, которыхъ онъ впрочемъ принялъ въ академію, несмотря на различіе убѣжденій. Замѣчая нападки новыхъ лицъ, онъ писалъ: «Ни я гонитель дарованій, ни я зложелатель кому нибудь, совѣсть моя со всѣхъ сторонъ чиста и спокойна. Никогда немогу я себя упрекнуть ни личностью, ни строгостью въ моихъ сужденіяхъ; но всегда наблюдалъ одну только справедливость».

Въ 1804 году, изданъ былъ уставъ о цензурѣ въ смягченномъ и просвѣтительномъ духѣ правительства, къ удовольствію писателей. Открылось много ученыхъ обществъ, которыя способствовали развитію и

школы (27). Министерство постоянно жаловалось на недостатокъ учителей и потому старалось размножать обязанныхъ службой стипендіатовъ, давая средство бѣднякамъ получить образованіе, посылало ихъ на казенный счетъ за границу и увеличивало средства содержанія студентовъ въ университетахъ, учредило чины, мундиры и медали въ видѣ награды (28).

Въ царствованіе Александра I-го академія наукъ, поддержанная правительствомъ, стала приносить болѣе пользы, чѣмъ въ предыдущіе годы. *Въ 1803 г. іюля 25* правительство опредѣлило слѣдующія обязанности академіи наукъ: «Расширить предѣлы знаній, усовершенствовать науки, обогащать ихъ новыми открытіями, распространять просвѣщеніе, направлять познанія ко благу общему, приспособляя къ практическому употребленію теоріи и полезныя свѣдѣнія опытовъ и наблюденій». Кромѣ того, поставлено задачей «непосредственно обращать труды свои въ пользу Россіи, распространяя познанія естественныхъ произведеній имперіи, изыскивая средства къ умноженію источниковъ богатства и силы государствъ» (29). Академія рос., получавшая ничтожное содержаніе, не приносила почти никакой пользы. А. С. Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ ея въ 1813 г., желалъ возвысить это учрежденіе и увеличить ея окладъ, чтобы дѣйствовать плодотворно на поощреніе талантовъ и движеніе русской науки; онъ хотѣлъ подчинить ей всю литературу, типографіи и даже цензуру. Несмотря на равнодушіе мистическаго министерства къ планамъ его преобразованія академіи, настойчивый президентъ добился своего чрезъ могущественнаго Аракчеева,—и составилъ новый уставъ и штаты, утвержденные 29 мая 1818 года. На содержаніе академіи назначено вмѣсто 9 тыс.—60 тыс., на заведеніе типографіи—30 тыс., на устройство залы для публичныхъ собраній Русской бесѣды 90 тыс. Но случилось то, чего не ожидалъ Шишковъ: новые таланты развились, но поощрять ему ихъ нельзя было: они не признавали авторитета старика и пошли далѣе его узкихъ взглядовъ; безъ примѣси фантазіи они стали разработывать русскую науку, какъ Востоковъ и Карамзинъ, которыхъ онъ впрочемъ принялъ въ академію, несмотря на различіе убѣжденій. Замѣчая нападки новыхъ лицъ, онъ писалъ: «Ни я гонитель дарованій, ни я зложелатель кому нибудь, совѣсть моя со всѣхъ сторонъ чиста и спокойна. Никогда немогу я себя упрекнуть ни личностью, ни строгостью въ моихъ сужденіяхъ; но всегда наблюдалъ одну только справедливость».

Въ 1804 году, изданъ былъ уставъ о цензурѣ въ смягченномъ и просвѣтительномъ духѣ правительства, къ удовольствію писателей. Открылось много ученыхъ обществъ, которыя способствовали развитію и

распространенію научныхъ знаній въ Россіи, какъ то: въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Казани, Або, Ригѣ, Вильнѣ и проч. Посредствомъ этихъ обществъ хотѣли соединить людей науки съ городскими жителями: «общество, имѣя членами своими особъ разныхъ званій и классовъ, сближаетъ ихъ и съ университетомъ... Тѣсная связь университета съ публикою поселяетъ въ согражданахъ любовь къ учености». Общество наукъ при харьковскомъ университетѣ имѣло цѣлью «распространеніе наукъ и знаній, какъ чрезъ ученыя изысканія, такъ и чрезъ изданіе въ свѣтъ общеполезныхъ сочиненій». До 1818 года казанское общество имѣло уже до 100 членовъ и сношенія его велись съ образованными лицами почти всей Россіи. Достаточно сказать, что тогда возникло московское общество исторіи и древностей, чтобы судить о заслугахъ совокупныхъ трудовъ. Въ 1812 году учреждено въ С.-петербургѣ, по образцу англійскаго, библейское общество, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына. Отдѣленія библейскаго общества, размножившіяся по уѣзднымъ городамъ, собирали деньги, заводили благотворительные кружки, раздавали даромъ книги священнаго писанія на русскомъ языкѣ, переводили евангеліе и книги новаго завѣта на чувашскій, черемисскій и мордовскій языки. Масонскія ложи, запрещенныя при Екатеринѣ II-й, открылись въ 1812 году и привлекали множество членовъ изъ молодыхъ, иногда талантливыхъ людей высшаго круга, въ числѣ которыхъ находились литераторы и впослѣдствіи нѣкоторые изъ декабристовъ. Главной задачей ихъ было—«распространеніе всеобщаго, истиннаго образованія души и сердца»; братья помогали нуждающимся и заводили безплатныя школы; впрочемъ такихъ дѣятелей было не много: большинство масоновъ увлекалось внѣшностью и обрядностью, какъ модой. Общества были явныя и тайныя масоновъ, мартинистовъ, илюминатовъ и мистиковъ, и закрыты были въ 1822 году (30).

Кромѣ того нужно упомянуть, что забота правительства о просвѣщеніи выразилась въ періодическихъ изданіяхъ при Министерствахъ, въ открытіи библіотекъ, сохраненіи и описаніи памятниковъ древности и проч. (31).

Въ высшемъ обществѣ съ одной стороны мы видимъ пылкихъ, благороднѣйшихъ людей большаго образованія, друзей Александра I-го, которые сильно заботились о просвѣщеніи народа, хотя заслужили справедливый упрекъ въ незнаніи родины. Съ другой стороны въ большинствѣ идутъ отсталые люди, враги всякихъ нововведеній, которые не стыдились утверждать, будто бездарная посредственность полезнѣе для дѣла, нежели даровитые и образованные; послѣднихъ, какъ опасныхъ, они старались держать въ подчиненномъ положеніи, по просту говоря,

распространенію научныхъ знаній въ Россіи, какъ то: въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Казани, Або, Ригѣ, Вильнѣ и проч. Посредствомъ этихъ обществъ хотѣли соединить людей науки съ городскими жителями: «общество, имѣя членами своими особъ разныхъ званій и классовъ, сближаетъ ихъ и съ университетомъ... Тѣсная связь университета съ публикою поселяетъ въ согражданахъ любовь къ учености». Общество наукъ при харьковскомъ университетѣ имѣло цѣлью «распространеніе наукъ и знаній, какъ чрезъ ученыя изысканія, такъ и чрезъ изданіе въ свѣтъ общеполезныхъ сочиненій». До 1818 года казанское общество имѣло уже до 100 членовъ и сношенія его велись съ образованными лицами почти всей Россіи. Достаточно сказать, что тогда возникло московское общество исторіи и древностей, чтобы судить о заслугахъ совокупныхъ трудовъ. Въ 1812 году учреждено въ С.-петербургѣ, по образцу англійскаго, библейское общество, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына. Отдѣленія библейскаго общества, размножившіяся по уѣзднымъ городамъ, собирали деньги, заводили благотворительные кружки, раздавали даромъ книги священнаго писанія на русскомъ языкѣ, переводили евангеліе и книги новаго завѣта на чувашскій, черемисскій и мордовскій языки. Масонскія ложи, запрещенныя при Екатеринѣ II-й, открылись въ 1812 году и привлекали множество членовъ изъ молодыхъ, иногда талантливыхъ людей высшаго круга, въ числѣ которыхъ находились литераторы и впослѣдствіи нѣкоторые изъ декабристовъ. Главной задачей ихъ было—«распространеніе всеобщаго, истиннаго образованія души и сердца»; братья помогали нуждающимся и заводили безплатныя школы; впрочемъ такихъ дѣятелей было не много: большинство масоновъ увлекалось внѣшностью и обрядностью, какъ модой. Общества были явныя и тайныя масоновъ, мартинистовъ, илюминатовъ и мистиковъ, и закрыты были въ 1822 году (30).

Кромѣ того нужно упомянуть, что забота правительства о просвѣщеніи выразилась въ періодическихъ изданіяхъ при Министерствахъ, въ открытіи библіотекъ, сохраненіи и описаніи памятниковъ древности и проч. (31).

Въ высшемъ обществѣ съ одной стороны мы видимъ пылкихъ, благороднѣйшихъ людей большаго образованія, друзей Александра I-го, которые сильно заботились о просвѣщеніи народа, хотя заслужили справедливый упрекъ въ незнаніи родины. Съ другой стороны въ большинствѣ идутъ отсталые люди, враги всякихъ нововведеній, которые не стыдились утверждать, будто бездарная посредственность полезнѣе для дѣла, нежели даровитые и образованные; послѣднихъ, какъ опасныхъ, они старались держать въ подчиненномъ положеніи, по просту говоря,

въ ежовыхъ рукавицахъ. Въ административныхъ сферахъ не мало еще оставалось приверженцевъ характера дѣятельности Павла Петровича, которые предпочитали казармы училищамъ и старались отбивать послѣднія для канцелярій и другихъ менѣе высокихъ помѣщеній. Въ разгаръ сильнаго стремленія къ умственному развитію и образованію (въ 1803 г.), подъ предлогомъ облегченія жителей, графъ Аракчеевъ изъ монастыря и семинаріи въ г. Коломнѣ хотѣлъ «сдѣлать полезнѣйшее употребленіе», именно: завести для кирасиръ казармы и конюшни. М—тъ Платонъ писалъ Аракчееву по этому случаю съ горечью, какъ опечалится духовенство отъ закрытія семинаріи и городъ, видя опороченіе священной древности, устройство казармъ и конюшень вблизи собора. «Подлинно, человѣколюбивое и христіанское дѣло изобрѣтать способы, кои бы не причиняли полезному учрежденію нарушенія, а не предосужденія для церкви и прискорбія для гражданъ, можетъ быть, бо́льшаго, нежели временный для нихъ убытокъ». Однако послѣ нѣсколькихъ грубыхъ попытокъ присвоивать училищные дома для казенныхъ потребностей, въ 1807 г. вышло распоряженіе—не занимать учебныхъ зданій подъ присутственныя мѣста или другія гражданскія надобности (32).

Русское боярство не любило учиться и занималось съ единственной цѣлью полученія чиновъ: украинскіе дворяне пожертвовали большія суммы на учрежденіе высшаго учебнаго заведенія и горько сожалѣли, что правительство открыло университетъ въ Харьковѣ, а не кадетскій корпусъ, который давалъ закладку для движенія по лѣстницѣ чиновной. Въ 1803 г. вышло распоряженіе—не принимать къ гражданской службѣ, требующей юридическихъ и иныхъ познаній, неокончившихъ курсъ въ училищѣ, чтобы доставить образованныхъ чиновниковъ, а «трудамъ и успѣхамъ въ наукахъ открыть путь къ дѣятельности, предпочтенію и наградамъ, сопряженнымъ съ службою», чтобы отечественныя установленія предпочесть способамъ ученія иностраннымъ, недостаточнымъ и ненадежнымъ. Но черезъ 6 лѣтъ государь заявилъ: «къ вящшему прискорбію нашему, мы видимъ, что дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ, въ семъ полезномъ учрежденіи менѣе другихъ пріемлетъ участія». Русскіе дворяне чуждались высокаго званія профессора университета, а педагогическія занятія считали для себя унизительными. Какъ о чудѣ своего времени, было заявлено въ газетахъ 1805 г., что Воейковъ занялъ мѣсто профессора русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ, будучи русскимъ дворяниномъ и вдобавокъ титулярнымъ совѣтникомъ. М. И. Сухомлиновъ совершенно вѣрно замѣтилъ: «дворяне предпочитали военную службу, не отказывались и отъ гражданскихъ мѣстъ, какъ напримѣръ отъ дол-

въ ежовыхъ рукавицахъ. Въ административныхъ сферахъ не мало еще оставалось приверженцевъ характера дѣятельности Павла Петровича, которые предпочитали казармы училищамъ и старались отбивать послѣднія для канцелярій и другихъ менѣе высокихъ помѣщеній. Въ разгаръ сильнаго стремленія къ умственному развитію и образованію (въ 1803 г.), подъ предлогомъ облегченія жителей, графъ Аракчеевъ изъ монастыря и семинаріи въ г. Коломнѣ хотѣлъ «сдѣлать полезнѣйшее употребленіе», именно: завести для кирасиръ казармы и конюшни. М—тъ Платонъ писалъ Аракчееву по этому случаю съ горечью, какъ опечалится духовенство отъ закрытія семинаріи и городъ, видя опороченіе священной древности, устройство казармъ и конюшень вблизи собора. «Подлинно, человѣколюбивое и христіанское дѣло изобрѣтать способы, кои бы не причиняли полезному учрежденію нарушенія, а не предосужденія для церкви и прискорбія для гражданъ, можетъ быть, бо́льшаго, нежели временный для нихъ убытокъ». Однако послѣ нѣсколькихъ грубыхъ попытокъ присвоивать училищные дома для казенныхъ потребностей, въ 1807 г. вышло распоряженіе—не занимать учебныхъ зданій подъ присутственныя мѣста или другія гражданскія надобности (32).

Русское боярство не любило учиться и занималось съ единственной цѣлью полученія чиновъ: украинскіе дворяне пожертвовали большія суммы на учрежденіе высшаго учебнаго заведенія и горько сожалѣли, что правительство открыло университетъ въ Харьковѣ, а не кадетскій корпусъ, который давалъ закладку для движенія по лѣстницѣ чиновной. Въ 1803 г. вышло распоряженіе—не принимать къ гражданской службѣ, требующей юридическихъ и иныхъ познаній, неокончившихъ курсъ въ училищѣ, чтобы доставить образованныхъ чиновниковъ, а «трудамъ и успѣхамъ въ наукахъ открыть путь къ дѣятельности, предпочтенію и наградамъ, сопряженнымъ съ службою», чтобы отечественныя установленія предпочесть способамъ ученія иностраннымъ, недостаточнымъ и ненадежнымъ. Но черезъ 6 лѣтъ государь заявилъ: «къ вящшему прискорбію нашему, мы видимъ, что дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ, въ семъ полезномъ учрежденіи менѣе другихъ пріемлетъ участія». Русскіе дворяне чуждались высокаго званія профессора университета, а педагогическія занятія считали для себя унизительными. Какъ о чудѣ своего времени, было заявлено въ газетахъ 1805 г., что Воейковъ занялъ мѣсто профессора русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ, будучи русскимъ дворяниномъ и вдобавокъ титулярнымъ совѣтникомъ. М. И. Сухомлиновъ совершенно вѣрно замѣтилъ: «дворяне предпочитали военную службу, не отказывались и отъ гражданскихъ мѣстъ, какъ напримѣръ отъ дол-

жности судьи, но упорно избѣгали ученаго званія. Почти всѣ русскіе академики XVIII-го стол. вышли изъ крестьянскаго сословія; почти всѣ профессоры русскихъ университетовъ начала XIX вѣка происходили изъ духовнаго званія». Нужно было доказывать публицистамъ того времени, что ученое званіе есть благородное, не унижающее, а возвышающее дворянина.

Въ царствованіе Александра I-го не мало было помѣщиковъ, которые злобно вооружались противъ развитія научнаго не въ однѣхъ провинціяхъ, но и въ столицахъ; вмѣстѣ съ Фамусовымъ они могли сказать: «ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина сумашествія». Эти гонители образованія, которые не задумались бы сжечь всѣ книги, являются не въ одной литературѣ: членъ библейскаго общества симбирскаго отдѣленія скупалъ книги и присылалъ ихъ для сожженія, приглашая все общество заняться истребленіемъ подозрительныхъ сочиненій. На взглядъ многихъ старовѣровъ помѣщиковъ всякое высшее учебное заведеніе служило источникомъ распространенія вольнодумства, всякая наука равнялась еретической душевредной мудрости. Хотя заводили школы для простонародья по селамъ, но общій тонъ образованія отличался инозе́мнымъ и боярскимъ доморощеннымъ оттѣнкомъ; хотя пробудился въ русскомъ высшемъ обществѣ патріотизмъ и любовь къ отечественной литературѣ, но увлеченіе западомъ доходило до крайнихъ предѣловъ. То время отличалось помѣщичьимъ бездѣльемъ и поэзія служила пріятнымъ развлеченіемъ и дополненіемъ безпорядочной жизни, игра въ стихотворство ласкала барское чванство и гордость. Люди недюжинные тратили силы свои на пустое рифмоплетство и смотрѣли на него, какъ на дѣло великой важности; даже Пушкинъ, крупный поэтическій талантъ, заплатилъ обильную дань своему времени въ молодые годы. Тупыя остроты, тонкія любезности, приторные сонеты и мадригалы сыпались со всѣхъ сторонъ; похвалы бездарныхъ друзей и воспѣванія спѣсивыхъ и невѣжественныхъ вельможъ доходили до неимовѣрной лжи и пошлости; другъ къ другу летали на рысакахъ съ обточенными фразами и за совѣтами, какъ бы лучше подобрать сообща словечко въ куплетцы на торжества. Все это не важно, пусть бы праздные люди работали надъ механизмомъ языка, но бѣда-то заключалась въ томъ, что этимъ литературнымъ мараньямъ придавали громадное значеніе и замѣняли ими науку, что *благорожденные* пѣнты выискивали стишками связи и покровительства, посредствомъ тонкостей литературной лести вылѣзали на хорошую дорогу дипломатическо́й и военной службы, а при удобномъ случаѣ становились заклятыми гонителями истиннаго образованія. По заявленію современника, гр. Ѳ. П. Толстаго,

жности судьи, но упорно избѣгали ученаго званія. Почти всѣ русскіе академики XVIII-го стол. вышли изъ крестьянскаго сословія; почти всѣ профессоры русскихъ университетовъ начала XIX вѣка происходили изъ духовнаго званія». Нужно было доказывать публицистамъ того времени, что ученое званіе есть благородное, не унижающее, а возвышающее дворянина.

Въ царствованіе Александра I-го не мало было помѣщиковъ, которые злобно вооружались противъ развитія научнаго не въ однѣхъ провинціяхъ, но и въ столицахъ; вмѣстѣ съ Фамусовымъ они могли сказать: «ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина сумашествія». Эти гонители образованія, которые не задумались бы сжечь всѣ книги, являются не въ одной литературѣ: членъ библейскаго общества симбирскаго отдѣленія скупалъ книги и присылалъ ихъ для сожженія, приглашая все общество заняться истребленіемъ подозрительныхъ сочиненій. На взглядъ многихъ старовѣровъ помѣщиковъ всякое высшее учебное заведеніе служило источникомъ распространенія вольнодумства, всякая наука равнялась еретической душевредной мудрости. Хотя заводили школы для простонародья по селамъ, но общій тонъ образованія отличался инозе́мнымъ и боярскимъ доморощеннымъ оттѣнкомъ; хотя пробудился въ русскомъ высшемъ обществѣ патріотизмъ и любовь къ отечественной литературѣ, но увлеченіе западомъ доходило до крайнихъ предѣловъ. То время отличалось помѣщичьимъ бездѣльемъ и поэзія служила пріятнымъ развлеченіемъ и дополненіемъ безпорядочной жизни, игра въ стихотворство ласкала барское чванство и гордость. Люди недюжинные тратили силы свои на пустое рифмоплетство и смотрѣли на него, какъ на дѣло великой важности; даже Пушкинъ, крупный поэтическій талантъ, заплатилъ обильную дань своему времени въ молодые годы. Тупыя остроты, тонкія любезности, приторные сонеты и мадригалы сыпались со всѣхъ сторонъ; похвалы бездарныхъ друзей и воспѣванія спѣсивыхъ и невѣжественныхъ вельможъ доходили до неимовѣрной лжи и пошлости; другъ къ другу летали на рысакахъ съ обточенными фразами и за совѣтами, какъ бы лучше подобрать сообща словечко въ куплетцы на торжества. Все это не важно, пусть бы праздные люди работали надъ механизмомъ языка, но бѣда-то заключалась въ томъ, что этимъ литературнымъ мараньямъ придавали громадное значеніе и замѣняли ими науку, что *благорожденные* пѣнты выискивали стишками связи и покровительства, посредствомъ тонкостей литературной лести вылѣзали на хорошую дорогу дипломатическо́й и военной службы, а при удобномъ случаѣ становились заклятыми гонителями истиннаго образованія. По заявленію современника, гр. Ѳ. П. Толстаго,

послѣ 1812 г. «образованность и нравственныя понятія начинали довольно сильно развиваться въ средѣ дворянскаго сословія, особенно между молодыми людьми; но масса общества еще чуждалась серьезной дѣятельности и интересовалась больше забавами, празднествами, сплетнями и скандалами. Роскошные наряды, остроты, блескъ положенія и свѣтскость нерѣдко прикрывали внутреннюю испорченность» (33). Въ эту-то пору барскаго пустословія выступили на сцену настоящіе труженики, умные и дѣльные люди науки и воспитатели молодаго поколѣнія, дѣти духовенства, ученики семинарій и академій. По необходимости уступая дорогу, иногда бездарнымъ и праздным людямъ, они работали добросовѣстно, съ любовью и знаніемъ дѣла, надъ развитіемъ просвѣщенія, при своей скромной долѣ, а умѣлыя лица высокорожденныя ловко загребали жаръ ихъ руками. Имъ главнымъ образомъ обязано поддержкой научное и педагогическое дѣло въ царствованіе Александра.

Помимо легкой нѣжной литературной производительности и домороценной чувствительности, въ образованіи водворился тогда, по выраженію Грибоѣдова, «нечистый духъ пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья». Злополучное иностранное воспитаніе со всѣми его вредными развѣтвленіями особенно сильно было до 1812 года, когда безсмысленно преклонялись предъ иностранцами. Противодѣйствіе такому ненормальному явленію при Александрѣ I-мъ начинается не одними сатирическими выходками, какъ было при Екатеринѣ II-й, но мужи образованные начали доказывать нелѣпость принятой системы болѣе серьезнымъ образомъ. А. С. Шишковъ сталъ писать съ 1804 года, что русскій долженъ любить свой языкъ, свои обычаи и нравы, свою одежду и сохранять черты стойкаго и благороднаго характера нашихъ предковъ, что блестящая наружность французовъ уловляетъ въ сѣти простоту и легкомысліе. Журналы подняли его на смѣхъ, какъ онъ дезнулъ говорить, «что русскому надобно русское воспитаніе, что онъ хочетъ ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество». Впрочемъ не одинъ Шишковъ ратовалъ противъ иностранцевъ, распространявшихъ зло въ нашемъ отечествѣ: самъ министръ народнаго просвѣщенія въ докладѣ 25 мая 1811 года еще глубже Шишкова скорбѣлъ о несчастномъ невѣжествѣ и заблужденіи, охватившемъ бояръ, въ направленіи воспитанія дѣтей. «Въ отечествѣ нашемъ, пишетъ онъ, далеко простерло корни свои воспитаніе, сообщаемое иноземцами. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, занятыхъ одною собственною корыстью, презирающихъ все не иностранное, неимѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній.

послѣ 1812 г. «образованность и нравственныя понятія начинали довольно сильно развиваться въ средѣ дворянскаго сословія, особенно между молодыми людьми; но масса общества еще чуждалась серьезной дѣятельности и интересовалась больше забавами, празднествами, сплетнями и скандалами. Роскошные наряды, остроты, блескъ положенія и свѣтскость нерѣдко прикрывали внутреннюю испорченность» (33). Въ эту-то пору барскаго пустословія выступили на сцену настоящіе труженики, умные и дѣльные люди науки и воспитатели молодаго поколѣнія, дѣти духовенства, ученики семинарій и академій. По необходимости уступая дорогу, иногда бездарнымъ и праздным людямъ, они работали добросовѣстно, съ любовью и знаніемъ дѣла, надъ развитіемъ просвѣщенія, при своей скромной долѣ, а умѣлыя лица высокорожденныя ловко загребали жаръ ихъ руками. Имъ главнымъ образомъ обязано поддержкой научное и педагогическое дѣло въ царствованіе Александра.

Помимо легкой нѣжной литературной производительности и доморощенной чувствительности, въ образованіи водворился тогда, по выраженію Грибоѣдова, «нечистый духъ пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья». Злополучное иностранное воспитаніе со всѣми его вредными развѣтвленіями особенно сильно было до 1812 года, когда безсмысленно преклонялись предъ иностранцами. Противодѣйствіе такому ненормальному явленію при Александрѣ I-мъ начинается не одними сатирическими выходками, какъ было при Екатеринѣ II-й, но мужи образованные начали доказывать нелѣпость принятой системы болѣе серьезнымъ образомъ. А. С. Шишковъ сталъ писать съ 1804 года, что русскій долженъ любить свой языкъ, свои обычаи и правы, свою одежду и сохранять черты стойкаго и благороднаго характера нашихъ предковъ, что блестящая наружность французовъ уловляетъ въ сѣти простоту и легкомысліе. Журналы подняли его на смѣхъ, какъ онъ дезнулъ говорить, «что русскому надобно русское воспитаніе, что онъ хочетъ ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество». Впрочемъ не одинъ Шишковъ ратовалъ противъ иностранцевъ, распространявшихъ зло въ нашемъ отечествѣ: самъ министръ народнаго просвѣщенія въ докладѣ 25 мая 1811 года еще глубже Шишкова скорбѣлъ о несчастномъ невѣжествѣ и заблужденіи, охватившемъ бояръ, въ направленіи воспитанія дѣтей. «Въ отечествѣ нашемъ, пишетъ онъ, далеко простерло корни свои воспитаніе, сообщаемое иноземцами. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, занятыхъ одною собственною корыстью, презирающихъ все не иностранное, неимѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній.

Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, нельзя безъ прискорбія взирать на зло, столь глубоко внѣдрившееся въ немъ. Поставленный бодрствовать надъ воспитаніемъ своихъ сограждапъ, считаю священнымъ долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависитъ переломить дýхъ важнѣйшей части гражданъ, внеся въ семейства ихъ счастливое недовѣріе къ чужимъ воспитателямъ; но подъ высокимъ вліяніемъ Монарха я могу дѣйствовать предоставленными мнѣ орудіями. Быть можетъ, мѣра правительства послужитъ образцемъ и для каждаго частнаго гражданина. Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, потребными для званія. Не зная нашего языка и гнушаясь имъ, не имѣя привязанности къ странѣ, чуждой для нихъ, они юнымъ Россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему,—и въ нѣдрахъ Россіи изъ русскаго образуютъ иностранца. Для преподаванія наукъ они избираютъ тоже иностранцевъ, что усугубляетъ вредъ, разливаемый ихъ воспитаніемъ и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ». Борьба съ французами въ 1812 году и пожаръ Москвы отрезвительно подѣйствовали на многихъ и возбудили патріотическій настрой въ характерѣ русскихъ—и Шишковъ нашелъ себѣ приверженцевъ. Но онъ ставилъ вопросъ односторонне и всю вину разоренія Россіи приписывалъ вліянію французскихъ писателей «остроумныхъ, но злочестивыхъ», которые будто бы помрачили весь умъ націи и повергли ее въ бездну пороковъ (34).

Напитавшись ученіемъ французскихъ философовъ объ уваженіи къ правамъ человѣка, Александръ I-й желалъ сдѣлать счастливымъ цѣлый свѣтъ; при отсутствіи твердой воли и при идеальномъ настроѣ психическомъ, онъ подчинялся легко окружающимъ любимцамъ и подъ ихъ вліяніемъ старался облагодѣтельствовать неблагодарныхъ и легкомысленныхъ поляковъ и ловкихъ нѣмцевъ, въ ущербъ русскихъ интересовъ. Онъ выразилъ необычайную заботу о возвышеніи виленскаго и дерптскаго университетовъ, предпочитая ихъ русскимъ высшимъ заведеніямъ; давалъ широкія права, подъ вліяніемъ Чарторижскаго, не только всѣмъ школамъ католическимъ, но и вреднымъ іезуитскимъ. Отжившій ложный гуманизмъ французскій нашелъ послѣдняго покровителя въ императорѣ Александрѣ I-мъ, который и самъ былъ полнымъ его представителемъ. Черезчуръ практическіе царедворцы, знавшіе Россію, не

Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, нельзя безъ прискорбія взирать на зло, столь глубоко внѣдрившееся въ немъ. Поставленный бодрствовать надъ воспитаніемъ своихъ сограждапъ, считаю священнымъ долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависитъ переломить дýхъ важнѣйшей части гражданъ, внеся въ семейства ихъ счастливое недовѣріе къ чужимъ воспитателямъ; но подъ высокимъ вліяніемъ Монарха я могу дѣйствовать предоставленными мнѣ орудіями. Быть можетъ, мѣра правительства послужитъ образцемъ и для каждаго частнаго гражданина. Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, потребными для званія. Не зная нашего языка и гнушаясь имъ, не имѣя привязанности къ странѣ, чуждой для нихъ, они юнымъ Россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему,—и въ нѣдрахъ Россіи изъ русскаго образуютъ иностранца. Для преподаванія наукъ они избираютъ тоже иностранцевъ, что усугубляетъ вредъ, разливаемый ихъ воспитаніемъ и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ». Борьба съ французами въ 1812 году и пожаръ Москвы отрезвительно подѣйствовали на многихъ и возбудили патріотическій настрой въ характерѣ русскихъ—и Шишковъ нашелъ себѣ приверженцевъ. Но онъ ставилъ вопросъ односторонне и всю вину разоренія Россіи приписывалъ вліянію французскихъ писателей «остроумныхъ, но злочестивыхъ», которые будто бы помрачили весь умъ націи и повергли ее въ бездну пороковъ (34).

Напитавшись ученіемъ французскихъ философовъ объ уваженіи къ правамъ человѣка, Александръ I-й желалъ сдѣлать счастливымъ цѣлый свѣтъ; при отсутствіи твердой воли и при идеальномъ настроѣ психическомъ, онъ подчинялся легко окружающимъ любимцамъ и подъ ихъ вліяніемъ старался облагодѣтельствовать неблагодарныхъ и легкомысленныхъ поляковъ и ловкихъ нѣмцевъ, въ ущербъ русскихъ интересовъ. Онъ выразилъ необычайную заботу о возвышеніи виленскаго и дерптскаго университетовъ, предпочитая ихъ русскимъ высшимъ заведеніямъ; давалъ широкія права, подъ вліяніемъ Чарторижскаго, не только всѣмъ школамъ католическимъ, но и вреднымъ іезуитскимъ. Отжившій ложный гуманизмъ французскій нашелъ послѣдняго покровителя въ императорѣ Александрѣ I-мъ, который и самъ былъ полнымъ его представителемъ. Черезчуръ практическіе царедворцы, знавшіе Россію, не

могли ему долго нравиться: они слишкомъ противорѣчили, не смотря тоже на свой мягкій тонъ, его елейному настрою и мечтательнымъ стремленіямъ. Но практика жизни не ладила съ его идеальными задачами; отсюда является недовольство и желаніе поправить дѣло. Недостатокъ практичности, проистекавшій изъ воспитанія, доходилъ до слабости въ Александрѣ I-мъ и обнаруживался во всѣхъ отрасляхъ государственной дѣятельности. Дипломатъ его М. Ѳ. Орловъ такими чертами рисуетъ идеальныя стремленія Александра I-го: «Когда хотѣли примѣнять чувствительность къ управленію обществами, дѣло управленія шло очень плохо. Дѣло въ томъ, что принципы, которые управляютъ человѣкомъ индивидуально и соціально, существенно противорѣчатъ другъ другу. Милосердіе прекрасно въ человѣкѣ, взятомъ отдѣльно, но милостыня можетъ надѣлать много зла цѣлому обществу. Прощеніе обидъ само по себѣ превосходно, но оно несовмѣстно съ интересами народовъ. Презрѣніе къ богатствамъ—философически разумно въ человѣкѣ частномъ, но оно безсмысленно въ мужѣ государственномъ. Возстановленіе Польши могло быть прекраснымъ движеніемъ души Александра; но въ смыслѣ политическомъ это была огромная ошибка». Этого императоръ не сознавалъ. Излишняя деликатность, сентиментальная политика и ложное великодушіе накликали много политическихъ бѣдствій на Россію, въ чемъ онъ самъ послѣ раскаявался. «Польша отплатила ему неблагодарностью, а Европа обвинила въ честолюбивыхъ замыслахъ. Онъ посѣялъ вѣтры, а преемникъ его пожиналъ бурю» (35). Слишкомъ широкіе просвѣтительные и гуманные замыслы Александра I-го походили на мечтанія юной и благородной души—и въ глазахъ практическихъ людей казались невозможными для исполненія. Его теоретическіе планы и порывы чувства цѣлую жизнь сталкивались съ суровой дѣйствительностью и разбивались объ—нее въ дребезги; вмѣсто того, чтобы находить причины неисполнимости стремленій въ ихъ незрѣлости и неприложимости къ дѣлу, онъ постоянно обвинялъ людей окружающихъ, какъ неспособныхъ понимать его безкопечныя стремленія.

Какъ не дало ему воспитаніе знанія своего народа, а развило космополитическую любовь къ человѣчеству; такъ и начала православной религіи и ея особенности были имъ смутно сознаваемы: ясно, что французскій гуманизмъ преобладалъ надъ уроками русскаго законоучителя. Близко знавшая императора Софья Тизенгаузенъ (Шуазель-Гуфье), воспитанная въ Вильнѣ, какъ истовая полька, передастъ мнѣніе Александра I-го, что слѣдовало бы условиться государямъ Европы и народной семьѣ жить побратски. «Члены ея хотя бы и различались вѣроисповѣданіями, но вѣротерпимость соединяла бы ихъ. Для Бога, я думаю, без-

могли ему долго нравиться: они слишкомъ противорѣчили, не смотря тоже на свой мягкій тонъ, его елейному настрою и мечтательнымъ стремленіямъ. Но практика жизни не ладила съ его идеальными задачами; отсюда является недовольство и желаніе поправить дѣло. Недостатокъ практичности, проистекавшій изъ воспитанія, доходилъ до слабости въ Александрѣ I-мъ и обнаруживался во всѣхъ отрасляхъ государственной дѣятельности. Дипломатъ его М. Ѳ. Орловъ такими чертами рисуетъ идеальныя стремленія Александра I-го: «Когда хотѣли примѣнять чувствительность къ управленію обществами, дѣло управленія шло очень плохо. Дѣло въ томъ, что принципы, которые управляютъ человѣкомъ индивидуально и соціально, существенно противорѣчатъ другъ другу. Милосердіе прекрасно въ человѣкѣ, взятомъ отдѣльно, но милостыня можетъ надѣлать много зла цѣлому обществу. Прощеніе обидъ само по себѣ превосходно, но оно несовмѣстно съ интересами народовъ. Презрѣніе къ богатствамъ—философически разумно въ человѣкѣ частномъ, но оно безсмысленно въ мужѣ государственномъ. Возстановленіе Польши могло быть прекраснымъ движеніемъ души Александра; но въ смыслѣ политическомъ это была огромная ошибка». Этого императоръ не сознавалъ. Излишняя деликатность, сентиментальная политика и ложное великодушіе накликали много политическихъ бѣдствій на Россію, въ чемъ онъ самъ послѣ раскаявался. «Польша отплатила ему неблагодарностью, а Европа обвинила въ честолюбивыхъ замыслахъ. Онъ посѣялъ вѣтры, а преемникъ его пожиналъ бурю» (35). Слишкомъ широкіе просвѣтительные и гуманные замыслы Александра I-го походили на мечтанія юной и благородной души—и въ глазахъ практическихъ людей казались невозможными для исполненія. Его теоретическіе планы и порывы чувства цѣлую жизнь сталкивались съ суровой дѣйствительностью и разбивались объ—нее въ дребезги; вмѣсто того, чтобы находить причины неисполнимости стремленій въ ихъ незрѣлости и неприложимости къ дѣлу, онъ постоянно обвинялъ людей окружающихъ, какъ неспособныхъ понимать его безкопечныя стремленія.

Какъ не дало ему воспитаніе знанія своего народа, а развило космополитическую любовь къ человѣчеству; такъ и начала православной религіи и ея особенности были имъ смутно сознаваемы: ясно, что французскій гуманизмъ преобладалъ надъ уроками русскаго законоучителя. Близко знавшая императора Софья Тизенгаузенъ (Шуазель-Гуфье), воспитанная въ Вильнѣ, какъ истовая полька, передастъ мнѣніе Александра I-го, что слѣдовало бы условиться государямъ Европы и народной семьѣ жить побратски. «Члены ея хотя бы и различались вѣроисповѣданіями, но вѣротерпимость соединяла бы ихъ. Для Бога, я думаю, без-

различно—призываютъ ли его люди на греческомъ языкѣ или на латинскомъ, лишь бы только они исполняли свои обязанности въ отношеніи его да были честны».... Поэтому онъ одинаково относился и къ православію и къ католичеству въ пору своей молодости, и къ мистическимъ бреднямъ иноземцевъ подъ старость. Это воззрѣніе на религіи подмѣтила таже писательница; въ 1812 году 28 апрѣля старикъ-ксензъ села Товіаны, недалеко отъ Вилькоміра, вышелъ съ крестомъ на встрѣчу ѣхавшаго государя,—онъ «выскочилъ изъ коляски, взялъ изъ его рукъ крестъ и приложился къ нему. Ксендзъ хотѣлъ поцѣловать руку государя, но тотъ не допустилъ этого и самъ поцѣловалъ руку старика. Александръ любилъ наше католическое духовенство, добавляетъ полька, любилъ наши деревенскіе храмы и заходилъ въ нихъ, чтобы вознестись душой къ Богу, отдохнуть отъ дѣлъ и всѣхъ государственныхъ заботъ, терній царскаго величія». При такомъ настроеніи характера, легко впасть въ заблужденіе при заботахъ о народномъ образованіи. Пользуясь дружбою императора, Чарторижскій, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія и попечителя виленскаго учебнаго округа, ловко обдѣлывалъ свои дѣла полонизаціи литвы, бѣлоруссіи, волыни и подоліи, стремясь возстановить польское королевство въ старинныхъ его предѣлахъ. Вездѣ въ русскомъ населеніи этихъ мѣстностей онъ открыто вводилъ польское воспитаніе, даже въ кіевской губерніи; всѣ предметы въ учебныхъ заведеніяхъ читались на польскомъ языкѣ, хотя на бумагѣ значились русскій языкъ и словесность. Католическое духовенство захватило школы, назначенныя для православнаго населенія кіевской, подольской и волынской губерній и имѣло надъ ними главный надзоръ. Дѣло дошло до того, что русскимъ негдѣ было учиться въ тѣхъ краяхъ, безъ знанія польскаго языка; если же поступали они въ польскія училища, то грозила опасность извращенія національныхъ воззрѣній. Успѣхи полонизаціи оскорбляли народное чувство русскихъ и возбуждали вопросъ о заведеніи собственныхъ училищъ, помимо министерскихъ.

Незная русскаго народа и презирая низости придворныхъ, Александръ I-й смотрѣлъ на своихъ подданныхъ русскихъ съ ложной точки зрѣнія, считая ихъ грубыми невѣждами, несчастной націей, неподозрѣвая могучей силы, здраваго ума и простаго чувства. Очевидно, привычка къ легкому французскому воспитанію и формѣ вѣжливости, при его мягкомъ характерѣ, при постоянныхъ внушеніяхъ о чудесной жизни европейскихъ народовъ, брала перевѣсъ—и свой народъ являлся ему по теоріи страдальцемъ отъ невѣжества. Послѣ XII-го года онъ впрочемъ смутно сознавалъ, что русскій народъ имѣетъ много сторонъ, достойныхъ полнаго уваженія, которыхъ нѣтъ у другихъ націй. Вос-

различно—призываютъ ли его люди на греческомъ языкѣ или на латинскомъ, лишь бы только они исполняли свои обязанности въ отношеніи его да были честны».... Поэтому онъ одинаково относился и къ православію и къ католичеству въ пору своей молодости, и къ мистическимъ бреднямъ иноземцевъ подъ старость. Это воззрѣніе на религіи подмѣтила таже писательница; въ 1812 году 28 апрѣля старикъ-ксензъ села Товіаны, недалеко отъ Вилькоміра, вышелъ съ крестомъ на встрѣчу ѣхавшаго государя,—онъ «выскочилъ изъ коляски, взялъ изъ его рукъ крестъ и приложился къ нему. Ксендзъ хотѣлъ поцѣловать руку государя, но тотъ не допустилъ этого и самъ поцѣловалъ руку старика. Александръ любилъ наше католическое духовенство, добавляетъ полька, любилъ наши деревенскіе храмы и заходилъ въ нихъ, чтобы вознестись душой къ Богу, отдохнуть отъ дѣлъ и всѣхъ государственныхъ заботъ, терній царскаго величія». При такомъ настроеніи характера, легко впасть въ заблужденіе при заботахъ о народномъ образованіи. Пользуясь дружбою императора, Чарторижскій, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія и попечителя виленскаго учебнаго округа, ловко обдѣлывалъ свои дѣла полонизаціи литвы, бѣлоруссіи, волыни и подоліи, стремясь возстановить польское королевство въ старинныхъ его предѣлахъ. Вездѣ въ русскомъ населеніи этихъ мѣстностей онъ открыто вводилъ польское воспитаніе, даже въ кіевской губерніи; всѣ предметы въ учебныхъ заведеніяхъ читались на польскомъ языкѣ, хотя на бумагѣ значились русскій языкъ и словесность. Католическое духовенство захватило школы, назначенныя для православнаго населенія кіевской, подольской и волынской губерній и имѣло надъ ними главный надзоръ. Дѣло дошло до того, что русскимъ негдѣ было учиться въ тѣхъ краяхъ, безъ знанія польскаго языка; если же поступали они въ польскія училища, то грозила опасность извращенія національныхъ воззрѣній. Успѣхи полонизаціи оскорбляли народное чувство русскихъ и возбуждали вопросъ о заведеніи собственныхъ училищъ, помимо министерскихъ.

Незная русскаго народа и презирая низости придворныхъ, Александръ I-й смотрѣлъ на своихъ подданныхъ русскихъ съ ложной точки зрѣнія, считая ихъ грубыми невѣждами, несчастной націей, неподозрѣвая могучей силы, здраваго ума и простаго чувства. Очевидно, привычка къ легкому французскому воспитанію и формѣ вѣжливости, при его мягкомъ характерѣ, при постоянныхъ внушеніяхъ о чудесной жизни европейскихъ народовъ, брала перевѣсъ—и свой народъ являлся ему по теоріи страдальцемъ отъ невѣжества. Послѣ XII-го года онъ впрочемъ смутно сознавалъ, что русскій народъ имѣетъ много сторонъ, достойныхъ полнаго уваженія, которыхъ нѣтъ у другихъ націй. Вос-

поминая о преданности своего народа, онъ приходилъ въ умиленіе: «О, мои бородачи, они гораздо лучше насъ! Они сохраняютъ патріархальные нравы, вѣру въ Бога и безграничную преданность своему государю... Мнѣ такъ плохо помогаютъ придворные въ осуществленіи моихъ плановъ, что у меня подчасъ является желаніе размозжить себѣ голову объ стѣну. Меня окружаютъ эгоисты, которые препебрегаютъ добромъ, и интересами государства, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и своемъ повышеніи». Однако ни энергическое обнаруженіе патріотическихъ стремленій, ни торжество надъ иноземцами не привели Александра I-го къ мысли о развитіи русскихъ началъ, въ ущербъ льготамъ иноземцевъ, населявшихъ Россію. Примѣръ на лицо: Екатерина II-я сильно заботилась о распространеніи знанія русскаго языка въ остзейскихъ провинціяхъ; но при Александрѣ I-мъ не обращали вниманія на господствующій языкъ, даже въ дерптскомъ университетѣ (36).

Изъ того же теоретическаго-гуманнаго воззрѣнія императора вытекало его уваженіе къ іезуитскому ордену, члены котораго всегда умѣли въ мутной водѣ рыбу ловить. Государь писалъ въ 1812 году: «желая торжественно ознаменовать особенное благоволеніе наше къ полоцкой іезуитской коллегіи, *толикую пользу принесшей воспитаніемъ юношества*, мы предназначили возвести заведеніе сіе на степень академіи, поставивъ въ зависимость отъ нея всѣ другія іезуитскія училища въ государствѣ и уравнивъ оную въ правахъ и преимуществахъ съ университетами». Коллегіи предоставлено было право раздавать ученыя степени, какъ университетамъ. Но скоро императору пришлось разочароваться насчетъ благодѣяній и просвѣтительныхъ заслугъ іезуитскихъ патеровъ: въ 1815 году дек. 20 велѣно выслать ихъ изъ русскихъ столицъ, и закрыть училища, потому что они воспользовались довѣріемъ правительства и родителей, которые отдавали имъ для воспитанія дѣтей, «возмнили потрясать господствующую православную греческую вѣру», стали прельщать въ свое вѣроисповѣданіе, погашать любовь къ согражданамъ, отдѣлять духъ ихъ отъ духа отечества, сѣять раздоръ и вражду между семействами. Высылка всѣхъ ихъ за границу остановлена была государемъ потому, что «надлежало прежде отыскать священниковъ знающихъ иностранные языки», чтобы замѣстить по колоніямъ іезуитскія должности, хотя это было, кажется, только предлогомъ для него, чтобы не поступить съ ними такъ круто сразу. Послѣ великаго благоволенія къ іезуитамъ такая полумѣра правительства характеризуетъ настрой главы его; она вовсе не отрезвила ихъ, а болѣе поощрила къ обычной дѣятельности. По сознанію министерства 1820 года, іезуиты несмотря на высылку изъ столицъ, «осмѣлились внуше-

поминая о преданности своего народа, онъ приходилъ въ умиленіе: «О, мои бородачи, они гораздо лучше насъ! Они сохраняютъ патріархальные нравы, вѣру въ Бога и безграничную преданность своему государю... Мнѣ такъ плохо помогаютъ придворные въ осуществленіи моихъ плановъ, что у меня подчасъ является желаніе размозжить себѣ голову объ стѣну. Меня окружаютъ эгоисты, которые препебрегаютъ добромъ, и интересами государства, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и своемъ повышеніи». Однако ни энергическое обнаруженіе патріотическихъ стремленій, ни торжество надъ иноземцами не привели Александра I-го къ мысли о развитіи русскихъ началъ, въ ущербъ льготамъ иноземцевъ, населявшихъ Россію. Примѣръ на лицо: Екатерина II-я сильно заботилась о распространеніи знанія русскаго языка въ остзейскихъ провинціяхъ; но при Александрѣ I-мъ не обращали вниманія на господствующій языкъ, даже въ дерптскомъ университетѣ (36).

Изъ того же теоретическаго-гуманнаго воззрѣнія императора вытекало его уваженіе къ іезуитскому ордену, члены котораго всегда умѣли въ мутной водѣ рыбу ловить. Государь писалъ въ 1812 году: «желая торжественно ознаменовать особенное благоволеніе наше къ полоцкой іезуитской коллегіи, *толикую пользу принесшей воспитаніемъ юношества*, мы предназначили возвести заведеніе сіе на степень академіи, поставивъ въ зависимость отъ нея всѣ другія іезуитскія училища въ государствѣ и уравнивъ оную въ правахъ и преимуществахъ съ университетами». Коллегіи предоставлено было право раздавать ученыя степени, какъ университетамъ. Но скоро императору пришлось разочароваться насчетъ благодѣяній и просвѣтительныхъ заслугъ іезуитскихъ патеровъ: въ 1815 году дек. 20 велѣно выслать ихъ изъ русскихъ столицъ, и закрыть училища, потому что они воспользовались довѣріемъ правительства и родителей, которые отдавали имъ для воспитанія дѣтей, «возмнили потрясать господствующую православную греческую вѣру», стали прельщать въ свое вѣроисповѣданіе, погашать любовь къ согражданамъ, отдѣлять духъ ихъ отъ духа отечества, сѣять раздоръ и вражду между семействами. Высылка всѣхъ ихъ за границу остановлена была государемъ потому, что «надлежало прежде отыскать священниковъ знающихъ иностранные языки», чтобы замѣстить по колоніямъ іезуитскія должности, хотя это было, кажется, только предлогомъ для него, чтобы не поступить съ ними такъ круто сразу. Послѣ великаго благоволенія къ іезуитамъ такая полумѣра правительства характеризуетъ настрой главы его; она вовсе не отрезвила ихъ, а болѣе поощрила къ обычной дѣятельности. По сознанію министерства 1820 года, іезуиты несмотря на высылку изъ столицъ, «осмѣлились внуше-

ніями своими обольщать питомцевъ и другихъ людей грекороссійской церкви и привлекать въ свое вѣроисповѣданіе» въ Сибири, въ витебской, саратовской губ.; при крещеніи еврейскихъ дѣтей употребляли насилія, а для православныхъ питомцевъ—обольщенія. Они не пеклись о благосостояніи своихъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи и пускали по міру немощныхъ и увѣчныхъ, имѣя всѣ средства призрѣть ихъ; вмѣсто благодарности, они забыли долгъ подданнической присяги; поэтому лишаются покровительства законовъ и высылаются изъ Россіи. Полоцкую іезуитскую коллегію и подвѣдомственныя ей училища велѣно упразднить, библіотеки и учебныя пособія отобрать (37). Такимъ образомъ для всеобъемлющаго сердца государя еще нанесена была глубокая рана неблагодарными волками, которыхъ воображали сдѣлать ручными ягнятами; имъ воздавали торжественныя почести за ихъ образовательную дѣятельность на пользу русскаго юношества, но она оказалась скоро зловредною. Подъ вліяніемъ поляковъ, наслѣдіе іезуитовъ тоже перешло въ искусныя руки ихъ учениковъ: высшее училище полоцкое рѣшили отдать католикамъ піарамъ, оршанское училище и пансіонъ—доминиканамъ, витебское—базиліанамъ, мстиславское училище и пансіонъ—бернардинамъ, могилевское—бѣлому духовенству. Значитъ, успѣхи полонизаціи югозападнаго края опять обезпечивало само русское правительство. Дѣйствительно, министръ писалъ въ 1824 г., что основанныя училища вмѣсто іезуитскихъ служатъ разсадниками католической пропаганды и совращаютъ въ латинство православныхъ юношей, которыхъ даже заставляли носить трауръ по усопшемъ папѣ Піѣ VII; русскій языкъ оставался въ совершенномъ пренебреженіи, чѣмъ недовольны были и сами жители,—все преподавалось на польскомъ языкѣ. Попечитель Виленскаго университета въ 1824 году замѣтилъ тамъ много безпорядковъ и открылъ существованіе тайныхъ политическихъ обществъ (38).

Недобросовѣстныя отношенія иностранцевъ къ Россіи и глупое подражаніе ихъ быту, увлеченіе ихъ нравами и языкомъ привели серьезныхъ людей къ сознанію достоинства своей народности, святости родныхъ обычаевъ и нравовъ. Они стали заявлять, что космополитъ есть нравственный уродъ и литература, не проникнутая чертами народнаго духа и обычаевъ, безполезное бумагомараніе. Сознаніе этой истины повело къ изслѣдованію разныхъ сторонъ своего отечества. Такимъ образомъ рѣзкая реформа Петра Великаго, сто лѣтъ учившая переимчивости чужой жизни, до забвенія родныхъ началъ, въ царствованіе Александра привела къ тремъ сказочнымъ дорогамъ: иностранной, боярской и народной. Плохо понимали, куда идти; и стояли на распутіи, но покрайней-мѣрѣ важно было открытіе третьей земской дороги, которой не хотѣли

піями своими обольщать питомцевъ и другихъ людей грекороссійской церкви и привлекать въ свое вѣроисповѣданіе» въ Сибири, въ витебской, саратовской губ.; при крещеніи еврейскихъ дѣтей употребляли насилія, а для православныхъ питомцевъ—обольщенія. Они не пеклись о благосостояніи своихъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи и пускали по міру немощныхъ и увѣчныхъ, имѣя всѣ средства призрѣть ихъ; вмѣсто благодарности, они забыли долгъ подданнической присяги; поэтому лишаются покровительства законовъ и высылаются изъ Россіи. Полоцкую іезуитскую коллегію и подвѣдомственныя ей училища велѣно упразднить, библіотеки и учебныя пособія отобрать (37). Такимъ образомъ для всеобъемлющаго сердца государя еще нанесена была глубокая рана неблагодарными волками, которыхъ воображали сдѣлать ручными ягнятами; имъ воздавали торжественныя почести за ихъ образовательную дѣятельность на пользу русскаго юношества, но она оказалась скоро зловредною. Подъ вліяніемъ поляковъ, наслѣдіе іезуитовъ тоже перешло въ искусныя руки ихъ учениковъ: высшее училище полоцкое рѣшили отдать католикамъ піарамъ, оршанское училище и пансіонъ—доминиканамъ, витебское—базиліанамъ, мстиславское училище и пансіонъ—бернардинамъ, могилевское—бѣлому духовенству. Значитъ, успѣхи полонизаціи югозападнаго края опять обезпечивало само русское правительство. Дѣйствительно, министръ писалъ въ 1824 г., что основанныя училища вмѣсто іезуитскихъ служатъ разсадниками католической пропаганды и совращаютъ въ латинство православныхъ юношей, которыхъ даже заставляли носить трауръ по усопшемъ папѣ Піѣ VII; русскій языкъ оставался въ совершенномъ пренебреженіи, чѣмъ недовольны были и сами жители,—все преподавалось на польскомъ языкѣ. Попечитель Виленскаго университета въ 1824 году замѣтилъ тамъ много безпорядковъ и открылъ существованіе тайныхъ политическихъ обществъ (38).

Недобросовѣстныя отношенія иностранцевъ къ Россіи и глупое подражаніе ихъ быту, увлеченіе ихъ нравами и языкомъ привели серьезныхъ людей къ сознанію достоинства своей народности, святости родныхъ обычаевъ и нравовъ. Они стали заявлять, что космополитъ есть нравственный уродъ и литература, не проникнутая чертами народнаго духа и обычаевъ, безполезное бумагомараніе. Сознаніе этой истины повело къ изслѣдованію разныхъ сторонъ своего отечества. Такимъ образомъ рѣзкая реформа Петра Великаго, сто лѣтъ учившая переимчивости чужой жизни, до забвенія родныхъ началъ, въ царствованіе Александра привела къ тремъ сказочнымъ дорогамъ: иностранной, боярской и народной. Плохо понимали, куда идти; и стояли на распутіи, но покрайней-мѣрѣ важно было открытіе третьей земской дороги, которой не хотѣли

знать въ XVIII стол. Видя все нахватаннымъ сплеча съ запада, люди воспитанные въ русской обстановкѣ не могли не придти къ мысли, что русскій человѣкъ дышетъ прошедшимъ и долженъ принадлежать къ собственной націи; явилось сознаніе, хотя и смутное, что наше общество должно обратиться къ жизни народной. Поборники народности, не чуждаясь науки, смотрѣли на нее односторонне, боясь распространенія заблужденій ума, разврата сердца и опасностей для спокойствія государственнаго, хотѣли безопаснаго просвѣщенія, т. е. огня, который бы не жегъ, по словамъ гр. Уварова. Начальникъ іезуитовъ, графъ де-Местръ писалъ русскому министру Разумовскому: «На что вамъ наука! Она творитъ людей безпокойныхъ... Да и большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не захочетъ прилежно заниматься науками. Нѣтъ такого юноши въ русскомъ дворянствѣ, который не согласился бы охотнѣе сдѣлать 3 похода и побывать въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить греческія спряженія». Разумѣется, съ такимъ отзывомъ іезуита большинство дворянъ было вполнѣ согласно и шло въ военную службу, не учась ничему. Образованіе гуманное, однако, поселило въ умахъ лучшихъ людей, что крѣпостное право, противное здравому смыслу, составляетъ зло и необходимо его уничтожить въ Россіи. Патріоты же, въ родѣ Шишкова, стремившіеся къ возстановленію народныхъ нравовъ и обычаевъ, не отрѣшились отъ боярскихъ воззрѣній и стояли за крѣпостное право, не сознавая связи между образованнымъ и простымъ классомъ общества; отрицая иностранную образованность, они смутно понимали, въ чемъ заключается задача русскаго движенія народнаго. Короче: явилась необходимость разумнаго изученія русской жизни и созданія отечественной науки.

Односторонняя мысль екатерининскихъ временъ, что образованіе должно приготовить добронравныхъ гражданъ, въ царствованіе Александра I-го передавалась правительствомъ уже не въ такомъ видѣ: оно желало просвѣщенія ума и сердца, соединенія знанія научнаго съ благонравіемъ и благородствомъ души. Вотъ его подлинныя слова: «Не надобно раздѣлять понятій о познаніяхъ отъ понятій о благонравіи въ истинномъ просвѣщеніи». Вмѣсто прежнихъ словъ: *образованія благовоспитанныхъ*, стали употреблять: «образованія полезныхъ гражданъ на службу отечества и распространенія въ немъ нужныхъ познаній» (39). Этотъ взглядъ осуществлялся на дѣлѣ—и первая четверть XIX-го стол. является знаменательнымъ временемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, эпохой зарожденія отечественной науки. Русская исторія, филологія, археологія, исторія русской литературы, этнографія получили тогда прочную закладку и сознана была необходимость основательнаго ихъ

знать въ XVIII стол. Видя все нахватаннымъ сплеча съ запада, люди воспитанные въ русской обстановкѣ не могли не придти къ мысли, что русскій человѣкъ дышетъ прошедшимъ и долженъ принадлежать къ собственной націи; явилось сознаніе, хотя и смутное, что наше общество должно обратиться къ жизни народной. Поборники народности, не чуждаясь науки, смотрѣли на нее односторонне, боясь распространенія заблужденій ума, разврата сердца и опасностей для спокойствія государственнаго, хотѣли безопаснаго просвѣщенія, т. е. огня, который бы не жегъ, по словамъ гр. Уварова. Начальникъ іезуитовъ, графъ де-Местръ писалъ русскому министру Разумовскому: «На что вамъ наука! Она творитъ людей безпокойныхъ... Да и большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не захочетъ прилежно заниматься науками. Нѣтъ такого юноши въ русскомъ дворянствѣ, который не согласился бы охотнѣе сдѣлать 3 похода и побывать въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить греческія спряженія». Разумѣется, съ такимъ отзывомъ іезуита большинство дворянъ было вполнѣ согласно и шло въ военную службу, не учась ничему. Образованіе гуманное, однако, поселило въ умахъ лучшихъ людей, что крѣпостное право, противное здравому смыслу, составляетъ зло и необходимо его уничтожить въ Россіи. Патріоты же, въ родѣ Шишкова, стремившіеся къ возстановленію народныхъ нравовъ и обычаевъ, не отрѣшились отъ боярскихъ воззрѣній и стояли за крѣпостное право, не сознавая связи между образованнымъ и простымъ классомъ общества; отрицая иностранную образованность, они смутно понимали, въ чемъ заключается задача русскаго движенія народнаго. Короче: явилась необходимость разумнаго изученія русской жизни и созданія отечественной науки.

Односторонняя мысль екатерининскихъ временъ, что образованіе должно приготовить добронравныхъ гражданъ, въ царствованіе Александра I-го передавалась правительствомъ уже не въ такомъ видѣ: оно желало просвѣщенія ума и сердца, соединенія знанія научнаго съ благонравіемъ и благородствомъ души. Вотъ его подлинныя слова: «Не надобно раздѣлять понятій о познаніяхъ отъ понятій о благонравіи въ истинномъ просвѣщеніи». Вмѣсто прежнихъ словъ: *образованія благовоспитанныхъ*, стали употреблять: «образованія полезныхъ гражданъ на службу отечества и распространенія въ немъ нужныхъ познаній» (39). Этотъ взглядъ осуществлялся на дѣлѣ—и первая четверть XIX-го стол. является знаменательнымъ временемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, эпохой зарожденія отечественной науки. Русская исторія, филологія, археологія, исторія русской литературы, этнографія получили тогда прочную закладку и сознана была необходимость основательнаго ихъ

изученія. Пустота и безсодержательность литературы надоѣдала зрѣлымъ людямъ и вызывала труды болѣе серьезные. Русская исторія отзывалась прежде хвалебнымъ гимномъ и наполнялась сердечными изліяніями; теперь наступила пора трезваго разсудочнаго направленія, которая произвела строгую критическую школу Каченовскаго; явилось множество важныхъ изданій, дѣльныхъ изслѣдованій и эти черновыя работы не можетъ обойти современный ученый, какъ основы русской науки. Около искренняго любителя отечественныхъ древностей, графа Н. П. Румянцева, составилось цѣлое общество ревностныхъ и талантливыхъ дѣятелей, которые исполняли порученія графа и вызывались сами на новые труды. Достаточно назвать имена этихъ тружениковъ, чтобы убѣдиться въ научной разработкѣ отечественныхъ древностей; около Румянцева занимались Бантышъ-Каменскій, М—тъ Евгеній, Малиновскій, Калайдовичъ, Востоковъ, Тимковскій, Строевъ, Кеппенъ, Френъ, Кругъ и многіе другіе. Еще Муравьевъ сильно заботился о развитіи народнаго самосознанія и по его мысли открыто «общество исторіи и древностей». Онъ правильно смотрѣлъ на задачу историческихъ наукъ, какъ не всякій образованнѣйшій человѣкъ его времени; онъ писалъ, что въ шествіи исторіи не надо останавливаться надъ безплодными происшествіями, утомительной картиной браней и сраженій. «Тѣ только происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были степенями или препятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости. Особливо достойны вниманія наблюдателя правы, владычествующій образъ мыслей, успѣхи общества, правила, заблужденія, обряды, которыми отличается каждое столѣтіе. Изображеніе ихъ должно быть почерпнуто въ происшествіяхъ. Так. обр. исторія какого—либо народа есть лучшее истолкованіе умопачертанія его» (40). Муравьевъ главнымъ образомъ содѣйствовалъ Карамзину въ исполненіи его громаднаго историческаго труда, который служитъ монументомъ научнаго движенія русскаго общества. Характеръ этого труда вполнѣ отражаетъ переходное время Александра I-го въ умственномъ развитіи. Тогда люди науки не отрѣшились отъ старыхъ преданій и, кромѣ знанія законовъ жизни духовной и физической, заботились о человѣчномъ развитіи читателей; поэтому ихъ рѣчь пропикнута чувствомъ, изображенія блестятъ поэтическими красками, что для науки пожалуй излишне. Глубокое патріотическое сочувствіе Карамзина ко всему великому и благородному въ исторіи и современной ему жизни, нѣжное и снисходительное отношеніе къ слабостямъ, отвращеніе отъ всего низкаго и грубаго, имѣли воспитательное значеніе для общества, не развитаго наукой. Но Карамзинъ отлично

изученія. Пустота и безсодержательность литературы надоѣдала зрѣлымъ людямъ и вызывала труды болѣе серьезные. Русская исторія отзывалась прежде хвалебнымъ гимномъ и наполнялась сердечными излiяніями; теперь наступила пора трезваго разсудочнаго направленія, которая произвела строгую критическую школу Каченовскаго; явилось множество важныхъ изданій, дѣльныхъ изслѣдованій и эти черновыя работы не можетъ обойти современный ученый, какъ основы русской науки. Около искренняго любителя отечественныхъ древностей, графа Н. П. Румянцева, составилось цѣлое общество ревностныхъ и талантливыхъ дѣятелей, которые исполняли порученія графа и вызывались сами на новые труды. Достаточно назвать имена этихъ тружениковъ, чтобы убѣдиться въ научной разработкѣ отечественныхъ древностей; около Румянцева занимались Бантышъ-Каменскій, М—тъ Евгеній, Малиновскій, Калайдовичъ, Востоковъ, Тимковскій, Строевъ, Кеппенъ, Френъ, Кругъ и многіе другіе. Еще Муравьевъ сильно заботился о развитіи народнаго самосознанія и по его мысли открыто «общество исторіи и древностей». Онъ правильно смотрѣлъ на задачу историческихъ наукъ, какъ не всякій образованнѣйшій человѣкъ его времени; онъ писалъ, что въ шествіи исторіи не надо останавливаться надъ безплодными происшествіями, утомительной картиной браней и сраженій. «Тѣ только происшествія заслуживаютъ все наше вниманіе, которыя были степенями или препятствіями народнаго восхожденія отъ дикости и невѣжества къ просвѣщенію и знаменитости. Особливо достойны вниманія наблюдателя правы, владычествующій образъ мыслей, успѣхи общества, правила, заблужденія, обряды, которыми отличается каждое столѣтіе. Изображеніе ихъ должно быть почерпнуто въ происшествіяхъ. Так. обр. исторія какого—либо народа есть лучшее истолкованіе умопачертанія его» (40). Муравьевъ главнымъ образомъ содѣйствовалъ Карамзину въ исполненіи его громаднаго историческаго труда, который служитъ монументомъ научнаго движенія русскаго общества. Характеръ этого труда вполнѣ отражаетъ переходное время Александра I-го въ умственномъ развитіи. Тогда люди науки не отрѣшились отъ старыхъ преданій и, кромѣ знанія законовъ жизни духовной и физической, заботились о человѣчномъ развитіи читателей; поэтому ихъ рѣчь пропикнута чувствомъ, изображенія блестятъ поэтическими красками, что для науки пожалуй излишне. Глубокое патріотическое сочувствіе Карамзина ко всему великому и благородному въ исторіи и современной ему жизни, нѣжное и снисходительное отношеніе къ слабостямъ, отвращеніе отъ всего низкаго и грубаго, имѣли воспитательное значеніе для общества, не развитаго наукой. Но Карамзинъ отлично

понималъ достоинство научной стороны дѣла и обезсмертилъ себя примѣчаніями къ «Исторіи государства рос.», хотя устрашался обилія этихъ выписокъ, зная вкусъ публики. Руководимый Муравьевымъ, онъ широко взглянулъ на минувшую жизнь нашихъ предковъ: нравы и обычаи, религіозныя дѣянія и юридическая сторона, образованіе и народная экономія—все привлекало его научное вниманіе, хотя складъ государства и внѣшнія отношенія занимаютъ самое видное мѣсто.

Въ то время сознано было, что общія начала юридическія, которыхъ упорно держались въ XVIII стол., лежатъ въ основѣ каждаго законодательства, какъ непреложныя теоретическія истины; другіе же законы вырабатываются самой жизнью и могущественнымъ стремленіемъ народа въ данное время; поэтому безъ историческаго изученія народнаго права немыслимы никакія преобразованія въ области законодательной. Въ источникѣ своемъ, въ Римскомъ правѣ, всѣ уложенія сходятся съ здравымъ смысломъ; но для каждаго народа необходимъ сводъ законовъ, передаваемый отъ отцовъ и дѣдовъ и переработанный жизнью потомковъ; въ немъ кроется родное могучее начало. Основываясь на этомъ убѣжденіи, Шишковъ и Карамзинъ справедливо находили проэктъ гражданскихъ законовъ Сперанскаго не тщательнымъ, слишкомъ общимъ, исполненнымъ безъ соображенія съ русскими законами и правами. Плодомъ этого сознанія важности историческаго изученія отечественнаго законодательства, явился впослѣдствіи громадный трудъ, исполненный подъ руководствомъ Сперанскаго—«Полное собраніе законовъ рос. имперіи». Въ 1814 г. казанское общество любителей словесности читало въ публичномъ собраніи отчетъ и поставило точный этнографическій вопросъ для изслѣдованія мѣстнаго края. «Мы живемъ между многими иноплеменными народами, въ древнемъ татарскомъ царствѣ, въ виду бывшей болгарской столицы. Татары, Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки, Зыряне окружаютъ насъ. Армяне, Персіане, Башкиры, Калмыки, Бухарцы и Китайцы ближе къ намъ, нежели къ другимъ обществамъ... Какъ полезно собирать различныя пѣсни сихъ народовъ, сказанія, записки, повѣсти, книги, надписи и т. п... Составленіе словарей сихъ языковъ, филологическое изслѣдованіе также небезполезно». Цѣлый рядъ важныхъ открытій, дѣльныхъ изслѣдованій и изданій въ области русской археологіи, библіографіи и филологіи ясно свидѣтельствуетъ о научномъ направленіи писателей времени Александра I-го. Опытъ древностей *Успенскаго*, труды Востокова, Памятники XII-го вѣка, Собраніе государственныхъ грамотъ, Словарь русскихъ писателей митрополита Евгенія, Историческое описаніе древностей Россійскаго музея, т. е. Оружейной палаты и множество мелкихъ и точ-

понималъ достоинство научной стороны дѣла и обезсмертилъ себя примѣчаніями къ «Исторіи государства рос.», хотя устрашался обилія этихъ выписокъ, зная вкусъ публики. Руководимый Муравьевымъ, онъ широко взглянулъ на минувшую жизнь нашихъ предковъ: нравы и обычаи, религіозныя дѣянія и юридическая сторона, образованіе и народная экономія—все привлекало его научное вниманіе, хотя складъ государства и внѣшнія отношенія занимаютъ самое видное мѣсто.

Въ то время сознано было, что общія начала юридическія, которыхъ упорно держались въ XVIII стол., лежатъ въ основѣ каждаго законодательства, какъ непреложныя теоретическія истины; другіе же законы вырабатываются самой жизнью и могущественнымъ стремленіемъ народа въ данное время; поэтому безъ историческаго изученія народнаго права немыслимы никакія преобразованія въ области законодательной. Въ источникѣ своемъ, въ Римскомъ правѣ, всѣ уложенія сходятся съ здравымъ смысломъ; но для каждаго народа необходимъ сводъ законовъ, передаваемый отъ отцовъ и дѣдовъ и переработанный жизнью потомковъ; въ немъ кроется родное могучее начало. Основываясь на этомъ убѣжденіи, Шишковъ и Карамзинъ справедливо находили проэктъ гражданскихъ законовъ Сперанскаго не тщательнымъ, слишкомъ общимъ, исполненнымъ безъ соображенія съ русскими законами и правами. Плодомъ этого сознанія важности историческаго изученія отечественнаго законодательства, явился впослѣдствіи громадный трудъ, исполненный подъ руководствомъ Сперанскаго—«Полное собраніе законовъ рос. имперіи». Въ 1814 г. казанское общество любителей словесности читало въ публичномъ собраніи отчетъ и поставило точный этнографическій вопросъ для изслѣдованія мѣстнаго края. «Мы живемъ между многими иноплеменными народами, въ древнемъ татарскомъ царствѣ, въ виду бывшей болгарской столицы. Татары, Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки, Зыряне окружаютъ насъ. Армяне, Персіане, Башкиры, Калмыки, Бухарцы и Китайцы ближе къ намъ, нежели къ другимъ обществамъ... Какъ полезно собирать различныя пѣсни сихъ народовъ, сказанія, записки, повѣсти, книги, надписи и т. п... Составленіе словарей сихъ языковъ, филологическое изслѣдованіе также небезполезно». Цѣлый рядъ важныхъ открытій, дѣльныхъ изслѣдованій и изданій въ области русской археологіи, библіографіи и филологіи ясно свидѣтельствуетъ о научномъ направленіи писателей времени Александра I-го. Опытъ древностей *Успенскаго*, труды Востокова, Памятники XII-го вѣка, Собраніе государственныхъ грамотъ, Словарь русскихъ писателей митрополита Евгенія, Историческое описаніе древностей Россійскаго музея, т. е. Оружейной палаты и множество мелкихъ и точ-

ныхъ трудовъ ручались за дальнѣйшее усовершенствованіе научныхъ пріемовъ и развитіе знаній. Въ университетахъ трудились надъ составленіемъ учебниковъ и надъ разработкой вопросовъ жизни и природы, возбуждая въ обществѣ любовь къ научнымъ занятіямъ. Оставляя легкія французскія сочиненія въ наслѣдство пустымъ людямъ, лучшіе умы съ жадностью бросились искать пищи въ нѣмецкой литературѣ и философіи Шеллинга. Самое изученіе языковъ сдѣлалось уже не цѣлью, а средствомъ пріобрѣтенія познаній (41).

Въ началѣ XIX стол. сознаніе своей народности и зарожденіе русской науки содѣйствовало развитію идеи славянской взаимности; родство Русскихъ съ Славянами приводило къ тѣсному сближенію между ними, покрайней мѣрѣ, въ теоріи, такъ какъ внѣшняя политика времени Александра была черезчуръ деликатна и осторожна, а потому и неблагопріятна для взаимныхъ славянскихъ сношеній. Когда Шишковъ упоминалъ о Чехахъ, какъ соплеменномъ и храбромъ народѣ, говорящемъ нашимъ нарѣчіемъ, Александръ замѣтилъ: «подозрительные Нѣмцы подумаютъ, что мы, сближаясь съ Богемцами, симъ родствомъ, имѣемъ на нихъ какіе—нибудь виды». Послѣ этого Шишковъ стремился сблизить Славянъ на почвѣ науки, желалъ привлечь писателей къ изслѣдованію языка и составленію сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Мысль о единеніи Славянъ безспорно принадлежитъ первому Шишкову, который старался о сближеніи и на дѣлѣ: онъ завелъ сношенія со всѣми выдающимися учеными—Славянами, переписывался съ Добровскимъ, Ганкой, Юнгманомъ, Линде, Раковецкимъ, Милетичемъ, Караджичемъ и другими. По его предложенію русская Академія наукъ выбрала четырехъ ученыхъ Славянъ въ свои почетные члены; Шишковъ считалъ даже необходимымъ открыть въ русскихъ университетахъ каѳедры славянскихъ нарѣчій; но въ то время не нашлось бы подготовленныхъ профессоровъ, да и щекотливая политика едвали бы допустила до этого преподаванія. Изслѣдуя происхожденіе словъ отъ корней въ разныхъ языкахъ, Шишковъ напалъ на счастливую мысль о сравнительномъ языковѣдѣніи, когда еще европейскіе ученые имѣли о немъ смутное представленіе; но не имѣя строго—научной подготовки не могъ работать надъ развитіемъ ея точно и сознательно, помимо фантастическихъ увлеченій (42).

Хотя русская наука выступила на прямую дорогу, но не могла сразу освободиться отъ примѣси фантазіи, общихъ мѣстъ и поучительнаго тона; законы жизни и природы сознаваемы были ощупью и съ большимъ трудомъ. Вопросы научные рѣшались большею частью на общихъ теоретическихъ основахъ, и системы строились безъ фактовъ и опыта, при помощи философскихъ воззрѣній. Пріятныя искусства пред-

ныхъ трудовъ ручались за дальнѣйшее усовершенствованіе научныхъ пріемовъ и развитіе знаній. Въ университетахъ трудились надъ составленіемъ учебниковъ и надъ разработкой вопросовъ жизни и природы, возбуждая въ обществѣ любовь къ научнымъ занятіямъ. Оставляя легкія французскія сочиненія въ наслѣдство пустымъ людямъ, лучшіе умы съ жадностью бросились искать пищи въ нѣмецкой литературѣ и философіи Шеллинга. Самое изученіе языковъ сдѣлалось уже не цѣлью, а средствомъ пріобрѣтенія познаній (41).

Въ началѣ XIX стол. сознаніе своей народности и зарожденіе русской науки содѣйствовало развитію идеи славянской взаимности; родство Русскихъ съ Славянами приводило къ тѣсному сближенію между ними, покрайней мѣрѣ, въ теоріи, такъ какъ внѣшняя политика времени Александра была черезчуръ деликатна и осторожна, а потому и неблагопріятна для взаимныхъ славянскихъ сношеній. Когда Шишковъ упоминалъ о Чехахъ, какъ соплеменномъ и храбромъ народѣ, говорящемъ нашимъ нарѣчіемъ, Александръ замѣтилъ: «подозрительные Нѣмцы подумаютъ, что мы, сближаясь съ Богемцами, симъ родствомъ, имѣемъ на нихъ какіе—нибудь виды». Послѣ этого Шишковъ стремился сблизить Славянъ на почвѣ науки, желалъ привлечь писателей къ изслѣдованію языка и составленію сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Мысль о единеніи Славянъ безспорно принадлежитъ первому Шишкову, который старался о сближеніи и на дѣлѣ: онъ завелъ сношенія со всѣми выдающимися учеными—Славянами, переписывался съ Добровскимъ, Ганкой, Юнгманомъ, Линде, Раковецкимъ, Милетичемъ, Караджичемъ и другими. По его предложенію русская Академія наукъ выбрала четырехъ ученыхъ Славянъ въ свои почетные члены; Шишковъ считалъ даже необходимымъ открыть въ русскихъ университетахъ каѳедры славянскихъ нарѣчій; но въ то время не нашлось бы подготовленныхъ профессоровъ, да и щекотливая политика едвали бы допустила до этого преподаванія. Изслѣдуя происхожденіе словъ отъ корней въ разныхъ языкахъ, Шишковъ напалъ на счастливую мысль о сравнительномъ языковѣдѣніи, когда еще европейскіе ученые имѣли о немъ смутное представленіе; но не имѣя строго—научной подготовки не могъ работать надъ развитіемъ ея точно и сознательно, помимо фантастическихъ увлеченій (42).

Хотя русская наука выступила на прямую дорогу, но не могла сразу освободиться отъ примѣси фантазіи, общихъ мѣстъ и поучительнаго тона; законы жизни и природы сознаваемы были ощупью и съ большимъ трудомъ. Вопросы научные рѣшались большею частью на общихъ теоретическихъ основахъ, и системы строились безъ фактовъ и опыта, при помощи философскихъ воззрѣній. Пріятныя искусства пред-

ставлялись въ то время моремъ добродѣтельныхъ наслажденій, волны котораго очищаютъ умъ и сердце, омываютъ всѣ язвы общественной и нравственной жизни; даже въ области юридическихъ наукъ первое мѣсто занимало *естественное право*, въ основѣ котораго покоилось начало изящнаго блаженства добродѣтели. Но надо замѣтить, что тогда же выступилъ на сцену истинный поэтъ—художникъ Пушкинъ, который все-таки видѣлъ суроваго чела науки покрывало (43).

Переходное время въ развитіи и направленіи воспитанія и образованія отъ человѣчнаго или сердечнаго къ научному и сознательному ознаменовалось неопредѣленностью взглядовъ и непослѣдовательностью направленія. Люди науки грустно смотрѣли на крайности воззрѣній и ожесточенную борьбу разныхъ кружковъ; графъ С. С. Уваровъ писалъ въ 1813 году: «Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мысли не имѣетъ предѣловъ... Это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо; кричатъ: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франмасонъ, фанатикъ и т. под.». Даже убѣжденія лучшихъ людей страдали важными недостатками и односторонними выводами. Лопухинъ предпочиталъ образованіе сердца умственному развитію и заботился, чтобы цензура не препятствовала выпуску спасительныхъ мистическихъ книгъ, въ родѣ «путей молитвеннаго сердца». Шишковъ боялся французскихъ и нѣмецкихъ сочиненій и приписывалъ имъ распространеніе мрака лжемудрія, разрушенія вѣры, низложенія власти и развитія беззаконія. Поэтому онъ хлопоталъ о введеніи цензуры, которая бы состояла изъ верхняго и нижняго комитета, занималась критикой сочиненій, исправленіемъ языка и т. под. Почтенный адмиралъ держалъ науку въ строгомъ подчиненіи морали и увѣрялъ, что статистика обязана извѣщать только о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство, должны погружаться въ вѣчное забвеніе и не слѣдуетъ трудиться надъ такими пустыми вещами. Между тѣмъ Карамзинъ негодовалъ на Шишкова за желаніе распространить грамотность въ народѣ, а на Сперанскаго—за изданіе указа, которымъ запрещалось помѣщикамъ покупать крестьянъ безъ земли и продавать ихъ въ рекруты, что равнялось торгу невольниками; онъ оправдывалъ крѣпостное право, а дарованіе свободы помѣщичьимъ крестьянамъ считалъ несправедливымъ и вреднымъ. Сперанскій въ свою очередь находилъ опаснымъ переводъ Библіи на русскій языкъ и считалъ образованіе для несвободныхъ людей вреднымъ, ведущимъ къ уясненію сознанія и къ большему нравственному рабству: «Изъ человѣколюбія столько же, сколько изъ политики, слѣ-

ставлялись въ то время моремъ добродѣтельныхъ наслажденій, волны котораго очищаютъ умъ и сердце, омываютъ всѣ язвы общественной и нравственной жизни; даже въ области юридическихъ наукъ первое мѣсто занимало *естественное право*, въ основѣ котораго покоилось начало изящнаго блаженства добродѣтели. Но надо замѣтить, что тогда же выступилъ на сцену истинный поэтъ—художникъ Пушкинъ, который все-таки видѣлъ суроваго чела науки покрывало (43).

Переходное время въ развитіи и направленіи воспитанія и образованія отъ человѣчнаго или сердечнаго къ научному и сознательному ознаменовалось неопредѣленностью взглядовъ и непослѣдовательностью направленія. Люди науки грустно смотрѣли на крайности воззрѣній и ожесточенную борьбу разныхъ кружковъ; графъ С. С. Уваровъ писалъ въ 1813 году: «Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мысли не имѣетъ предѣловъ... Это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо; кричатъ: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франмасонъ, фанатикъ и т. под.». Даже убѣжденія лучшихъ людей страдали важными недостатками и односторонними выводами. Лопухинъ предпочиталъ образованіе сердца умственному развитію и заботился, чтобы цензура не препятствовала выпуску спасительныхъ мистическихъ книгъ, въ родѣ «путей молитвеннаго сердца». Шишковъ боялся французскихъ и нѣмецкихъ сочиненій и приписывалъ имъ распространеніе мрака лжемудрія, разрушенія вѣры, низложенія власти и развитія беззаконія. Поэтому онъ хлопоталъ о введеніи цензуры, которая бы состояла изъ верхняго и нижняго комитета, занималась критикой сочиненій, исправленіемъ языка и т. под. Почтенный адмиралъ держалъ науку въ строгомъ подчиненіи морали и увѣрялъ, что статистика обязана извѣщать только о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство, должны погружаться въ вѣчное забвеніе и не слѣдуетъ трудиться надъ такими пустыми вещами. Между тѣмъ Карамзинъ негодовалъ на Шишкова за желаніе распространить грамотность въ народѣ, а на Сперанскаго—за изданіе указа, которымъ запрещалось помѣщикамъ покупать крестьянъ безъ земли и продавать ихъ въ рекруты, что равнялось торгу невольниками; онъ оправдывалъ крѣпостное право, а дарованіе свободы помѣщичьимъ крестьянамъ считалъ несправедливымъ и вреднымъ. Сперанскій въ свою очередь находилъ опаснымъ переводъ Библіи на русскій языкъ и считалъ образованіе для несвободныхъ людей вреднымъ, ведущимъ къ уясненію сознанія и къ большему нравственному рабству: «Изъ человѣколюбія столько же, сколько изъ политики, слѣ-

дуетъ оставлять рабовъ въ невѣжествѣ, если не хотятъ дать имъ свободу». Мистики временъ екатерининскихъ совсѣмъ стали противъ строгой науки; даже такой представитель литературной дѣятельности XVIII-го стол., какъ Новиковъ, отвергалъ новыя открытія астрономическія и химическія, открытія новыхъ планетъ называлъ бреднями, а извлеченіе невѣдомыхъ газовъ—пустыми словами (44).

При неопредѣленности воззрѣній, при туманномъ складѣ невыясненныхъ идей, правительственныя лица должны были примкнуть къ тому кружку, котораго взгляды будетъ раздѣлять глава государства. Настроенный мыслью и фантазіей къ таинственному царству, религіозный Александръ увлекся мистическими стремленіями современными, самосозерцаніе и самоуглубленіе сталъ считать единственнымъ путемъ къ достиженію истины, жаждалъ отыскать внутреннюю церковь. Отличаясь чистою пламенной вѣрой и глубокими христіанскими убѣжденіями, онъ потрясенъ былъ событіями 12 года и еще болѣе сталъ питать религіозное чувство, видя проявленіе перста божественнаго въ управленіи царствъ и народовъ. Въ 1818 г. онъ самъ говорилъ прусскому епископу Эллерту: «Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ божій на обледенѣлыхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотой вѣры. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ его св. писаніе,—съ тѣхъ поръ понялъ я его волю, его законъ, и во мнѣ открылась твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе его имени и славѣ». Въ борьбѣ партій государь не принималъ участія, но настроеніе его было извѣстно и нашлось не мало лицъ, которыя изъ угожденія сдѣлались мистиками и составили толпу около князя А. Н. Голицына, друга императора. Женщины, болѣе склонныя къ мистицизму, играютъ въ такое время всегда первую роль на этомъ туманномъ пути; какъ при императорѣ Павлѣ Татаринова явилась пророчицей и на своихъ вечерахъ устроивала хлыстовскія радѣнія; такъ и при Александрѣ I-мъ Крюднеръ устроила собранія, гдѣ вкушали пищу на колѣнахъ, пѣли псалмы и произносили проповѣди въ фантастическомъ тонѣ. А. С. Шишковъ такъ характеризуетъ эту женщину: «Женщина остроумная, но возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованіяхъ и тщеславилась показать себя вдохновенною. На моленныхъ собраніяхъ хозяйка выказывала суетное тщеславіе—прослыть у легковѣрныхъ людей посланною съ небесъ жрицею». Эта—то восторженно религіозная женщина произвела сильное впечатлѣніе на мягкую натуру Александра, равно какъ и старѣйшины квакеровъ, у которыхъ онъ цѣловалъ руки.

Религіозныя стремленія общества, не приготовленнаго къ принятію науки и догматическаго ученія церкви, выражались въ сердечномъ вдох-

дуетъ оставлять рабовъ въ невѣжествѣ, если не хотятъ дать имъ свободу». Мистики временъ екатерининскихъ совсѣмъ стали противъ строгой науки; даже такой представитель литературной дѣятельности XVIII-го стол., какъ Новиковъ, отвергалъ новыя открытія астрономическія и химическія, открытія новыхъ планетъ называлъ бреднями, а извлеченіе невѣдомыхъ газовъ—пустыми словами (44).

При неопредѣленности воззрѣній, при туманномъ складѣ невыясненныхъ идей, правительственныя лица должны были примкнуть къ тому кружку, котораго взгляды будетъ раздѣлять глава государства. Настроенный мыслью и фантазіей къ таинственному царству, религіозный Александръ увлекся мистическими стремленіями современными, самосозерцаніе и самоуглубленіе сталъ считать единственнымъ путемъ къ достиженію истины, жаждалъ отыскать внутреннюю церковь. Отличаясь чистою пламенной вѣрой и глубокими христіанскими убѣжденіями, онъ потрясенъ былъ событіями 12 года и еще болѣе сталъ питать религіозное чувство, видя проявленіе перста божественнаго въ управленіи царствъ и народовъ. Въ 1818 г. онъ самъ говорилъ прусскому епископу Эллерту: «Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ божій на обледенѣлыхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотой вѣры. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ его св. писаніе,—съ тѣхъ поръ понялъ я его волю, его законъ, и во мнѣ открылась твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе его имени и славѣ». Въ борьбѣ партій государь не принималъ участія, но настроеніе его было извѣстно и нашлось не мало лицъ, которыя изъ угожденія сдѣлались мистиками и составили толпу около князя А. Н. Голицына, друга императора. Женщины, болѣе склонныя къ мистицизму, играютъ въ такое время всегда первую роль на этомъ туманномъ пути; какъ при императорѣ Павлѣ Татаринова явилась пророчицей и на своихъ вечерахъ устроивала хлыстовскія радѣнія; такъ и при Александрѣ I-мъ Крюднеръ устроила собранія, гдѣ вкушали пищу на колѣнахъ, пѣли псалмы и произносили проповѣди въ фантастическомъ тонѣ. А. С. Шишковъ такъ характеризуетъ эту женщину: «Женщина остроумная, но возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованіяхъ и тщеславилась показать себя вдохновенною. На моленныхъ собраніяхъ хозяйка выказывала суетное тщеславіе—прослыть у легковѣрныхъ людей посланною съ небесъ жрицею». Эта—то восторженно религіозная женщина произвела сильное впечатлѣніе на мягкую натуру Александра, равно какъ и старѣйшины квакеровъ, у которыхъ онъ цѣловалъ руки.

Религіозныя стремленія общества, не приготовленнаго къ принятію науки и догматическаго ученія церкви, выражались въ сердечномъ вдох-

новеніи, въ достиженіи таинственной связи земнаго съ небеснымъ. Увлекаясь чувствомъ и воображеніемъ, мистики стали въ противорѣчіе съ православнымъ ученіемъ и въ разладъ съ наукой, которой они не понимали и чуждались. Этимъ общественнымъ броженіемъ ловко пользовались іезуиты для совращенія русскихъ бояръ въ католичество. Тогда рѣшенъ былъ вопросъ о подчиненіи вѣрѣ знанія, ума чувству—и наука представилась опасной, будто она плодитъ только людей самонадѣянныхъ, политически—ненадежныхъ и безнравственныхъ. Къ сожалѣнію, мистики и гасители просвѣщенія могли указать недостатки въ образованіи и съ жаромъ взялись за преслѣдованіе науки. Совершеніе серьезнаго дѣла не обходится безъ ошибокъ и недоразумѣній, пока оно не пойдетъ на ладъ. Какъ начало грамотности сопровождается грустными явленіями и плодитъ писарей—пьяницъ; такъ и прочному образованію предшествуютъ заблужденія, а за тѣмъ уже вырабатывается чистая истина. Это неизбѣжное явленіе замѣтно и въ царствованіе Александра I-го. При этомъ обыкновенно забываютъ, что заблуждаются отдѣльныя личности, ищущія истины, а найденные общими усиліями законы составляютъ всегдашнее достояніе народа, что заблужденія невѣжества опаснѣе для общества, чѣмъ заблужденія научныя.

Такимъ образомъ, насталъ поворотъ отъ развитія образованія къ умственному застою. Приверженцы системы управленія Павла I-го не унывали и двинулись впередъ, когда настало ихъ время, съ той только разницей, что дѣйствовали подъ покровомъ религіи и политики, и старались оправдывать свои распоряженія, которыя приводились прежде въ исполненіе безъ разговоровъ. Съ 1817 г. главнымъ основаніемъ ученія и воспитанія юношей поставлено религіозное просвѣщеніе, система образованія основалась на началахъ священнаго союза, изъ школы дѣлали монастырь. Тогда признали полезнымъ соединить министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія». Это министерство стало ратовать за чувство и фантазію, а не за умъ и разсужденія научныя. Русскимъ юношамъ безусловно было запрещено учиться въ университетахъ гейдельбергскомъ, іенскомъ, гиссенскомъ и вюрцбургскомъ, «гдѣ молодые люди черпаютъ понятія, самыя противныя религіи и нравственности». Строгости цензуры сильно возрастали; вышелъ указъ, чтобы «въ сочиненіяхъ и переводахъ ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось». Наконецъ въ 1825 г. велѣно отобрать отъ всѣхъ духовныхъ училищъ, мѣстъ и лицъ книги, заключающія въ себѣ ученіе, противное вѣрѣ и благочестію (45). Неопредѣленность требованій министерства подавала поводъ воздвигнуть полное гоненіе на юную русскую науку.

новеніи, въ достиженіи таинственной связи земнаго съ небеснымъ. Увлекаясь чувствомъ и воображеніемъ, мистики стали въ противорѣчіе съ православнымъ ученіемъ и въ разладъ съ наукой, которой они не понимали и чуждались. Этимъ общественнымъ броженіемъ ловко пользовались іезуиты для совращенія русскихъ бояръ въ католичество. Тогда рѣшенъ былъ вопросъ о подчиненіи вѣрѣ знанія, ума чувству—и наука представилась опасной, будто она плодитъ только людей самонадѣянныхъ, политически—ненадежныхъ и безнравственныхъ. Къ сожалѣнію, мистики и гасители просвѣщенія могли указать недостатки въ образованіи и съ жаромъ взялись за преслѣдованіе науки. Совершеніе серьезнаго дѣла не обходится безъ ошибокъ и недоразумѣній, пока оно не пойдетъ на ладъ. Какъ начало грамотности сопровождается грустными явленіями и плодитъ писарей—пьяницъ; такъ и прочному образованію предшествуютъ заблужденія, а за тѣмъ уже вырабатывается чистая истина. Это неизбѣжное явленіе замѣтно и въ царствованіе Александра I-го. При этомъ обыкновенно забываютъ, что заблуждаются отдѣльныя личности, ищущія истины, а найденные общими усиліями законы составляютъ всегдашнее достояніе народа, что заблужденія невѣжества опаснѣе для общества, чѣмъ заблужденія научныя.

Такимъ образомъ, насталъ поворотъ отъ развитія образованія къ умственному застою. Приверженцы системы управленія Павла I-го не унывали и двинулись впередъ, когда настало ихъ время, съ той только разницей, что дѣйствовали подъ покровомъ религіи и политики, и старались оправдывать свои распоряженія, которыя приводились прежде въ исполненіе безъ разговоровъ. Съ 1817 г. главнымъ основаніемъ ученія и воспитанія юношей поставлено религіозное просвѣщеніе, система образованія основалась на началахъ священнаго союза, изъ школы дѣлали монастырь. Тогда признали полезнымъ соединить министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія». Это министерство стало ратовать за чувство и фантазію, а не за умъ и разсужденія научныя. Русскимъ юношамъ безусловно было запрещено учиться въ университетахъ гейдельбергскомъ, іенскомъ, гиссенскомъ и вюрцбургскомъ, «гдѣ молодые люди черпаютъ понятія, самыя противныя религіи и нравственности». Строгости цензуры сильно возрастали; вышелъ указъ, чтобы «въ сочиненіяхъ и переводахъ ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось». Наконецъ въ 1825 г. велѣно отобрать отъ всѣхъ духовныхъ училищъ, мѣстъ и лицъ книги, заключающія въ себѣ ученіе, противное вѣрѣ и благочестію (45). Неопредѣленность требованій министерства подавала поводъ воздвигнуть полное гоненіе на юную русскую науку.

Когда научныя пріобрѣтенія государя подернулись туманомъ и онъ сталъ въ ряды мистиковъ, увеличивъ ихъ количество своимъ примѣромъ,—люди ловкіе, безсердечные, лишенные всякихъ убѣжденій, со всей силой ненависти, стали ратовать противъ зарождавшагося образованія въ Россіи, отыскивать въ каждой невинной фразѣ профессора тлетворное растлѣніе умовъ, направленное къ гибели религіозно—нравственнаго порядка и къ ниспроверженію основъ государственнаго строя. Къ этому несчастному униженію и угнетенію науки непричастенъ былъ лично императоръ, неподозрѣвая безчестныхъ стремленій самолюбивыхъ защитниковъ православія и государства, которыя и не нуждались въ ихъ хищныхъ услугахъ. Дѣятели, въ родѣ Магницкаго, слишкомъ злоупотребляли высочайшимъ именемъ, когда прикрывали ложь такими словами: «Повсемѣстно видимъ мы благотворныя заботы государя благочестивѣйшаго и вѣрныхъ исполнителей священной его воли объ—искорененіи пагубныхъ лжеученій, которыя, какъ потокъ подземный, устремлялись подрыть святые алтари Бога отцовъ нашихъ». Подобныя ложныя угрозы, однако, имѣли свое дѣйствіе. Приняты были строгія мѣры, чтобы вмѣсто преподаванія науки, профессоры занимались преслѣдованіемъ въ студентахъ духа вольнодумства, котораго не существовало; вмѣсто сообщенія знаній, пріучали ихъ къ дѣламъ милосердія, на что требовались деньги и свободное время, которыхъ не было въ распоряженіи учащихся. Студентовъ медицинскаго факультета заставляли писать кандидатскія диссертаціи по предметамъ Богословія и краснорѣчія. Отыскивая цѣлительныя средства противъ буйной гордости разума, Магницкій учредилъ въ казанскомъ университетѣ цѣльную систему доносовъ и шпіонства. Великому горю «неустройства врутренней полиціи» университетовъ скоро помогли искусствомъ: выгоняя дѣльныхъ профессоровъ и оставляя бездарныхъ, образовали изъ послѣднихъ полный штатъ полицейскихъ чиновъ. Быстро юные университеты дождались «переложенія на новые правы», когда не успѣли еще выработать никакихъ опредѣленныхъ правилъ и обычаевъ. *Въ 1823 г.* Магницкій, добиваясь должности министра народнаго просвѣщенія, при посредствѣ Аракчеева, подалъ государю *новый планъ народнаго воспитанія*, въ которомъ доказывалъ, что заправляли доселѣ системою образованія люди злонамѣренные, распространяли развратъ мыслей и начала разрушительныя философіи германской, масонства, своевѣрія и весь легіонъ духовъ нечистыхъ. Въ основаніе русскаго воспитанія онъ совѣтуетъ положить двѣ религіи—перваго и втораго величества, чтобы уважали помазанника православной церкви христа божія; онъ хвалился, что очистилъ казанскій округъ отъ тьмы невѣрія и уничтожилъ заговоръ на

Когда научныя пріобрѣтенія государя подернулись туманомъ и онъ сталъ въ ряды мистиковъ, увеличивъ ихъ количество своимъ примѣромъ,—люди ловкіе, безсердечные, лишенные всякихъ убѣжденій, со всей силой ненависти, стали ратовать противъ зарождавшагося образованія въ Россіи, отыскивать въ каждой невинной фразѣ профессора тлетворное растлѣніе умовъ, направленное къ гибели религіозно—нравственнаго порядка и къ ниспроверженію основъ государственнаго строя. Къ этому несчастному униженію и угнетенію науки непричастенъ былъ лично императоръ, неподозрѣвая безчестныхъ стремленій самолюбивыхъ защитниковъ православія и государства, которыя и не нуждались въ ихъ хищныхъ услугахъ. Дѣятели, въ родѣ Магницкаго, слишкомъ злоупотребляли высочайшимъ именемъ, когда прикрывали ложь такими словами: «Повсемѣстно видимъ мы благотворныя заботы государя благочестивѣйшаго и вѣрныхъ исполнителей священной его воли объ—искорененіи пагубныхъ лжеученій, которыя, какъ потокъ подземный, устремлялись подрыть святые алтари Бога отцовъ нашихъ». Подобныя ложныя угрозы, однако, имѣли свое дѣйствіе. Приняты были строгія мѣры, чтобы вмѣсто преподаванія науки, профессоры занимались преслѣдованіемъ въ студентахъ духа вольнодумства, котораго не существовало; вмѣсто сообщенія знаній, пріучали ихъ къ дѣламъ милосердія, на что требовались деньги и свободное время, которыхъ не было въ распоряженіи учащихся. Студентовъ медицинскаго факультета заставляли писать кандидатскія диссертаціи по предметамъ Богословія и краснорѣчія. Отыскивая цѣлительныя средства противъ буйной гордости разума, Магницкій учредилъ въ казанскомъ университетѣ цѣльную систему доносовъ и шпіонства. Великому горю «неустройства врутренней полиціи» университетовъ скоро помогли искусствомъ: выгоняя дѣльныхъ профессоровъ и оставляя бездарныхъ, образовали изъ послѣднихъ полный штатъ полицейскихъ чиновъ. Быстро юные университеты дождались «переложенія на новые правы», когда не успѣли еще выработать никакихъ опредѣленныхъ правилъ и обычаевъ. *Въ 1823 г.* Магницкій, добиваясь должности министра народнаго просвѣщенія, при посредствѣ Аракчеева, подалъ государю *новый планъ народнаго воспитанія*, въ которомъ доказывалъ, что заправляли доселѣ системою образованія люди злонамѣренные, распространяли развратъ мыслей и начала разрушительныя философіи германской, масонства, своевѣрія и весь легіонъ духовъ нечистыхъ. Въ основаніе русскаго воспитанія онъ совѣтуетъ положить двѣ религіи—перваго и втораго величества, чтобы уважали помазанника православной церкви христа божія; онъ хвалился, что очистилъ казанскій округъ отъ тьмы невѣрія и уничтожилъ заговоръ на

Бога и на царей; хвалился, что тамъ помазанники божіи уважаются, хотя у Карамзина въ исторіи поносятся именами тирановъ и злодѣевъ. Къ счастью, эта дерзкая записка оскорбила деликатное чувство государя, была противна ему по нахальству и лжи и осталась безъ послѣдствій. Крайности просвѣщенія—въ духѣ религіи и фразерства противъ вольнодумства—вызывали тайныя противоположныя стремленія, во имя науки и образованности; подавленіе силы ума возбуждало протестъ противъ насилія надъ его правами; преслѣдованіе небывалыхъ затѣй возмущенія политическаго вызывало отпоръ противъ нелѣпаго отожествленія религіи и политики. «Не западныя идеи возмущали образованное общество, а Аракчеевы, Магницкіе и имъ подобные, оскорблявшіе здравый смыслъ и нравственное чувство», справедливо замѣчаетъ одинъ изъ русскихъ писателей. Злостныя, невѣжественныя и безнравственныя выходки Магницкаго противъ науки возмущали всѣхъ порядочныхъ людей и особенно бывшаго его пріятеля М. М. Сперанскаго, который считалъ казанскаго попечителя «государственнымъ злодѣемъ» и содѣйствовалъ его паденію.

По проэктамъ Магницкаго и друзей его нельзя дѣлать ложныя заключенія, будто государь до такой степени измѣнилъ прежнее свое воззрѣніе на воспитаніе, что былъ согласенъ съ ними во всѣхъ ихъ преслѣдованіяхъ духа тьмы, лжеученія и мятежа страстей. Нѣтъ, онъ до конца жизни относился съ уваженіемъ къ образованію и держался крѣпко съ дѣтства усвоенныхъ имъ убѣжденій, только способъ воспитанія и форма у него приняли другія черты. А. С. Шишковъ пишетъ: «Возмущенія за границей и пребыванія государя въ Австріи во многомъ перемѣнили образъ его мыслей: онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи подъ именемъ высокихъ таинствъ, разрушившей всѣ связи обществъ, и о другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ.... Но привязанность его или какъ бы нѣкая страсть къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что казалось онъ, самъ съ собою борясь, увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями». Онъ соглашался на мои мѣры, но разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ. Если бы Александръ I-й имѣлъ возможность провѣрить, къ чему ведетъ усердное преподаваніе, направляемое самозванными апостолами, скрывающими личныя цѣли подъ покровомъ религіи, онъ отвернулся бы отъ нихъ съ глубокимъ омерзеніемъ. Государь всю жизнь стремился къ просвѣщенію народа и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ отличался искренностью и задушевностью. Нельзя винить его, когда онъ видѣлъ на бумагѣ прекрасные плоды новой ре-

Бога и на царей; хвалился, что тамъ помазанники божіи уважаются, хотя у Карамзина въ исторіи поносятся именами тирановъ и злодѣевъ. Къ счастью, эта дерзкая записка оскорбила деликатное чувство государя, была противна ему по нахальству и лжи и осталась безъ послѣдствій. Крайности просвѣщенія—въ духѣ религіи и фразерства противъ вольнодумства—вызывали тайныя противоположныя стремленія, во имя науки и образованности; подавленіе силы ума возбуждало протестъ противъ насилія надъ его правами; преслѣдованіе небывалыхъ затѣй возмущенія политическаго вызывало отпоръ противъ нелѣпаго отожествленія религіи и политики. «Не западныя идеи возмущали образованное общество, а Аракчеевы, Магницкіе и имъ подобные, оскорблявшіе здравый смыслъ и нравственное чувство», справедливо замѣчаетъ одинъ изъ русскихъ писателей. Злостныя, невѣжественныя и безнравственныя выходки Магницкаго противъ науки возмущали всѣхъ порядочныхъ людей и особенно бывшаго его пріятеля М. М. Сперанскаго, который считалъ казанскаго попечителя «государственнымъ злодѣемъ» и содѣйствовалъ его паденію.

По проэктамъ Магницкаго и друзей его нельзя дѣлать ложныя заключенія, будто государь до такой степени измѣнилъ прежнее свое воззрѣніе на воспитаніе, что былъ согласенъ съ ними во всѣхъ ихъ преслѣдованіяхъ духа тьмы, лжеученія и мятежа страстей. Нѣтъ, онъ до конца жизни относился съ уваженіемъ къ образованію и держался крѣпко съ дѣтства усвоенныхъ имъ убѣжденій, только способъ воспитанія и форма у него приняли другія черты. А. С. Шишковъ пишетъ: «Возмущенія за границей и пребыванія государя въ Австріи во многомъ перемѣнили образъ его мыслей: онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи подъ именемъ высокихъ таинствъ, разрушившей всѣ связи обществъ, и о другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ.... Но привязанность его или какъ бы нѣкая страсть къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что казалось онъ, самъ съ собою борясь, увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями». Онъ соглашался на мои мѣры, но разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ. Если бы Александръ I-й имѣлъ возможность провѣрить, къ чему ведетъ усердное преподаваніе, направляемое самозванными апостолами, скрывающими личныя цѣли подъ покровомъ религіи, онъ отвернулся бы отъ нихъ съ глубокимъ омерзеніемъ. Государь всю жизнь стремился къ просвѣщенію народа и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ отличался искренностью и задушевностью. Нельзя винить его, когда онъ видѣлъ на бумагѣ прекрасные плоды новой ре-

лигіозной системы, быстро возросшіе подъ искуснымъ и фразистымъ перомъ Магницкаго. Но какое бы потрясающее впечатлѣніе произвело на нѣжное сердце богобоязненнаго императора, если бы онъ зналъ о богохульствѣ на лекціяхъ казанскаго университета, происходившемъ отъ усердія быть благочестивымъ преподавателемъ по инструкціи. Тамъ профессоръ математики Никольскій, боясь лишиться мѣста, по примѣру Солнцева, каждое положеніе студентамъ высказывалъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и говорилъ примѣрно такъ: «вотъ два равные тріугольника, наложимъ ихъ одинъ на другой; если Господу Богу будетъ угодно, они непремѣнно будутъ равны между собою». Къ общей потѣхѣ студентовъ, Никольскій всю математику переложилъ на богословскій нравоучительный языкъ. По его остроумному объясненію, «гипотенуза въ прямоугольномъ тріугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ». Профессоровъ, нежелавшихъ унижать науки и подрывать уваженія къ церкви низкимъ потворствомъ властямъ, обвиняли и судили за распространеніе разрушительныхъ идей для общественнаго порядка и благосостоянія (46).

Аракчеевъ, архимандритъ Фотій, Магницкій и Рунічъ своими темными дѣяніями не способны, однако, затмить блестящія личности Сперанскаго, Карамзина, Мордвинова и другихъ. Усилія первыхъ принесли временное зло и служили подрыву уваженія къ правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ; за то дѣятельность благородныхъ умовъ прибавила нѣсколько ступеней въ развитіи послѣдующихъ поколѣній, приложила значительную долю богатства къ умственному капиталу нашихъ предковъ. Мы, близкіе наслѣдники этой черновой работы на пользу науки и воспитанія юношества, почтимъ благодарной памятью ихъ труды надъ созиданіемъ русскаго образованія, особенно прославимъ стоящаго въ главѣ ихъ государя. За многія знаменитыя дѣянія современники назвали Александра I-го *Благословеннымъ*,—да будетъ же благословенна память этого высокаго и постояннаго покровителя образованія Россіи и въ отдаленномъ потомствѣ!

Н. Аристовъ.

лигіозной системы, быстро возросшіе подъ искуснымъ и фразистымъ перомъ Магницкаго. Но какое бы потрясающее впечатлѣніе произвело на нѣжное сердце богобоязненнаго императора, если бы онъ зналъ о богохульствѣ на лекціяхъ казанскаго университета, происходившемъ отъ усердія быть благочестивымъ преподавателемъ по инструкціи. Тамъ профессоръ математики Никольскій, боясь лишиться мѣста, по примѣру Солнцева, каждое положеніе студентамъ высказывалъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и говорилъ примѣрно такъ: «вотъ два равные тріугольника, наложимъ ихъ одинъ на другой; если Господу Богу будетъ угодно, они непремѣнно будутъ равны между собою». Къ общей потѣхѣ студентовъ, Никольскій всю математику переложилъ на богословскій нравоучительный языкъ. По его остроумному объясненію, «гипотенуза въ прямоугольномъ тріугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ». Профессоровъ, нежелавшихъ унижать науки и подрывать уваженія къ церкви низкимъ потворствомъ властямъ, обвиняли и судили за распространеніе разрушительныхъ идей для общественнаго порядка и благосостоянія (46).

Аракчеевъ, архимандритъ Фотій, Магницкій и Рунічъ своими темными дѣяніями не способны, однако, затмить блестящія личности Сперанскаго, Карамзина, Мордвинова и другихъ. Усилія первыхъ принесли временное зло и служили подрыву уваженія къ правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ; за то дѣятельность благородныхъ умовъ прибавила нѣсколько ступеней въ развитіи послѣдующихъ поколѣній, приложила значительную долю богатства къ умственному капиталу нашихъ предковъ. Мы, близкіе наслѣдники этой черновой работы на пользу науки и воспитанія юношества, почтимъ благодарной памятью ихъ труды надъ созиданіемъ русскаго образованія, особенно прославимъ стоящаго въ главѣ ихъ государя. За многія знаменитыя дѣянія современники назвали Александра I-го *Благословеннымъ*,—да будетъ же благословенна память этого высокаго и постояннаго покровителя образованія Россіи и въ отдаленномъ потомствѣ!

Н. Аристовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Матер. для біогр. Ломоносова. *Билярскаго.* 418 426 *и друг.*

(2) *Рус. Старина* 1877 г. № 12, *стр.* 581—2. 588—600. О космополитич. воспитаніи Александра I-го. *Рѣчь М. И. Сухомлинова.* (Прилож. къ 31 т. Запис. И. Акад. Н. № 2).

(3) *Полн. Собр. Зак.* № 20,769. Павелъ I-й скоро сослалъ въ ссылку президента рос. академіи, которую лишилъ денежныхъ средствъ, и отдалъ дома академіи въ другое вѣдомство. Александръ I-й возвратилъ президента изъ ссылки и приказалъ отпускать суммы на содержаніе академіи и далъ средства для постройки зданія *(Рѣчь Сухомлинова,* стр. 34).

(4) *Рус. Стар.* 1877 г. № 12, *стр.* 584. Въ 1803 г. начертанъ обширный планъ народнаго образованія и нашли необходимымъ „возобновить опустѣлую учительскую гимназію, удостовѣрившись долгимъ опытомъ, сколько существованіе оной было полезно". *П. Собр. Зак* № 20,769. Восторгъ литераторовъ, при восшествіи на престолъ Александра I-го означенъ въ *рѣчи Сухомлинова.*

(5) Уваженіе къ наставникамъ и къ мужамъ образованнымъ Александръ I-й наслѣдовалъ отъ своей бабки, дружившей съ философами и окружавшей будущаго императора достойными людьми. Лагарпъ и Муравьевъ внушали ему о благотворномъ вліяніи образованія и о свободѣ изслѣдованія. „Воспитаніе заблаговременно должно образовать нѣжные нравы юношества", говорилъ Муравьевъ. Изъ писемъ государя къ Лагарпу видно, съ какою любовью относился онъ къ своему учителю и какъ высоко цѣнилъ пріобрѣтенныя имъ познанія и плоды воспитанія. Александръ I-й писалъ Лагарпу, что онъ обязанъ ему всѣмъ, кромѣ рожденія: „Ничто въ мірѣ не могло поколебать моей неизмѣнной привязанности къ вамъ и всей моей признательности за ваши заботы обо-мнѣ, за познанія, которыми я вамъ обязанъ, за тѣ принципы, которые вы мнѣ внушили и въ истинѣ коихъ я имѣлъ столь часто случай убѣдиться". *(Др. и Нов. Рос. 1877. XII, 388).*

Самую горячую любовь сохранилъ онъ къ своему воспитателю Лагарпу и въ бытность свою въ Парижѣ, послѣ славныхъ побѣдъ надъ французами, посѣтилъ вдову своего наставника, долго бесѣдовалъ съ ней о покойномъ ея мужѣ и съ благодарностью воспоминалъ о его заботахъ въ отношеніи себя. *(Рус. Стар. 1877 г. XII, 608).*

Напротивъ Александръ терпѣть не могъ тѣхъ невѣжественныхъ и пошлыхъ придворныхъ, которые безъ заслугъ и образованія добивались внѣшнихъ отличій при Екатеринѣ II-й. „Придворная жизнь не для меня создана, писалъ онъ Кочубею; я

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Матер. для біогр. Ломоносова. *Билярскаго.* 418 426 *и друг.*

(2) *Рус. Старина* 1877 г. № 12, *стр.* 581—2. 588—600. О космополитич. воспитаніи Александра I-го. *Рѣчь М. И. Сухомлинова.* (Прилож. къ 31 т. Запис. И. Акад. Н. № 2).

(3) *Полн. Собр. Зак.* № 20,769. Павелъ I-й скоро сослалъ въ ссылку президента рос. академіи, которую лишилъ денежныхъ средствъ, и отдалъ дома академіи въ другое вѣдомство. Александръ I-й возвратилъ президента изъ ссылки и приказалъ отпускать суммы на содержаніе академіи и далъ средства для постройки зданія *(Рѣчь Сухомлинова,* стр. 34).

(4) *Рус. Стар.* 1877 г. № 12, *стр.* 584. Въ 1803 г. начертанъ обширный планъ народнаго образованія и нашли необходимымъ „возобновить опустѣлую учительскую гимназію, удостовѣрившись долгимъ опытомъ, сколько существованіе оной было полезно". *П. Собр. Зак* № 20,769. Восторгъ литераторовъ, при восшествіи на престолъ Александра I-го означенъ въ *рѣчи Сухомлинова.*

(5) Уваженіе къ наставникамъ и къ мужамъ образованнымъ Александръ I-й наслѣдовалъ отъ своей бабки, дружившей съ философами и окружавшей будущаго императора достойными людьми. Лагарпъ и Муравьевъ внушали ему о благотворномъ вліяніи образованія и о свободѣ изслѣдованія. „Воспитаніе заблаговременно должно образовать нѣжные нравы юношества", говорилъ Муравьевъ. Изъ писемъ государя къ Лагарпу видно, съ какою любовью относился онъ къ своему учителю и какъ высоко цѣнилъ пріобрѣтенныя имъ познанія и плоды воспитанія. Александръ I-й писалъ Лагарпу, что онъ обязанъ ему всѣмъ, кромѣ рожденія: „Ничто въ мірѣ не могло поколебать моей неизмѣнной привязанности къ вамъ и всей моей признательности за ваши заботы обо-мнѣ, за познанія, которыми я вамъ обязанъ, за тѣ принципы, которые вы мнѣ внушили и въ истинѣ коихъ я имѣлъ столь часто случай убѣдиться". *(Др. и Нов. Рос. 1877. XII, 388).*

Самую горячую любовь сохранилъ онъ къ своему воспитателю Лагарпу и въ бытность свою въ Парижѣ, послѣ славныхъ побѣдъ надъ французами, посѣтилъ вдову своего наставника, долго бесѣдовалъ съ ней о покойномъ ея мужѣ и съ благодарностью воспоминалъ о его заботахъ въ отношеніи себя. *(Рус. Стар. 1877 г. XII, 608).*

Напротивъ Александръ терпѣть не могъ тѣхъ невѣжественныхъ и пошлыхъ придворныхъ, которые безъ заслугъ и образованія добивались внѣшнихъ отличій при Екатеринѣ II-й. „Придворная жизнь не для меня создана, писалъ онъ Кочубею; я

всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену,—и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, нестоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимаютъ высшія мѣста". (*Древ. и Нов. Рос.* 1877 г. XII. 291). Первыя недѣли царствованія Александра I-го (*Рус. Архивъ* 1874 г кн 2). *Письма Александра I-го къ кн. Васильчикову.* (*Рус. Арх.* 1875 г. кн. 1).

(6) *П. С. Зак.* №№ 20,406. 20,407. *Сент.* 8. 1802 г.

(7) *Тамъ же* № 30,598. *Янв.* 24 *дня* 1803 г.

(8) Тамъ же № 20,597.

(9) Тамъ же № 20,551. № 20,701.

(10) Тамъ же № 20,597 и друг.

(11) Тамъ же № 20,666. Казанс. Извѣстія 1817 г. № 61.

(12) Общеобразовательныя училища открыты въ Тулѣ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Твери, 3 училища въ Петербургѣ, распространенъ кругъ ученія въ кіевской гимназіи, открыто Неплюевское училище въ Оренбургѣ, а въ Петербургѣ учреждено 1822 г. училище для бѣдныхъ дѣтей по методѣ взаимнаго обученія Гердомъ—и отпускалось на содержаніе его изъ казны 10,000 р. ежегодно. (*П. Собр. Зак. №№ 24,813. 27,639. 29,211*). Объ—основаніи петербургскаго университета. (*Тамъ же* № 27,675).

(13) Въ царствованіе Александра открыты институты женскіе въ Петербургѣ Маріинскій, въ Твери и на Волыни, много женскихъ училищъ и военносиротское заведеніе. Въ послѣднемъ учили солдатскихъ дочерей грамотѣ, ариѳметикѣ и рукодѣлью и пристроивали къ мѣстамъ по выходѣ изъ училища. Въ 1824 г. государь говорилъ: „Женскія учебныя заведенія, основанныя вдовствующей императрицей, весьма много способствовали исправленію нравовъ и принесли громадную пользу всѣмъ классамъ петербургскаго общества". *Русс. Архивъ 1877 г. XII, 623. 628.* См. Похвал. Слово имп. Маріѣ Ѳедор." *Карамзина. 1825 г.* Домъ трудолюбія учрежденъ для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ свободнаго состоянія, чтобы со временемъ могли содержать себя трудами. *Сбор. Постан.* № 612, с. 1802.

(14) *П. С. Закон.* № 20,975. Планъ военнаго воспитанія въ *Сборн. распоряженій по Министр. Народн. Просв.* 1875 г. № 81. *стр.* 401.

(15) Въ *1804 г.* „великій недостатокъ въ учебныхъ заведеніяхъ не только въ Одессѣ, но и во всемъ тамошнемъ краѣ" заставилъ открыть гимназію коммерческихъ наукъ и присоединить къ ней уѣздное и приходское училища. (*П. С. Зак.* № 21,266).

(16) Школы ветеринарныя, восточныхъ языковъ, училища кораблестроенія и мореплаванія, лѣсныя училища. *Указатель къ Пол. Собр. Зак. подъ сл.* „училища". Горныя школы. *П. Собр. Зак.* №№ 20,145. 22,209. 23,894. Школы для приготовленія писцовъ и канцелярскихъ служителей. *Тамъ же,* №№ 19,335. 29,517. Для распространенія техническихъ знаній, поручено академіи наукъ извлекать изъ иностранныхъ сочиненій свѣдѣнія о ремеслахъ, художествахъ и землѣдѣліи (1802 г.). Въ 1804 г. велѣно обучать безденежно бѣдныхъ и сиротъ ремесламъ на Александровской мануфактурѣ, а также учредить школы для бѣдныхъ и сиротъ во всѣхъ городахъ. Въ 1810 г. открытъ институтъ для слѣпыхъ. *П. Соб. Зак.* № 26,135.

всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену,—и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, нестоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимаютъ высшія мѣста". (*Древ. и Нов. Рос.* 1877 г. XII. 291). Первыя недѣли царствованія Александра I-го (*Рус. Архивъ* 1874 г кн 2). *Письма Александра I-го къ кн. Васильчикову.* (*Рус. Арх.* 1875 г. кн. 1).

(6) *П. С. Зак.* №№ 20,406. 20,407. *Сент.* 8. 1802 г.

(7) *Тамъ же* № 30,598. *Янв.* 24 *дня* 1803 г.

(8) Тамъ же № 20,597.

(9) Тамъ же № 20,551. № 20,701.

(10) Тамъ же № 20,597 и друг.

(11) Тамъ же № 20,666. Казанс. Извѣстія 1817 г. № 61.

(12) Общеобразовательныя училища открыты въ Тулѣ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Твери, 3 училища въ Петербургѣ, распространенъ кругъ ученія въ кіевской гимназіи, открыто Неплюевское училище въ Оренбургѣ, а въ Петербургѣ учреждено 1822 г. училище для бѣдныхъ дѣтей по методѣ взаимнаго обученія Гердомъ—и отпускалось на содержаніе его изъ казны 10,000 р. ежегодно. (*П. Собр. Зак. №№ 24,813. 27,639. 29,211*). Объ—основаніи петербургскаго университета. (*Тамъ же* № 27,675).

(13) Въ царствованіе Александра открыты институты женскіе въ Петербургѣ Маріинскій, въ Твери и на Волыни, много женскихъ училищъ и военносиротское заведеніе. Въ послѣднемъ учили солдатскихъ дочерей грамотѣ, ариѳметикѣ и рукодѣлью и пристроивали къ мѣстамъ по выходѣ изъ училища. Въ 1824 г. государь говорилъ: „Женскія учебныя заведенія, основанныя вдовствующей императрицей, весьма много способствовали исправленію нравовъ и принесли громадную пользу всѣмъ классамъ петербургскаго общества". *Русс. Архивъ 1877 г. XII, 623. 628.* См. Похвал. Слово имп. Маріѣ Ѳедор." *Карамзина. 1825 г.* Домъ трудолюбія учрежденъ для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ свободнаго состоянія, чтобы со временемъ могли содержать себя трудами. *Сбор. Постан.* № 612, с. 1802.

(14) *П. С. Закон.* № 20,975. Планъ военнаго воспитанія въ *Сборн. распоряженій по Министр. Народн. Просв.* 1875 г. № 81. *стр.* 401.

(15) Въ *1804 г.* „великій недостатокъ въ учебныхъ заведеніяхъ не только въ Одессѣ, но и во всемъ тамошнемъ краѣ" заставилъ открыть гимназію коммерческихъ наукъ и присоединить къ ней уѣздное и приходское училища. (*П. С. Зак.* № 21,266).

(16) Школы ветеринарныя, восточныхъ языковъ, училища кораблестроенія и мореплаванія, лѣсныя училища. *Указатель къ Пол. Собр. Зак. подъ сл.* „училища". Горныя школы. *П. Собр. Зак.* №№ 20,145. 22,209. 23,894. Школы для приготовленія писцовъ и канцелярскихъ служителей. *Тамъ же,* №№ 19,335. 29,517. Для распространенія техническихъ знаній, поручено академіи наукъ извлекать изъ иностранныхъ сочиненій свѣдѣнія о ремеслахъ, художествахъ и землѣдѣліи (1802 г.). Въ 1804 г. велѣно обучать безденежно бѣдныхъ и сиротъ ремесламъ на Александровской мануфактурѣ, а также учредить школы для бѣдныхъ и сиротъ во всѣхъ городахъ. Въ 1810 г. открытъ институтъ для слѣпыхъ. *П. Соб. Зак.* № 26,135.

Къ концу царствованія Александра I-го, образованіе приняло характеръ благотворительности; наприм. желали устроить при разныхъ приказахъ обществ. призрѣнія воспитанниковъ въ особыя отдѣленія для приготовленія канцелярскихъ служителей, „для доставленія имъ способовъ, при нѣкоторомъ образованіи, снискать средства къ основанію благосостоянія своего". Выслуженныхъ писцовъ производить велѣно въ оберъ-офицерскіе чины. (*Тамъ же* № 29,517). Въ 1822 г. Рунчъ нашелъ полезнымъ и нужнымъ обращать бѣдныхъ дѣтей воспитательнаго дома въ наставники и профессоры, чтобы не отвлекать учениковъ семинарій отъ духовнаго званія, а убогимъ сиротамъ доставить хлѣбъ насущный. (*Сборн. Постан.* № 525, *стр.* 1638).

(17) Учрежденіе коммиссіи духовныхъ учебныхъ заведеній, штаты академій, семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. *П. Собр. Зак.* №№ 23,122. 23,124, 25,673. 25,674 и два слѣдующіе. Преимущества духовныхъ воспитанниковъ. № 28,413. „Основныя начала духовно-училищной реформы въ царств. Александра I-го" *П. В. Знаменскаго.* Правосл. Собесѣдн. 1878 г. № 1, стр. 3—42.

(18) Главный педагогическій институтъ 1816 г. *Пол. Соб. Зак.* № 26,573. Инженерный институтъ. *Указатель къ Полн. Собр. Зак.* т. I, стр. 784—8. Училище правовѣдѣнія. *П. Соб. Зак.* № 21,860.

Громадныя суммы отпускало правительство для устройства университетскихъ и училищныхъ зданій въ разное время. Изъ нихъ отмѣтимъ слѣдующіе случаи: въ 1804 г. на дерптскій округъ прибавлено 37,000 р. ассиг. и 300 р. сер., въ 1806 г. предположено выдавать постепенно 23,182 рейхсталера, 30 марокъ и 153,466 р. 44 к. Для покупки дома казанской гимназіи 24,000 р., для тульской гимназіи дополнительныхъ 14,000 р., для владимірской—30,000 р. (*Сборникъ постановл. по Мин. Нар. Просв.* №№ 101. 104. 111. 113. 117: 119).

Въ 1810 г. выдано 24,000 р. на училища московской губ. для приведенія ихъ въ лучшее состояніе.

Въ 1816 г. прибавлено на педагогическій институтъ болѣе 33,000 р. (*П. Собр. Зак.* №№ 24,458. 26,200). Въ 1817 г. ассигновано полмилліона рублей на московскій университетъ, на устройство типографіи 228,000 р. и на московскія гимназіи 135,000 р. (*Тамъ же.* №№ 26,638. 26,739. *Сборн. Постановл.* № 497, *стр.* 1575).

Въ 1819 г. на петербургскія училища дана 21,000 р. и полмилліона на устройство харьковскаго университета (*П. Собр. Зак.* №№ 27,629. 27,675). Въ 1823 г. на петербургскій университетъ и училища отпущено болѣе милліона руб. да на устройство клиникъ при университетахъ около 90,000 р. (*Тамъ же* № 29,473. *Сборн. Постан.* № 594, *стр.* 1764).

(20) Для усиленія средствъ занятій въ университетахъ правительство сдѣлало слѣдующія распоряженія:

Въ *1803 г.* о заведеніи минералогическихъ кабинетовъ при университетахъ. (*П. С. Зак. № 20,677*).

Въ *1705 г.* минералогическій кабинетъ купленъ у доктора Крейтона для педагогическаго института за 7000 руб. (*Сборн. Постан. I, № 96, стр. 436*).

Къ концу царствованія Александра I-го, образованіе приняло характеръ благотворительности; наприм. желали устроить при разныхъ приказахъ обществ. призрѣнія воспитанниковъ въ особыя отдѣленія для приготовленія канцелярскихъ служителей, „для доставленія имъ способовъ, при нѣкоторомъ образованіи, снискать средства къ основанію благосостоянія своего". Выслуженныхъ писцовъ производить велѣно въ оберъ-офицерскіе чины. *(Тамъ же* № 29,517). Въ 1822 г. Рунчъ нашелъ полезнымъ и нужнымъ обращать бѣдныхъ дѣтей воспитательнаго дома въ наставники и профессоры, чтобы не отвлекать учениковъ семинарій отъ духовнаго званія, а убогимъ сиротамъ доставить хлѣбъ насущный. *(Сборн. Постан.* № 525, *стр.* 1638).

(17) Учрежденіе коммиссіи духовныхъ учебныхъ заведеній, штаты академій, семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. *П. Собр. Зак.* №№ 23,122. 23,124, 25,673. 25,674 и два слѣдующіе. Преимущества духовныхъ воспитанниковъ. № 28,413. „Основныя начала духовно-училищной реформы въ царств. Александра I-го" *П. В. Знаменскаго.* Правосл. Собесѣдн. 1878 г. № 1, стр. 3—42.

(18) Главный педагогическій институтъ 1816 г. *Пол. Соб. Зак.* № 26,573. Инженерный институтъ. *Указатель къ Полн. Собр. Зак.* т. I, стр. 784—8. Училище правовѣдѣнія. *П. Соб. Зак.* № 21,860.

Громадныя суммы отпускало правительство для устройства университетскихъ и училищныхъ зданій въ разное время. Изъ нихъ отмѣтимъ слѣдующіе случаи: въ 1804 г. на дерптскій округъ прибавлено 37,000 р. ассиг. и 300 р. сер., въ 1806 г. предположено выдавать постепенно 23,182 рейхсталера, 30 марокъ и 153,466 р. 44 к. Для покупки дома казанской гимназіи 24,000 р., для тульской гимназіи дополнительныхъ 14,000 р., для владимірской—30,000 р. *(Сборникъ постановл. по Мин. Нар. Просв.* №№ 101. 104. 111. 113. 117: 119).

Въ 1810 г. выдано 24,000 р. на училища московской губ. для приведенія ихъ въ лучшее состояніе.

Въ 1816 г. прибавлено на педагогическій институтъ болѣе 33,000 р. *(П. Собр. Зак.* №№ 24,458. 26,200). Въ 1817 г. ассигновано полмилліона рублей на московскій университетъ, на устройство типографіи 228,000 р. и на московскія гимназіи 135,000 р. *(Тамъ же.* №№ 26,638. 26,739. *Сборн. Постановл.* № 497, *стр.* 1575).

Въ 1819 г. на петербургскія училища дана 21,000 р. и полмилліона на устройство харьковскаго университета *(П. Собр. Зак.* №№ 27,629. 27,675). Въ 1823 г. на петербургскій университетъ и училища отпущено болѣе милліона руб. да на устройство клиникъ при университетахъ около 90,000 р. *(Тамъ же* № 29,473. *Сборн. Постан.* № 594, *стр.* 1764).

(20) Для усиленія средствъ занятій въ университетахъ правительство сдѣлало слѣдующія распоряженія:

Въ *1803 г.* о заведеніи минералогическихъ кабинетовъ при университетахъ. *(П. С. Зак. № 20,677).*

Въ *1705 г.* минералогическій кабинетъ купленъ у доктора Крейтона для педагогическаго института за 7000 руб. *(Сборн. Постан. I, № 96, стр. 436).*

Въ *1808 г.* библіотека медика Франка куплена для казанскаго университета за 20 тыс. рубл. Московскому обществу испытателей природы дано 5,000 р. для составленія описанія московской губ. Для московскаго университета пріобрѣтена библіотека доктора Гуна за 4000 р. Въ 1809 г. купленъ у доктора Раднига минералогическій кабинетъ для петербургской гимназіи за 20,000 р. Въ 1818 г. купленъ анатомическій кабинетъ Лодера для московскаго университета за 125,000 руб. (*Сборникъ Постановл. I,* №№ 149, 150, 164, 384).

Въ 1822 г. купленъ минералогическій кабинетъ Свистунова для казанскаго университета за 30 тыс. руб. (*Сборн. Постановл. I,* № 526, *стр.* 1642).

1823 г. собраніе медалей и монетъ пріобрѣтено у гр. Сухтелена для академіи наукъ за 50 тыс. руб. *Тамъ же* № 568, *ст.* 1723.

1823 г. минералогическій кабинетъ купленъ у доктора Либотица для одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній за 24 тыс. руб. (*Тамъ же* № 570, *стр.* 1726).

1825 г. велѣно ежегодно производить спб. минералогич. обществу по 5000 р. (*П. С. З. № 30,310*).

(21) Воззваніе о пожертвованіяхъ сдѣлано въ 1803 г. янв. 24. (*П. Собр. Зак.* № 20,785. *Сборн. Постановл.* I, № 22, стр. 73—74) Въ мартѣ того же года Демидовъ писалъ министру народнаго просвѣщенія: „Внутреннее удовольствіе, съ какимъ читалъ я новый планъ всеобщаго просвѣщенія въ Россіи, столь необходимаго для благоденствія и славы народовъ, произвелъ во мнѣ искреннее желаніе быть участникомъ въ семъ великомъ намѣреніи... Не тщеславіе, а единое усердіе ко благу общему есть пружиною сего приношенія моего въ пользу учащихся". Въ 1812 г. московскій университетъ, пострадавшій отъ нашествія французовъ, писалъ о своихъ бѣдствіяхъ и справедливо добавилъ: „Жертва ученому мѣсту есть также жертва отечеству, ибо отечество и государь признали просвѣщеніе главнѣйшею основою общаго блага". *Казанскія Извѣстія* 1813 г. № 33.

(22) *П. С. Закон.* №№ 20,775. 22,979. Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ. *Тамъ же* №№ 21,854. 22,248.

Въ 1803 г. сумма, состоящая изъ 96,000 польскихъ злотыхъ, принадлежала Тринитарамъ и назначена была на искупленіе изъ неволи; но обращена потомъ на заведеніе и содержаніе училищъ югозападной Руси. Въ 1804 г. Земля донскаго войска приняла на свое иждивеніе 30 воспитанниковъ гимназіи. (*П. Собр. Зак.* №№ 21,089 21,278).

Въ 1804 г. армянинъ Агабабовъ назначенные его умершими братьями 30,000 р. на богоугодныя заведенія употребилъ на астраханское училище, присоединивъ къ нимъ отъ себя 20,000 р. Въ 1805 г. дворянство и духовенство волынской губ. пожертвовало 194,000 р. для гимназіи; графъ Брапицкій далъ 196,000 злотыхъ. Въ 1806 г. кіевское дворянство собрало для гимназіи 500,000 р. (*П. Собр. Зак.* №№ 21,582. 21,849. 28,374. 22,407).

Въ 1809 г. графиня Платеръ пожертвовала въ пользу волынской гимназіи 150,000 злотыхъ. Въ 1811 г. нѣжинскіе греки открыли училище Александровское на свои средства. Въ 1812 г. майоръ Скорняковъ пожертвовалъ 15,000 р. на екатеринославскую гимназію, а секретарь Бородавка 46,000 р. въ 1819 г. (*П. Собр. Зак.* №№ 24,074. 24,847. 25,265. 28,007).

Въ *1808 г.* библіотека медика Франка куплена для казанскаго университета за 20 тыс. рубл. Московскому обществу испытателей природы дано 5,000 р. для составленія описанія московской губ. Для московскаго университета пріобрѣтена библіотека доктора Гуна за 4000 р. Въ 1809 г. купленъ у доктора Раднига минералогическій кабинетъ для петербургской гимназіи за 20,000 р. Въ 1818 г. купленъ анатомическій кабинетъ Лодера для московскаго университета за 125,000 руб. *(Сборникъ Постановл. I,* №№ 149, 150, 164, 384).

Въ 1822 г. купленъ минералогическій кабинетъ Свистунова для казанскаго университета за 30 тыс. руб. (*Сборн. Постановл. I,* № 526, *стр.* 1642).

1823 г. собраніе медалей и монетъ пріобрѣтено у гр. Сухтелена для академіи наукъ за 50 тыс. руб. *Тамъ же* № 568, *ст.* 1723.

1823 г. минералогическій кабинетъ купленъ у доктора Либотица для одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній за 24 тыс. руб. (*Тамъ же* № 570, *стр.* 1726).

1825 г. велѣно ежегодно производить спб. минералогич. обществу по 5000 р. *(П. С. З. № 30,310).*

(21) Воззваніе о пожертвованіяхъ сдѣлано въ 1803 г. янв. 24. *(П. Собр. Зак.* № 20,785. *Сборн. Постановл.* I, № 22, стр. 73—74) Въ мартѣ того же года Демидовъ писалъ министру народнаго просвѣщенія: „Внутреннее удовольствіе, съ какимъ читалъ я новый планъ всеобщаго просвѣщенія въ Россіи, столь необходимаго для благоденствія и славы народовъ, произвелъ во мнѣ искреннее желаніе быть участникомъ въ семъ великомъ намѣреніи... Не тщеславіе, а единое усердіе ко благу общему есть пружиною сего приношенія моего въ пользу учащихся". Въ 1812 г. московскій университетъ, пострадавшій отъ нашествія французовъ, писалъ о своихъ бѣдствіяхъ и справедливо добавилъ: „Жертва ученому мѣсту есть также жертва отечеству, ибо отечество и государь признали просвѣщеніе главнѣйшею основою общаго блага". *Казанскія Извѣстія* 1813 г. № 33.

(22) *П. С. Закон.* №№ 20,775. 22,979. Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ. *Тамъ же* №№ 21,854. 22,248.

Въ 1803 г. сумма, состоящая изъ 96,000 польскихъ злотыхъ, принадлежала Тринитарамъ и назначена была на искупленіе изъ неволи; но обращена потомъ на заведеніе и содержаніе училищъ югозападной Руси. Въ 1804 г. Земля донскаго войска приняла на свое иждивеніе 30 воспитанниковъ гимназіи. *(П. Собр. Зак.* №№ 21,089 21,278).

Въ 1804 г. армянинъ Агабабовъ назначенные его умершими братьями 30,000 р. на богоугодныя заведенія употребилъ на астраханское училище, присоединивъ къ нимъ отъ себя 20,000 р. Въ 1805 г. дворянство и духовенство волынской губ. пожертвовало 194,000 р. для гимназіи; графъ Брапицкій далъ 196,000 злотыхъ. Въ 1806 г. кіевское дворянство собрало для гимназіи 500,000 р. (*П. Собр. Зак.* №№ 21,582. 21,849. 28,374. 22,407).

Въ 1809 г. графиня Платеръ пожертвовала въ пользу волынской гимназіи 150,000 злотыхъ. Въ 1811 г. нѣжинскіе греки открыли училище Александровское на свои средства. Въ 1812 г. майоръ Скорняковъ пожертвовалъ 15,000 р. на екатеринославскую гимназію, а секретарь Бородавка 46,000 р. въ 1819 г. (*П. Собр. Зак.* №№ 24,074. 24,847. 25,265. 28,007).

Въ *1816* г. графиня Безбородко пожертвовала 50,000 р. на образованіе дѣтей военныхъ раненыхъ или убитыхъ, „изъ суммы, предназначенной супругомъ ея въ пособіе родственникамъ его и на богоугодныя заведенія".

Въ *1817* г. Дюкъ де-Ришелье пожертвовалъ ежегоднаго обезпеченія для одесскаго лицея 3,260 талеровъ съ своей аренды, да 100 тыс. Штиглицъ.

Въ 1823 г. дворянство подольской губ. дало на гимназію 65,000 р. Въ 1824 г. открыта въ Петербургѣ Строгановыми школа мастеровыхъ, а въ Москвѣ—школа рисовальная. Въ 1825 г. Лазаревы пожертвовали для института восточныхъ языковъ 300,000 р. и построили домъ. (*П. Собр. Зак.* №№ 26,363. 26,827. 29,331. 29,842. 30,309. 30,134. 30,449. 30,403).

(23) Высочайшіе рескрипты и благоволенія за пожертвованія московскому купечеству, Алымову, Сестренцевичу и другимъ (*Сборн. Постановл. I*, №№ 40. 184. 186. 410). Священника села Ягоднаго, около Казани, построившаго домъ и учредившаго народную школу, государь приказалъ наградить наперстнымъ крестомъ; Кусовникову за пожертвованіе 50,000 р. дали орденъ св. Анны 2-й степени; Кушелевъ-Безбородко пожалованъ камергеромъ и проч. (*Сборн. Постан. I*, №№ 114. 118. *П. Собр. Зак.* № 28,226).

(24) *П. Собр. Зак.* № 26,077. *Постановл. по Министр. Н. Пр. I*, № 311. *стр.* 886.

(25) *П. Собр. Зак.* №№ 20,862. 28,489. Въ 1805 г. 1809 г. 1811 г. 1818 г. вышли распоряженія о пенсіяхъ, обезпеченіи семействъ наставниковъ юношества и о чинахъ (*П. Собр. Зак.* №№ 21,902. 23,689. 24,483. 24,574. 24,595. 27,375. 27,429. 27,606). Въ 1817 г. министерство сильно жаловалось, что нейдутъ въ преподаватели по скудости средствъ содержанія и заботилось объ—улучшеніи быта учителей (*Тамъ же* №№ 26,591. 26,925. 27,108). Въ 1816 г. велѣно давать прогоны смотрителямъ и учителямъ, при переводѣ ихъ съ одного мѣста на другое (*Тамъ же*, № 26,126).

(26) Въ 1806 г. дарована свобода дворовому человѣку, женившемуся на воспитанницѣ смольнаго института мѣщанскаго отдѣленія. Въ 1811 г. велѣно исключать изъ податнаго состоянія молодыхъ людей, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ. Въ 1812 г. дозволено утверждать по учебной части и исключать изъ окладовъ „вольноотпущенныхъ и уволенныхъ обществами, отличившихся талантами и знаніемъ наукъ или изящныхъ искусствъ". Въ 1815 г. разрѣшено принимать въ медико-хирургическую академію питомцевъ изъ податныхъ людей; а по ветеринарной части въ 1819 г. изъ несвободнаго состоянія. Въ томъ же году дозволено принимать на медицинскіе факультеты университетовъ лицъ изъ податнаго состоянія (*П. Собр. Зак.* №№ 22,004. 24,864. 24,951. 25,864. 27,703. 28,008).

(27) *Постан. и распор. по Мин.* I, № 306, стр. 881. П. С. Закон. № 30,309. Въ 1804 г. евреямъ дозволено заводить свои училища или поступать въ русскія: „всѣ дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей во всѣхъ россійскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ". (*Постановл. по Министр. И. Пр.* I, № 67, стр. 371).

Въ *1816* г. графиня Безбородко пожертвовала 50,000 р. на образованіе дѣтей военныхъ раненыхъ или убитыхъ, „изъ суммы, предназначенной супругомъ ея въ пособіе родственникамъ его и на богоугодныя заведенія“.

Въ *1817* г. Дюкъ де-Ришелье пожертвовалъ ежегоднаго обезпеченія для одесскаго лицея 3,260 талеровъ съ своей аренды, да 100 тыс. Штиглицъ.

Въ 1823 г. дворянство подольской губ. дало на гимназію 65,000 р. Въ 1824 г. открыта въ Петербургѣ Строгановыми школа мастеровыхъ, а въ Москвѣ—школа рисовальная. Въ 1825 г. Лазаревы пожертвовали для института восточныхъ языковъ 300,000 р. и построили домъ. (*П. Собр. Зак.* №№ 26,363. 26,827. 29,331. 29,842. 30,309. 30,134. 30,449. 30,403).

(23) Высочайшіе рескрипты и благоволенія за пожертвованія московскому купечеству, Алымову, Сестренцевичу и другимъ (*Сборн. Постановл. I*, №№ 40. 184. 186. 410). Священника села Ягоднаго, около Казани, построившаго домъ и учредившаго народную школу, государь приказалъ наградить наперстнымъ крестомъ; Кусовникову за пожертвованіе 50,000 р. дали орденъ св. Анны 2-й степени; Кушелевъ-Безбородко пожалованъ камергеромъ и проч. (*Сборн. Постан. I*, №№ 114. 118. *П. Собр. Зак.* № 28,226).

(24) *П. Собр. Зак.* № 26,077. *Постановл. по Министр. Н. Пр. I*, № 311. *стр.* 886.

(25) *П. Собр. Зак.* №№ 20,862. 28,489. Въ 1805 г. 1809 г. 1811 г. 1818 г. вышли распоряженія о пенсіяхъ, обезпеченіи семействъ наставниковъ юношества и о чинахъ (*П. Собр. Зак.* №№ 21,902. 23,689. 24,483. 24,574. 24,595. 27,375. 27,429. 27,606). Въ 1817 г. министерство сильно жаловалось, что нейдутъ въ преподаватели по скудости средствъ содержанія и заботилось объ—улучшеніи быта учителей (*Тамъ же* №№ 26,591. 26,925. 27,108). Въ 1816 г. велѣно давать прогоны смотрителямъ и учителямъ, при переводѣ ихъ съ одного мѣста на другое (*Тамъ же*, № 26,126).

(26) Въ 1806 г. дарована свобода дворовому человѣку, женившемуся на воспитанницѣ смольнаго института мѣщанскаго отдѣленія. Въ 1811 г. велѣно исключать изъ податнаго состоянія молодыхъ людей, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ. Въ 1812 г. дозволено утверждать по учебной части и исключать изъ окладовъ „вольноотпущенныхъ и уволенныхъ обществами, отличившихся талантами и знаніемъ наукъ или изящныхъ искусствъ“. Въ 1815 г. разрѣшено принимать въ медико-хирургическую академію питомцевъ изъ податныхъ людей; а по ветеринарной части въ 1819 г. изъ несвободнаго состоянія. Въ томъ же году дозволено принимать на медицинскіе факультеты университетовъ лицъ изъ податнаго состоянія (*П. Собр. Зак.* №№ 22,004. 24,864. 24,951. 25,864. 27,703. 28,008).

(27) *Постан. и распор. по Мин.* I, № 306, стр. 881. П. С. Закон. № 30,309. Въ 1804 г. евреямъ дозволено заводить свои училища или поступать въ русскія: „всѣ дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей во всѣхъ россійскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ“. (*Постановл. по Министр. И. Пр.* I, № 67, стр. 371).

(28) Учащіеся пользовались большимъ покровительствомъ и получали средства для своего образованія. Въ 1808 г. состоялась посылка на три года за границу 12 студентовъ педагогическаго института, съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ имена извѣстныхъ ученыхъ профессоровъ: Кайданова, Галича, Плисова и Куницына. Содержанія имъ назначено 18,000 р. въ годъ. (*П. Собр. Зак.* № 23,035. *Сборн. Постан.* № 143, стр. 530). Въ 1816 г. іюня 9 велѣно послать въ Англію для изученія методы Ланкастера 4 или 5 человѣкъ. *Сборн. Пост. № 313, стр. 889.*

Далѣе состоялись слѣдующія распоряженія: 1814 г. увеличить число казенныхъ воспитанниковъ при харьковскомъ университетѣ; 1815 г. при гимназіяхъ содержать воспитанниковъ и приготовлять для заступленія учительскихъ мѣстъ. (*П. С. Зак.* №№ 25,728. 25,783).

Въ *1816 г. мая 16* попечитель просилъ о прибавкѣ жалованья студентамъ харьковскаго университета, такъ какъ въ послѣдніе мѣсяцы года, при всей экономіи, они имѣли только одинъ пустой борщъ. Одно состраданіе къ человѣчеству уже достаточно обратить вниманіе правительства на бѣдственное состояніе казенныхъ студентовъ. *Постан. № 310 стр. 885—6.*

Въ 1820 г. прибавлено на содержаніе казанскихъ студентовъ 5,500 р.; 1824 г. на студента казеннаго стали отпускать 500 р. вмѣсто 300. *Тамъ же.* № 600. П. Собр. Зак. № 28,254.

Въ 1816 г. царскосельскому пансіону при лицеѣ велѣно выдать безвозвратно 100,000 р. изъ сохранной казны, для содержанія на проценты 10 воспитанниковъ казенныхъ. *П. С. Закон. № 26,414.*

1816 г. изданы преимущества царскосельскаго лицея, наставниковъ и воспитанниковъ; *1817 г.* преимущества воспитанниковъ Ришельевскаго лицея; *1818 г.* преимущества пансіоновъ московскаго университета и главнаго педагогическаго института. *Тамъ же* №№ 26,562. 26,908. 27,268.

Забота объ—умноженіи количества казенныхъ воспитанниковъ постоянно видна въ указахъ правительства: 1817 г. увеличено число учителей 2-го разряда для нижнихъ училищъ; 1819 г. при гимназіяхъ, а 1823 г. при казанскомъ университетѣ прибавили казенныхъ питомцевъ по недостатку наставниковъ. (П. Собр. Зак. №№ 27,108. 27,959. 29,389. 29,470). О медаляхъ студентамъ и гимназистамъ (*П. Собр. Зак.* №№ 23,918. 25,666. 29,064. 30,539). О мундирахъ и чинахъ студентовъ (*Тамъ же.* №№ 27,286. 29,191).

(29). *П. Собр. Зак.* № 20,863. Уставъ рос. академіи 1818 г. мая 29. *Тамъ же,* № 27,380. О преобразованіи академіи наукъ и рос. академіи подробно изложено въ рѣчи *М. И. Сухомлинова. Стр.* 11—34.

(30) Извѣстія казанскаго общества 1814 г. Изъ отчета секретаря *Кондырева.* Въ 1804 г. открыто общество исторіи и древностей росс. при московскомъ университетѣ (*П. Собр. Зак.* №№ 21,335. 24,492). Въ 1806 г. медицинское общество въ Вильнѣ; 1807 г. „общество любителей отечеств. словесности въ Казани“ (*Тамъ же* №№ 25,583. 27,963); 1811 г. общество математиковъ и общество любителей рос. словесности въ Москвѣ (*Тамъ же* №№ 24,614. 24,698. 24,720).

(28) Учащіеся пользовались большимъ покровительствомъ и получали средства для своего образованія. Въ 1808 г. состоялась посылка на три года за границу 12 студентовъ педагогическаго института, съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ имена извѣстныхъ ученыхъ профессоровъ: Кайданова, Галича, Плисова и Куницына. Содержанія имъ назначено 18,000 р. въ годъ. (*П. Собр. Зак.* № 23,035. *Сборн. Постан.* № 143, стр. 530). Въ 1816 г. іюня 9 велѣно послать въ Англію для изученія методы Ланкастера 4 или 5 человѣкъ. *Сборн. Пост. № 313, стр. 889.*

Далѣе состоялись слѣдующія распоряженія: 1814 г. увеличить число казенныхъ воспитанниковъ при харьковскомъ университетѣ; 1815 г. при гимназіяхъ содержать воспитанниковъ и приготовлять для заступленія учительскихъ мѣстъ. (*П. С. Зак.* №№ 25,728. 25,783).

Въ *1816 г. мая 16* попечитель просилъ о прибавкѣ жалованья студентамъ харьковскаго университета, такъ какъ въ послѣдніе мѣсяцы года, при всей экономіи, они имѣли только одинъ пустой борщъ. Одно состраданіе къ человѣчеству уже достаточно обратить вниманіе правительства на бѣдственное состояніе казенныхъ студентовъ. *Постан. № 310 стр. 885—6.*

Въ 1820 г. прибавлено на содержаніе казанскихъ студентовъ 5,500 р.; 1824 г. на студента казеннаго стали отпускать 500 р. вмѣсто 300. *Тамъ же.* № 600. П. Собр. Зак. № 28,254.

Въ 1816 г. царскосельскому пансіону при лицеѣ велѣно выдать безвозвратно 100,000 р. изъ сохранной казны, для содержанія на проценты 10 воспитанниковъ казенныхъ. *П. С. Закон. № 26,414.*

1816 г. изданы преимущества царскосельскаго лицея, наставниковъ и воспитанниковъ; *1817 г.* преимущества воспитанниковъ Ришельевскаго лицея; *1818 г.* преимущества пансіоновъ московскаго университета и главнаго педагогическаго института. *Тамъ же* №№ 26,562. 26,908. 27,268.

Забота объ—умноженіи количества казенныхъ воспитанниковъ постоянно видна въ указахъ правительства: 1817 г. увеличено число учителей 2-го разряда для низшихъ училищъ; 1819 г. при гимназіяхъ, а 1823 г. при казанскомъ университетѣ прибавили казенныхъ питомцевъ по недостатку наставниковъ. (П. Собр. Зак. №№ 27,108. 27,959. 29,389. 29,470). О медаляхъ студентамъ и гимназистамъ (*П. Собр. Зак.* №№ 23,918. 25,666. 29,064. 30,539). О мундирахъ и чинахъ студентовъ (*Тамъ же.* №№ 27,286. 29,191).

(29). *П. Собр. Зак.* № 20,863. Уставъ рос. академіи 1818 г. мая 29. *Тамъ же,* № 27,380. О преобразованіи академіи наукъ и рос. академіи подробно изложено въ рѣчи *М. И. Сухомлинова. Стр.* 11—34.

(30) Извѣстія казанскаго общества 1814 г. Изъ отчета секретаря *Кондырева.* Въ 1804 г. открыто общество исторіи и древностей росс. при московскомъ университетѣ (*П. Собр. Зак.* №№ 21,335. 24,492). Въ 1806 г. медицинское общество въ Вильнѣ; 1807 г. „общество любителей отечеств. словесности въ Казани“ (*Тамъ же* №№ 25,583. 27,963); 1811 г. общество математиковъ и общество любителей рос. словесности въ Москвѣ (*Тамъ же* №№ 24,614. 24,698. 24,720).

Въ 1812 г. общество наукъ при харьковскомъ университетѣ изъ двухъ отдѣленій естественнаго и словеснаго; 1814 г. общество академической Муссы при дерптскомъ университетѣ (*П. С. Зак.* №№ 25,282. 25,615); 1816 г. курляндское общество словесности и художествъ; 1817 г. аренсбургское эстское общество (*Тамъ же* № 26,544. *Сборн. Постановл.* № 348, *стр.* 977). 1817 г. петербургское минералогическое общество; 1818 г. вольное общество любителей рос. словесности въ С.-петербургѣ (*П. С. Зак.* №№ 26,920. 27,233). 1819 г. фармацевтичес. общество петербургское и общество словесности въ г. Митавѣ (*Тамъ же* № 28,039. *Сборн. распоряж.* № 415, *стр.* 1214). Кромѣ того, для улучшенія бѣлорусскихъ училищъ предположено завести общества въ 1825 г. (*Тамъ же стр.* 1836).

О русскихъ обществахъ см. *Очерки общест. движенія при Александрѣ I-мъ. Пыпина. Вѣстн. Евр.* 1870 г. кн. 12. *Библейское общество. Его же. Вѣстн. Евр.* 1868 г. № 8—12. Изъ истор. литерат. и общест. развитія. *Пятковскаго* т. I. О Магницкомъ. О масонскихъ обществахъ см. *Рус. старина* 1878 г. II, 209—225.

(31) „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія" начали издавать при главномъ правленіи училищъ; Журналъ минист. внутр. дѣлъ велъ Сперанскій съ 1804 г. до конца 1809 г.

Съ *1805 г.* проявилась сильная забота объ открытіи спб. публичной библіотеки и увеличеніи средствъ для ея содержанія. (*П. С. Зак.* №№ 24,377. 24,433).

Въ 1805 г. П. П. Дубровскій пожертвовалъ партію драгоцѣнныхъ рукописей въ спб. публичную библіотеку и получилъ за то единовременно 15,000 р., пенсіи 3,000 р. жалованья въ годъ 1200 р. и орденъ св. Анны 2-й ст., а въ 1811 г. „единственно по важности пожертвованія на пользу отечества" удостоенъ чиномъ статскаго совѣтника, не въ примѣръ другимъ (*Рус. Арх.* 1878 г. VIII, 440). Въ *1816 г.* отдана царскосельскому лицею библіотека, находящаяся въ Александровскомъ дворцѣ. (*П. С. Зак.* № 26,540).

Въ 1820—1824 годахъ много хлопотали о сохраненіи древнихъ памятниковъ Тавриды и ассигновали немалыя суммы на описаніе и изданіе ихъ (*Тамъ же.* №№ 28,483. 29,105. *Сборн. постан.* I, стр. 1749. № 582).

(32) *Рус. Архивъ* 1877 г. XII, 406—410. *П. Собр. Зак.* № 22,476. Въ Ямбургѣ фабрикантъ Либъ занималъ часть духовнаго училища и просилъ, чтобы ему передали весь домъ для фабрики, но государь написалъ: „фабрикъ у меня много, а училищъ мало; училища доставляютъ достойныхъ церкви пастырей, а безъ фабрикъ можно обойтись". (*Рус. Стар.* 1878 г. авг. 569 въ прим.).

(33) Чацкій спрашивалъ Софью о разныхъ знакомыхъ и прибавилъ:

А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился,
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился? *(Горе отъ ума).*

Рѣчь Сухомлинова въ приложеніи къ 31 т. „Записокъ Акад. Наукъ", № 2, стр. 39—40. Экзамены на чины. *П. С. Зак.* № 23,771. Сословныя перебранки въ журналахъ того времени стоятъ большаго вниманія. Истребленіе книгъ симбирскимъ членомъ. „Общество любит. отеч. словесн". *Н. Попова. Рус. Вѣстн.* 1859 г. сент. Риомоплет-

Въ 1812 г. общество наукъ при харьковскомъ университетѣ изъ двухъ отдѣленій естественнаго и словеснаго; 1814 г. общество академической Муссы при дерптскомъ университетѣ (*П. С. Зак.* №№ 25,282. 25,615); 1816 г. курляндское общество словесности и художествъ; 1817 г. аренсбургское эстское общество (*Тамъ же* № 26,544. *Сборн. Постановл.* № 348, *стр.* 977). 1817 г. петербургское минералогическое общество; 1818 г. вольное общество любителей рос. словесности въ С.-петербургѣ (*П. С. Зак.* №№ 26,920. 27,233). 1819 г. фармацевтичес. общество петербургское и общество словесности въ г. Митавѣ (*Тамъ же* № 28,039. *Сборн. распоряж.* № 415, *стр.* 1214). Кромѣ того, для улучшенія бѣлорусскихъ училищъ предположено завести общества въ 1825 г. (*Тамъ же стр.* 1836).

О русскихъ обществахъ см. *Очерки общест. движенія при Александрѣ I-мъ. Пыпина. Вѣстн. Евр.* 1870 г. кн. 12. *Библейское общество. Его же. Вѣстн. Евр.* 1868 г. № 8—12. Изъ истор. литерат. и общест. развитія. *Пятковскаго* т. I. О Магницкомъ. О масонскихъ обществахъ см. *Рус. старина* 1878 г. II, 209—225.

(31) „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія" начали издавать при главномъ правленіи училищъ; Журналъ минист. внутр. дѣлъ велъ Сперанскій съ 1804 г. до конца 1809 г.

Съ *1805 г.* проявилась сильная забота объ открытіи спб. публичной библіотеки и увеличеніи средствъ для ея содержанія. (*П. С. Зак.* №№ 24,377. 24,433).

Въ 1805 г. П. П. Дубровскій пожертвовалъ партію драгоцѣнныхъ рукописей въ спб. публичную библіотеку и получилъ за то единовременно 15,000 р., пенсіи 3,000 р. жалованья въ годъ 1200 р. и орденъ св. Анны 2-й ст., а въ 1811 г. „единственно по важности пожертвованія на пользу отечества" удостоенъ чиномъ статскаго совѣтника, не въ примѣръ другимъ (*Рус. Арх.* 1878 г. VIII, 440). Въ *1816 г.* отдана царскосельскому лицею библіотека, находящаяся въ Александровскомъ дворцѣ. (*П. С. Зак.* № 26,540).

Въ 1820—1824 годахъ много хлопотали о сохраненіи древнихъ памятниковъ Тавриды и ассигновали немалыя суммы на описаніе и изданіе ихъ (*Тамъ же.* №№ 28,483. 29,105. *Сборн. постан.* I, стр. 1749. № 582).

(32) *Рус. Архивъ* 1877 г. XII, 406—410. *П. Собр. Зак.* № 22,476. Въ Ямбургѣ фабрикантъ Либъ занималъ часть духовнаго училища и просилъ, чтобы ему передали весь домъ для фабрики, но государь написалъ: „фабрикъ у меня много, а училищъ мало; училища доставляютъ достойныхъ церкви пастырей, а безъ фабрикъ можно обойтись". (*Рус. Стар.* 1878 г. авг. 569 въ прим.).

(33) Чацкій спрашивалъ Софью о разныхъ знакомыхъ и прибавилъ:

А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился,
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился? *(Горе отъ ума).*

Рѣчь Сухомлинова въ приложеніи къ 31 т. „Записокъ Акад. Наукъ", № 2, стр. 39—40. Экзамены на чины. *П. С. Зак.* № 23,771. Сословныя перебранки въ журналахъ того времени стоятъ большаго вниманія. Истребленіе книгъ симбирскимъ членомъ. „Общество любит. отеч. словесн". *Н. Попова. Рус. Вѣстн.* 1859 г. сент. Риомоплет-

ство и его слѣдствія. *Рус. Архивъ.* 1866 г. стр. 880—888. 1705. „Изъ записокъ Толстаго". *Рус. Старина.* 1879 г. II, 223. Надъ современными нѣмцами Пушкинъ не разъ подсмѣивался, напр.:

Бывало, нѣжные поэты,
Въ надеждѣ славы и похвалъ,
Точили тонкій мадригалъ
Иль остроумные куплеты. *(Евгеній Онѣгинъ).*

(34) Какъ частныя лица, такъ и правительство сильно вооружались противъ легкаго иностраннаго вліянія. „Дневникъ чиновника". *Отеч. Зап.* 1855 г. т. 99; *П. Собр. Зак.* № 24,647. Въ 1812 г. янв. 19 министерство жаловалось, что иностранцы въ харьковскомъ округѣ берутъ на себя смѣлость воспитывать дѣтей, нимало не заботясь о своей обязанности; „побуждаемые однимъ корыстолюбіемъ, нерѣдко выдаютъ себя знающими такіе предметы, о которыхъ едва ли имѣютъ какое понятіе". Такъ въ Тамбовѣ явился учителемъ праздношатающійся французъ Филипъ Фовель, присягнувшій на подданство Россіи. (*Тамъ же*, № 24,956). Въ *1812 г.* министръ писалъ, что родители ученіемъ языковъ замѣняютъ всегда почти совершенное воспитаніе; но „искать образца для нашей нравственности въ чуждыхъ нравахъ есть заблужденіе, давно уже чувствуемое и истинными сынами отечества истребляемое, или по крайней мѣрѣ порицаемое". *(Сборн. Постан.* № 250 *стр.* 776).

Въ 1813 г. Александръ I-й, говоря о современномъ русскомъ воспитаніи, прибавилъ: „наша молодежь, научившись танцовать и болтать по французски, воображаетъ, что все уже знаетъ. Вы не можете себѣ представить, какъ нравственно испорчено наше общество: не вѣритъ въ дружбу, въ возможность безкорыстной привязанности". Разсуждая о новѣйшей педагогикѣ, слишкомъ заботящейся облегчить трудъ при изученіи науки, онъ сказалъ о системѣ Песталоцци: „желая упростить начальные пріемы, онъ доводитъ молодежь до состоянія машины". *(Рус. Старина* 1877 г. XII, 606).

Н. Н. Бантышъ-Каменскій пишетъ: „послѣ чумы, на Москву напала другая зараза—*французолюбіе.* Много французовъ и француженокъ наѣхало съ разныхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были люди очень вредные"... Много знатныхъ москвичей были жертвами ихъ обмана При полной обезпеченности и отсутствію серьезнаго воспитанія, подъ вліяніемъ учителей французовъ, молодой человѣкъ, записанный съ колыбели въ военную службу, въ 20 лѣтъ выходилъ въ отставку съ чиномъ бригадира или майора и, благодаря воспитанію, ничѣмъ серьезнымъ не могъ заняться. Ф. Вигель пишетъ пріятелю въ Симбирскъ: „въ Москвѣ всякій иностранецъ въ диковинку, не знаю, случалось ли тебѣ читать плохіе московскіе журналы до 1812 г. Ты бы нашелъ объявленія о пріѣздѣ всякого неизвѣстнаго ледащаго англичанина, француза или итальянца, описаніе его костюма, наружности и, разумѣется, все въ похвалу". Поэтому картина Грибоѣдова о французѣ, собиравшемся въ Россію къ варварамъ со страхомъ и слезами и нашедшемъ самый радушный пріемъ, вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности:

Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца...
Лишь ротъ раскрылъ—имѣетъ счастье,
Во всѣхъ княженъ вселять участье.

ство и его слѣдствія. *Рус. Архивъ.* 1866 г. стр. 880—888. 1705. „Изъ записокъ Толстаго". *Рус. Старина.* 1879 г. II, 223. Надъ современными нѣмцами Пушкинъ не разъ подсмѣивался, напр.:

Бывало, нѣжные поэты,
Въ надеждѣ славы и похвалъ,
Точили тонкій мадригалъ
Иль остроумные куплеты. *(Евгеній Онѣгинъ).*

(34) Какъ частныя лица, такъ и правительство сильно вооружались противъ легкаго иностраннаго вліянія. „Дневникъ чиновника". *Отеч. Зап.* 1855 г. т. 99; *П. Собр. Зак.* № 24,647. Въ 1812 г. янв. 19 министерство жаловалось, что иностранцы въ харьковскомъ округѣ берутъ на себя смѣлость воспитывать дѣтей, нимало не заботясь о своей обязанности; „побуждаемые однимъ корыстолюбіемъ, нерѣдко выдаютъ себя знающими такіе предметы, о которыхъ едва ли имѣютъ какое понятіе". Такъ въ Тамбовѣ явился учителемъ праздношатающійся французъ Филипъ Фовель, присягнувшій на подданство Россіи. (*Тамъ же*, № 24,956). Въ *1812 г.* министръ писалъ, что родители ученіемъ языковъ замѣняютъ всегда почти совершенное воспитаніе; но „искать образца для нашей нравственности въ чуждыхъ нравахъ есть заблужденіе, давно уже чувствуемое и истинными сынами отечества истребляемое, или по крайней мѣрѣ порицаемое". *(Сборн. Постан.* № 250 *стр.* 776).

Въ 1813 г. Александръ I-й, говоря о современномъ русскомъ воспитаніи, прибавилъ: „наша молодежь, научившись танцовать и болтать по французски, воображаетъ, что все уже знаетъ. Вы не можете себѣ представить, какъ нравственно испорчено наше общество: не вѣритъ въ дружбу, въ возможность безкорыстной привязанности". Разсуждая о новѣйшей педагогикѣ, слишкомъ заботящейся облегчить трудъ при изученіи науки, онъ сказалъ о системѣ Песталоцци: „желая упростить начальные пріемы, онъ доводитъ молодежь до состоянія машины". *(Рус. Старина* 1877 г. XII, 606).

Н. Н. Бантышъ-Каменскій пишетъ: „послѣ чумы, на Москву напала другая зараза—*французолюбіе.* Много французовъ и француженокъ наѣхало съ разныхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были люди очень вредные"... Много знатныхъ москвичей были жертвами ихъ обмана При полной обезпеченности и отсутствію серьезнаго воспитанія, подъ вліяніемъ учителей французовъ, молодой человѣкъ, записанный съ колыбели въ военную службу, въ 20 лѣтъ выходилъ въ отставку съ чиномъ бригадира или майора и, благодаря воспитанію, ничѣмъ серьезнымъ не могъ заняться. Ф. Вигель пишетъ пріятелю въ Симбирскъ: „въ Москвѣ всякій иностранецъ въ диковинку, не знаю, случалось ли тебѣ читать плохіе московскіе журналы до 1812 г. Ты бы нашелъ объявленія о пріѣздѣ всякого неизвѣстнаго ледащаго англичанина, француза или итальянца, описаніе его костюма, наружности и, разумѣется, все въ похвалу". Поэтому картина Грибоѣдова о французѣ, собиравшемся въ Россію къ варварамъ со страхомъ и слезами и нашедшемъ самый радушный пріемъ, вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности:

Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца...
Лишь ротъ раскрылъ—имѣетъ счастье,
Во всѣхъ княженъ вселять участье.

Шишковъ писалъ, что, несмотря на силу и торжество нашего оружія въ 1812 г., мы не освободились еще отъ нравственнаго иностраннаго рабства; „какъ можетъ не впасть въ уничиженіе духъ того народа, который самъ въ себѣ отвергаетъ способность воспитывать своихъ дѣтей, (словно какъ бы природа лишила его возможности быть просвѣщеннымъ и благонравнымъ народомъ!), и что для пріобрѣтенія сихъ достоинствъ долженъ онъ непремѣнно прибѣгать къ помощи иностранцевъ"?

Самое опустошеніе Россіи въ 12-мъ году у многихъ пустыхъ людей не отбило охоты къ французоманіи. С. Т. Аксаковъ писалъ къ А. И. Казначееву 1814 года, какъ ошибались они,

„Что раззореніе, пожары и грабежъ,
Враговъ неистовство, коварство, злоба, ложь,
Собратій нашихъ смерть, страны опустошенье
Къ французамъ посслятъ на вѣки отвращенье;
Что поруганье дѣвъ, убійство женъ, дѣтей,
Развалины градовъ и пепелъ святыхъ церквей
Межъ нами положить должны преграду вѣчну...
Я мнилъ, что зарево пылающей столицы
Освѣтитъ наконецъ злодѣевъ мрачны лицы;
Что въ страшномъ семъ огнѣ пристрастіе сгоритъ,
Что огнь сей—огнь любви къ отчизнѣ воспалитъ..
Но въ самомъ торжествѣ я вижу нашъ позоръ!
Рукою побѣдя, мы рабствуемъ умами"...

Толпы плѣнниковъ и грабителей болѣе сожалѣютъ, чѣмъ русскихъ воиновъ, израненныхъ въ сраженьяхъ, и во многихъ домахъ дѣлаютъ друзьями.

„Но что? дѣтей своихъ ввѣряли воспитанье
Развратнымъ бѣглецамъ, которымъ воздаянье
Одно достойно ихъ—на лобномъ мѣстѣ казнь"!

(*Рус. Архивъ* 1878 г. № 2).

(37) Пушкинъ писалъ о воспитаніи I-й половины XI стол.: „Въ Россіи домашнее воспитаніе самое недостаточное, безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести, воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь наемнымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше". Онъ считаетъ вреднымъ для воспитанія раздачу чиновъ за службу, достиженіе которыхъ сдѣлалось страстью русскаго народа. *(Девятн. вѣкъ Бартенева 1872 г.).*

(35) *Рус. Стар.* 1877 г. XII, *стр.* 662. Государь писалъ Лагарпу о своей довѣрчивости къ окружающимъ и о черноте испорченныхъ душъ, прибавивъ: „часто судишь самъ по себѣ и желая добра, ласкаешь себя тѣмъ, что другіе имѣютъ тѣже намѣренія, до тѣхъ поръ, пока опытъ не убѣдитъ въ противномъ; тогда выходишь изъ-заблужденія, но можетъ уже поздно и зло сдѣлано... Болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и труда согласовать частные интересы и пенависти и заставить другихъ со-

Шишковъ писалъ, что, несмотря на силу и торжество нашего оружія въ 1812 г., мы не освободились еще отъ нравственнаго иностраннаго рабства; „какъ можетъ не впасть въ уничиженіе духъ того народа, который самъ въ себѣ отвергаетъ способность воспитывать своихъ дѣтей, (словно какъ бы природа лишила его возможности быть просвѣщеннымъ и благонравнымъ народомъ!), и что для пріобрѣтенія сихъ достоинствъ долженъ онъ непремѣнно прибѣгать къ помощи иностранцевъ"?

Самое опустошеніе Россіи въ 12-мъ году у многихъ пустыхъ людей не отбило охоты къ французоманіи. С. Т. Аксаковъ писалъ къ А. И. Казначееву 1814 года, какъ ошибались они,

„Что раззореніе, пожары и грабежъ,
Враговъ неистовство, коварство, злоба, ложь,
Собратій нашихъ смерть, страны опустошенье
Къ французамъ посслятъ на вѣки отвращенье;
Что поруганье дѣвъ, убійство женъ, дѣтей,
Развалины градовъ и пепелъ святыхъ церквей
Межъ нами положить должны преграду вѣчну...
Я мнилъ, что зарево пылающей столицы
Освѣтитъ наконецъ злодѣевъ мрачны лицы;
Что въ страшномъ семъ огнѣ пристрастіе сгоритъ,
Что огнь сей—огнь любви къ отчизнѣ воспалитъ..
Но въ самомъ торжествѣ я вижу нашъ позоръ!
Рукою побѣдя, мы рабствуемъ умами"...

Толпы плѣнниковъ и грабителей болѣе сожалѣютъ, чѣмъ русскихъ воиновъ, израненныхъ въ сраженьяхъ, и во многихъ домахъ дѣлаютъ друзьями.

„Но что? дѣтей своихъ ввѣряли воспитанье
Развратнымъ бѣглецамъ, которымъ воздаянье
Одно достойно ихъ—на лобномъ мѣстѣ казнь"!

(*Рус. Архивъ* 1878 г. № 2).

(37) Пушкинъ писалъ о воспитаніи I-й половины XI стол.: „Въ Россіи домашнее воспитаніе самое недостаточное, безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести, воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь наемнымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше". Онъ считаетъ вреднымъ для воспитанія раздачу чиновъ за службу, достиженіе которыхъ сдѣлалось страстью русскаго народа. *(Девятн. вѣкъ Бартенева 1872 г.).*

(35) *Рус. Стар.* 1877 г. XII, *стр.* 662. Государь писалъ Лагарпу о своей довѣрчивости къ окружающимъ и о черноте испорченныхъ душъ, прибавивъ: „часто судишь самъ по себѣ и желая добра, ласкаешь себя тѣмъ, что другіе имѣютъ тѣже намѣренія, до тѣхъ поръ, пока опытъ не убѣдитъ въ противномъ; тогда выходишь изъ-заблужденія, но можетъ уже поздно и зло сдѣлано... Болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и труда согласовать частные интересы и пенависти и заставить другихъ со-

дѣйствовать единственной цѣли—общей пользѣ... Дружба ваша будетъ служить мнѣ утѣшеніемъ въ горести". (*Др. и Нов. Рос.* XII, 388).

(36) *Рус. Стар.* 1877 г. XII. 590. 603. Матер. для исторіи образ. въ Россіи. *Сухомлинова.* 1865 г. 24—27. Объ-остзейскихъ провинціяхъ см. *Вѣстн. Евр.* 1877 г. XII, 644. *П. С. Зак.* № 30,110.

(37) *Постан.* по *Мин. Н. Просв.* I, 778. 830. *П. С. Зак.* №№ 25,019. 26.032. № 28,198. Въ указѣ приведены слова буллы (1773 г.) папы Климента XIV, уничтожившаго орденъ,—что іезуиты съ самаго учрежденія ихъ общества занимались низкими происками, имѣли безпрестанные раздоры съ другими орденами и несогласія съ правительствами; многіе роптали на ихъ ученіе, противное добрымъ нравамъ и истинному благочестію; всѣ вообще упрекали ихъ въ излишней склонности къ пріобрѣтенію благъ житейскихъ и проч. Когда уничтожено было общество іезуитовъ, они искали покровительства Екатерины II-й, которая оказала имъ снисходительную терпимость, хотя отлично понимали ихъ, какъ видно изъ писемъ ея къ Гримму. *Рус. Арх.* 1878 г. № 9. „Іезуитскому обществу не только предоставлены въ Бѣлоруссіи недвижимыя имѣнія, но еще повелѣно было съ принадлежащихъ оному крестьянъ не собирать и податей казенныхъ". Но давая такія права, императрица оказывала покровительство до тѣхъ поръ, пока они не преступятъ границъ долга, а въ 1782 г. издала указъ о согласованіи іезуитскихъ правилъ съ государственными постановленіями; въ 1800 г. они допущены къ богослуженію въ С.-петербургѣ и завели коллегію для воспитанія юношества и брали значительную плату за содержаніе пансіонеровъ. (*П. С. Зак.* № 28,198, марта 13).

Въ 1822 г. цесаревичъ Константинъ довелъ до свѣдѣнія государя, что многіе помѣщики польско-литовскаго края отправляли для воспитанія дѣтей своихъ къ іезуитамъ въ австрійскія владѣнія; правительство запретило это и распорядилось потребовать отъ родителей, чтобы они возвратили оттуда своихъ дѣтей. *(Сборн. Постан.* № 540, *стр.* 1684). Князь Одоевскій свидѣтельствуетъ, что іезуиты, которые пребывали въ Россіи и воспитывали нѣкоторыхъ лицъ, поступившихъ потомъ на службу, имѣли значеніе и вліяніе на понятія, дававшія тогда ходъ нашей правительственной дѣятельности. *(Записки Одоевс. Рус. Арх. 1874 г.).*

(38) *Сборн. Постан.* I, № 575, *стр.* 1766—1772. № 601, стр. 1784. Въ 1824 г. приказано уничтожить училище въ *Кейданахъ*, по случаю открытія вреднѣйшихъ правилъ и соглашеній между учащимися къ злодѣйственнымъ преступленіямъ, дабы сіе зловредное гнѣздо было искоренено (*П. Собр. Зак.* № 29.802). Въ 1825 г. по распоряженію государя велѣно учредить въ городахъ Оршѣ и Мстиславлѣ свѣтскія училища, вмѣсто управляемыхъ католическимъ духовенствомъ. (*П. С. Зак.* № 30.539).

(39) Объ-учрежденіи главнаго педагогич. института 1804 г. апр. 16. *П. С. Зак.* № 21.265. Истор. царств. Александра I-го. *Богдановича.* V, 125.

(40) Подробныя свѣдѣнія о научной дѣятельности въ царствованіе Александра I-го въ статьѣ М. П. Погодина: „Судьбы Археологіи въ Россіи". Труды I-го Археол. съѣзда. Приложеніе въ 1-мъ томѣ 1871 г. *Сочин. Муравьева* 1856 г. т. II, 175. 242—243. О древностяхъ русскихъ. *Успенскаго.* 1813 г. „Историч. опис. древностей

дѣйствовать единственной цѣли—общей пользѣ... Дружба ваша будетъ служить мнѣ утѣшеніемъ въ горести". (*Др. и Нов. Рос.* XII, 388).

(36) *Рус. Стар.* 1877 г. XII. 590. 603. Матер. для исторіи образ. въ Россіи. *Сухомлинова.* 1865 г. 24—27. Объ-остзейскихъ провинціяхъ см. *Вѣстн. Евр.* 1877 г. XII, 644. *П. С. Зак.* № 30,110.

(37) *Постан.* по *Мин. Н. Просв.* I, 778. 830. *П. С. Зак.* №№ 25,019. 26.032. № 28,198. Въ указѣ приведены слова буллы (1773 г.) папы Климента XIV, уничтожившаго орденъ,—что іезуиты съ самаго учрежденія ихъ общества занимались низкими происками, имѣли безпрестанные раздоры съ другими орденами и несогласія съ правительствами; многіе роптали на ихъ ученіе, противное добрымъ нравамъ и истинному благочестію; всѣ вообще упрекали ихъ въ излишней склонности къ пріобрѣтенію благъ житейскихъ и проч. Когда уничтожено было общество іезуитовъ, они искали покровительства Екатерины II-й, которая оказала имъ снисходительную терпимость, хотя отлично понимали ихъ, какъ видно изъ писемъ ея къ Гримму. *Рус. Арх.* 1878 г. № 9. „Іезуитскому обществу не только предоставлены въ Бѣлоруссіи недвижимыя имѣнія, но еще повелѣно было съ принадлежащихъ оному крестьянъ не собирать и податей казенныхъ". Но давая такія права, императрица оказывала покровительство до тѣхъ поръ, пока они не преступятъ границъ долга, а въ 1782 г. издала указъ о согласованіи іезуитскихъ правилъ съ государственными постановленіями; въ 1800 г. они допущены къ богослуженію въ С.-петербургѣ и завели коллегію для воспитанія юношества и брали значительную плату за содержаніе пансіонеровъ. (*П. С. Зак.* № 28,198, марта 13).

Въ 1822 г. цесаревичъ Константинъ довелъ до свѣдѣнія государя, что многіе помѣщики польско-литовскаго края отправляли для воспитанія дѣтей своихъ къ іезуитамъ въ австрійскія владѣнія; правительство запретило это и распорядилось потребовать отъ родителей, чтобы они возвратили оттуда своихъ дѣтей. *(Сборн. Постан.* № 540, *стр.* 1684). Князь Одоевскій свидѣтельствуетъ, что іезуиты, которые пребывали въ Россіи и воспитывали нѣкоторыхъ лицъ, поступившихъ потомъ на службу, имѣли значеніе и вліяніе на понятія, дававшія тогда ходъ нашей правительственной дѣятельности. *(Записки Одоевс. Рус. Арх. 1874 г.).*

(38) *Сборн. Постан.* I, № 575, *стр.* 1766—1772. № 601, стр. 1784. Въ 1824 г. приказано уничтожить училище въ *Кейданахъ*, по случаю открытія вреднѣйшихъ правилъ и соглашеній между учащимися къ злодѣйственнымъ преступленіямъ, дабы сіе зловредное гнѣздо было искоренено (*П. Собр. Зак.* № 29.802). Въ 1825 г. по распоряженію государя велѣно учредить въ городахъ Оршѣ и Мстиславлѣ свѣтскія училища, вмѣсто управляемыхъ католическимъ духовенствомъ. (*П. С. Зак.* № 30.539).

(39) Объ-учрежденіи главнаго педагогич. института 1804 г. апр. 16. *П. С. Зак.* № 21.265. Истор. царств. Александра I-го. *Богдановича.* V, 125.

(40) Подробныя свѣдѣнія о научной дѣятельности въ царствованіе Александра I-го въ статьѣ М. П. Погодина: „Судьбы Археологіи въ Россіи". Труды I-го Археол. съѣзда. Приложеніе въ 1-мъ томѣ 1871 г. *Сочин. Муравьева* 1856 г. т. II, 175. 242—243. О древностяхъ русскихъ. *Успенскаго.* 1813 г. „Историч. опис. древностей

рос. музея", т. е. Оружейной палаты. *Малиновскаго* 1807 г. Исторію дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными государствами составилъ *Бантышъ-Каменскій.*

Министерство сознавало, что исторія не есть только удачное сплетеніе фактовъ. Въ инструкціи для студентовъ, посылаемыхъ въ чужіе края, для приготовленія къ профессорскому званію, замѣчено: „Ученіе исторіи состоитъ не въ одномъ познаніи происшествій,—съ помощію оной нынѣшнее состояніе людей должно изъяснять по сличенію съ прежними происшествіями". Впрочемъ взглядъ министерства на силу и значеніе частныхъ лицъ въ исторіи слишкомъ преувеличенъ. (*П. С. Зак.* № 23.035).

(41) Историч. обозр. казанс. общества любит. словесн. 1814 г. 34—45. О Востоковѣ см. *Академич. Сборн.* 1873 г. Образованные дѣятели стали бросать легкую литературу и мистическія сочиненія, болѣе и болѣе увлекались нѣмецкими научными изданіями; стремясь къ пріобрѣтенію знаній по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, молодые люди отправлялись за границу съ серьезной цѣлью. Изображая современнаго образованнаго человѣка, Пушкинъ представляетъ его знакомымъ съ германской ученостью; его Владиміръ Ленской,

Съ душою прямо геттингенской,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ...
Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ,
Подъ небомъ Шиллера и Гете,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ,—
И музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты. *(Евгеній Онѣгинъ).*

(42) Статья *Первольфа.* „Древн. и Нов. Россія". 1877 г. № 12.

(43) Адъюнктъ Срезневскій въ Казани разсуждалъ о пріятностяхъ упражненія въ словесности, которыя „подобны только неизъяснимому блаженству, которое одна добродѣтель въ сердца человѣческія вливать можетъ. Такъ! ибо добродѣтель есть единственная цѣль всѣхъ произведеній истинно—изящной словесности... Можно ли не

рос. музея", т. е. Оружейной палаты. *Малиновскаго* 1807 г. Исторію дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными государствами составилъ *Бантышъ-Каменскій.*

Министерство сознавало, что исторія не есть только удачное сплетеніе фактовъ. Въ инструкціи для студентовъ, посылаемыхъ въ чужіе края, для приготовленія къ профессорскому званію, замѣчено: „Ученіе исторіи состоитъ не въ одномъ познаніи происшествій,—съ помощію оной нынѣшнее состояніе людей должно изъяснять по сличенію съ прежними происшествіями". Впрочемъ взглядъ министерства на силу и значеніе частныхъ лицъ въ исторіи слишкомъ преувеличенъ. (*П. С. Зак.* № 23.035).

(41) Историч. обозр. казанс. общества любит. словесн. 1814 г. 34—45. О Востоковѣ см. *Академич. Сборн.* 1873 г. Образованные дѣятели стали бросать легкую литературу и мистическія сочиненія, болѣе и болѣе увлекались нѣмецкими научными изданіями; стремясь къ пріобрѣтенію знаній по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, молодые люди отправлялись за границу съ серьезной цѣлью. Изображая современнаго образованнаго человѣка, Пушкинъ представляетъ его знакомымъ съ германской ученостью; его Владиміръ Ленской,

Съ душою прямо геттингенской,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ...
Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ,
Подъ небомъ Шиллера и Гете,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ,—
И музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты. *(Евгеній Онѣгинъ).*

(42) Статья *Первольфа.* „Древн. и Нов. Россія". 1877 г. № 12.

(43) Адъюнктъ Срезневскій въ Казани разсуждалъ о пріятностяхъ упражненія въ словесности, которыя „подобны только неизъяснимому блаженству, которое одна добродѣтель въ сердца человѣческія вливать можетъ. Такъ! ибо добродѣтель есть единственная цѣль всѣхъ произведеній истинно—изящной словесности... Можно ли не

воспламеняться духомъ отъ восторговъ Ломоносова, не плѣняться изображеніями Хераскова и Державина, не млѣть сердцемъ отъ нѣжностей Карамзина, не трогаться меланхолическими чувствованіями Каннста?“ и т. дал.

(44) *Вѣстн. Евр.* 1876 г. № 11. 1870 г. *іюнь* 681. *Сухомлинова.* „Матеріалы для истор. образованія Рос.“. Истор. рус. словесн. *Галахова.* 1863 г. 570.

(45) *П. Собр. Зак.* № 27,106. Въ докладѣ министра объ—открытіи Ришельевскаго лицея (1817 г.) между прочимъ означено: „Воспитаніе и учебное образованіе юношества есть одинъ изъ предметовъ, удостоиваемыхъ особеннаго вниманія Вашего Императорскаго Величества. Въ разныхъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего, благотворнымъ попеченіемъ Вашимъ споспѣшествуемы, возникли уже и возникаютъ еще вновь многія учебныя заведенія“. Здѣсь сказано, что главнымъ основаніемъ ученія и воспитанія лицея будетъ познаніе вѣры христовой, молитвы и проч. Питомцы ежедневно вытверживаютъ по 2 или по 3 стиха изъ св. Писанія; предъ вечерней молитвой священникъ читаетъ имъ поучительную книгу. *(Тамъ же* № 26,827). Въ уставѣ Нѣжинскаго лицея (1825 г.) читаемъ: Вѣра христіанская должна составлять главнѣйшій предметъ и одушевлять весь курсъ ученія по всѣмъ предметамъ онаго. Питомцы ежедневно обязаны читать священное Писаніе въ продолженіе всего своего воспитанія. Слѣдуетъ пріучить, чтобы они ничего въ теченіе дня не начинали безъ молитвы и не оканчивали; по вечерамъ идетъ назидательное чтеніе книгъ и заучиванье текстовъ новаго завѣта. (Сборн. Постан. № 616, стр. 1817).

Инструкція Магницкаго въ *Сборн. Пост.* стр. 1320. Эта инструкція должна быть принята въ руководство С.-петербургскимъ университетомъ 1821 г. *(П. Собр. Зак* №№ 28,767. 29,725). Въ 1823 г. запрещено ѣздить учиться въ германскіе университеты. Но государь призналъ, однакожъ, что всякое дѣйствіе власти въ семъ случаѣ, изъявленное въ рѣшительномъ повелѣніи, произведетъ непремѣнно нѣкоторую гласность, при коей таковое распоряженіе, основанное на благоразумной предусмотрительности, содѣлается предметомъ злонамѣренныхъ толковъ“. Государь приказалъ употребить дружелюбныя увѣщанія родителямъ и опекунамъ, чтобы вызвали русскихъ студентовъ изъ этихъ университетовъ. *(П. Собр. Зак.* № 29,326).

Въ 1824 г. ноября 17 указано „войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось“ *(Сборн. Пост. стр.* 1844). Мая 15 слѣдующаго года велѣно разсмотрѣть книги, печатанныя безъ разрѣшенія Синода. „Подобныя книги, распространенныя въ немаломъ количествѣ, успѣли уже послужить къ порожденію весьма вредныхъ и заразительныхъ умствованій и толковъ, которые, разрушая священнѣйшія связи между церковію, престоломъ и отечествомъ, вводятъ въ соблазны, развращаютъ нравы и потрясаютъ спокойствіе, законы и благоденствіе народное... Соображая всѣ сіи важныя обстоятельства и силу высочайшаго повелѣнія (17 ноября 1824 г.) министръ народнаго просвѣщенія поставляетъ за непремѣнный долгъ обратиться къ св. Синоду, яко верховному блюстителю вѣры и благонравія, на коихъ основано блаженство каждаго и всѣхъ, да благословеніемъ его, богобоязненнымъ попеченіемъ и мудрыми содѣйствіями, оградится народная нравственность и воспитаніе отъ всякихъ ересей и лжеученій, помрачающихъ истинное просвѣщеніе, и тако да испол-

воспламеняться духомъ отъ восторговъ Ломоносова, не плѣняться изображеніями Хераскова и Державина, не млѣть сердцемъ отъ нѣжностей Карамзина, не трогаться меланхолическими чувствованіями Каннста?“ и т. дал.

(44) *Вѣстн. Евр.* 1876 г. № 11. 1870 г. *іюнь* 681. *Сухомлинова.* „Матеріалы для истор. образованія Рос.“. Истор. рус. словесн. *Галахова.* 1863 г. 570.

(45) *П. Собр. Зак.* № 27,106. Въ докладѣ министра объ—открытіи Ришельевскаго лицея (1817 г.) между прочимъ означено: „Воспитаніе и учебное образованіе юношества есть одинъ изъ предметовъ, удостоиваемыхъ особеннаго вниманія Вашего Императорскаго Величества. Въ разныхъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего, благотворнымъ попеченіемъ Вашимъ споспѣшествуемы, возникли уже и возникаютъ еще вновь многія учебныя заведенія“. Здѣсь сказано, что главнымъ основаніемъ ученія и воспитанія лицея будетъ познаніе вѣры христовой, молитвы и проч. Питомцы ежедневно вытверживаютъ по 2 или по 3 стиха изъ св. Писанія; предъ вечерней молитвой священникъ читаетъ имъ поучительную книгу. *(Тамъ же* № 26,827). Въ уставѣ Нѣжинскаго лицея (1825 г.) читаемъ: Вѣра христіанская должна составлять главнѣйшій предметъ и одушевлять весь курсъ ученія по всѣмъ предметамъ онаго. Питомцы ежедневно обязаны читать священное Писаніе въ продолженіе всего своего воспитанія. Слѣдуетъ пріучить, чтобы они ничего въ теченіе дня не начинали безъ молитвы и не оканчивали; по вечерамъ идетъ назидательное чтеніе книгъ и заучиванье текстовъ новаго завѣта. (Сборн. Постан. № 616, стр. 1817).

Инструкція Магницкаго въ *Сборн. Пост.* стр. 1320. Эта инструкція должна быть принята въ руководство С.-петербургскимъ университетомъ 1821 г. *(П. Собр. Зак* №№ 28,767. 29,725). Въ 1823 г. запрещено ѣздить учиться въ германскіе университеты. Но государь призналъ, однакожъ, что всякое дѣйствіе власти въ семъ случаѣ, изъявленное въ рѣшительномъ повелѣніи, произведетъ непремѣнно нѣкоторую гласность, при коей таковое распоряженіе, основанное на благоразумной предусмотрительности, содѣлается предметомъ злонамѣренныхъ толковъ“. Государь приказалъ употребить дружелюбныя увѣщанія родителямъ и опекунамъ, чтобы вызвали русскихъ студентовъ изъ этихъ университетовъ. *(П. Собр. Зак.* № 29,326).

Въ 1824 г. ноября 17 указано „войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось“ *(Сборн. Пост. стр.* 1844). Мая 15 слѣдующаго года велѣно разсмотрѣть книги, печатанныя безъ разрѣшенія Синода. „Подобныя книги, распространенныя въ немаломъ количествѣ, успѣли уже послужить къ порожденію весьма вредныхъ и заразительныхъ умствованій и толковъ, которые, разрушая священнѣйшія связи между церковію, престоломъ и отечествомъ, вводятъ въ соблазны, развращаютъ нравы и потрясаютъ спокойствіе, законы и благоденствіе народное... Соображая всѣ сіи важныя обстоятельства и силу высочайшаго повелѣнія (17 ноября 1824 г.) министръ народнаго просвѣщенія поставляетъ за непремѣнный долгъ обратиться къ св. Синоду, яко верховному блюстителю вѣры и благонравія, на коихъ основано блаженство каждаго и всѣхъ, да благословеніемъ его, богобоязненнымъ попеченіемъ и мудрыми содѣйствіями, оградится народная нравственность и воспитаніе отъ всякихъ ересей и лжеученій, помрачающихъ истинное просвѣщеніе, и тако да испол-

нится священная воля благочестиваго монарха нашего, къ общему спокойствію и счастію всѣхъ его вѣрноподданныхъ".

Здѣсь поименованы слѣдующія книги вредныя: 1. Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа христова 1820 г. 2. Таинство креста 1820. г. 3. Путь ко Христу. *Бема.* 1815 г. 4. Побѣдная повѣсть Штиллинга. 5. Сіонскій вѣстникъ. 6. Соч. г-жи Гіонъ и др.

(46) Сборн. историч. матер. I, 1876 г. Записки *Панаева.* Вѣстн. Евр. 1867 г. IV, XII, 1877 г. XII, 499. 501. 504. *Сухомлинова.* Матеріалы для исторіи образованія Россіи. *Рус. Стар.* 1875 г. объ—архимандритѣ Фотіѣ.

Кто желаетъ подробно познакомиться съ личностью и характеромъ Александра I-го; тотъ найдетъ драгоцѣнныя данныя въ письмахъ Екатерины II-й къ Гримму. *Рус. Архивъ* 1878 г. №№ 9 и 10.

нится священная воля благочестиваго монарха нашего, къ общему спокойствію и счастію всѣхъ его вѣрноподданныхъ".

Здѣсь поименованы слѣдующія книги вредныя: 1. Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа христова 1820 г. 2. Таинство креста 1820. г. 3. Путь ко Христу. *Бема.* 1815 г. 4. Побѣдная повѣсть Штиллинга. 5. Сіонскій вѣстникъ. 6. Соч. г-жи Гіонъ и др.

(46) Сборн. историч. матер. I, 1876 г. Записки *Панаева.* Вѣстн. Евр. 1867 г. IV, XII, 1877 г. XII, 499. 501. 504. *Сухомлинова.* Матеріалы для исторіи образованія Россіи. *Рус. Стар.* 1875 г. объ—архимандритѣ Фотіѣ.

Кто желаетъ подробно познакомиться съ личностью и характеромъ Александра I-го; тотъ найдетъ драгоцѣнныя данныя въ письмахъ Екатерины II-й къ Гримму. *Рус. Архивъ* 1878 г. №№ 9 и 10.

2007042982

2007042982